

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук»**

На правах рукописи

Ильичева Мария Валерьяновна

**ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 23.00.02 - политические институты, процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель -
доктор экономических наук, профессор
Рогачев С.В.

Москва - 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности.....	18
1.1 Понятие цифровой реальности.....	18
1.2 Изменение государственных структур, задач и функций государства в условиях становления цифровой реальности.....	32
1.3 Развитие гражданского общества и его институтов в ракурсе цифровой реальности.....	48
Глава 2 Трансформация государства и гражданского общества, механизмов их взаимодействия в цифровой реальности.....	67
2.1 Цифровая демократия.....	67
2.2 Государство в цифровой реальности: изменение форм и способов взаимодействия с гражданским обществом.....	86
2.3 Негосударственные СМИ и новые медиа в цифровой реальности.....	104
Глава 3 Направления дальнейших изменений во взаимодействии государства и институтов гражданского общества в условиях динамичного развития цифровой реальности.....	119
3.1 Тенденции изменений управленческих функций государства и институтов гражданского общества, обусловленных развитием цифровой реальности.....	119
3.2 Тренды трансформации коммуникативных процессов в связи с развитием цифровых ИКТ и их проявление во взаимодействии государства и институтов гражданского общества.....	131
3.3 Перспективы развития властных отношений под влиянием изменений цифровой реальности.....	142
Заключение.....	152
Список использованных источников.....	159

Введение

Актуальность исследуемой темы. Развитие процессов цифровизации и распространение новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) привели к построению цифровой реальности, которая существенным образом изменила традиционные политические институты общества и создала новые. Открывшиеся возможности цифровой реальности трансформировали механизмы участия граждан и институтов гражданского общества в государственном управлении, повысили уровень их контроля над ним, сделали деятельность государства более открытой. Все большее количество интернет-пользователей стало вовлекаться в процессы политического участия через общественные дискуссии, гражданские экспертизы, коллективную выработку решений на базе интернет-платформ и пр. Сетевые сообщества сформировались в политическую силу, которая способна оказывать реальное влияние на структуры государственной власти и социально-политическое развитие страны и мира в целом. В свою очередь, и государство нашло свое место в Сети, как и традиционные институты гражданского общества.

Цифровая реальность заложила новые принципы коммуникативных процессов. Это, с одной стороны, - свобода выражения мнений, оперативность реагирования на события в реальной жизни, гласность, самокоммуникации, когда пользователь одновременно - и субъект, и объект информационного воздействия, но, с другой стороны, - возможные нарушения приватности личного пространства пользователя Сети, потенциальная опасность тотального контроля, целый ряд негативных явлений и процессов, направленных на оказание психологического и иного давления на интернет-пользователя.

В цифровую эпоху под воздействием Сети изменилось само государство. Оно было вынужденно начать цифровизацию системы государственного управления, создать электронный документооборот, цифровые платформы для общения с гражданами, что укрепило принципы обратной связи, изменив механизмы взаимодействия с гражданами и институтами гражданского общества. Именно государство взяло на себя главную обязанность по обеспе-

чению безопасности в Сети. Традиционные институты гражданского общества также перешли в цифровую реальность, создав собственные сайты, электронные общественные приемные для граждан и пр. Вместе с тем по-прежнему остались проблемы, которые актуальны, социально значимы и требуют своего осмысления и практического разрешения. Среди них:

- установление и закрепление цифровых прав граждан, которые составляют основу взаимодействия граждан с государством и институтами гражданского общества в цифровой среде. В условиях российской действительности эти права только формируются;

- необходимость решения проблемы доступности Интернета для всех граждан России: цифровизация государства и институтов гражданского общества заставляет их перемещать свою деятельность в Сеть, а это значит, что граждане, которые по разным причинам не имеют возможности подключиться к Интернету, оказываются вне сферы оказания государственных услуг или поддержки со стороны институтов гражданского общества;

- до сих пор не отработаны механизмы нахождения компромисса между реализацией прав граждан на свободу слова, объединений в цифровой реальности и ограничениями этих свобод в целях обеспечения государственного суверенитета, пресечения преступной деятельности в Интернете, сохранения основ общественной морали;

- государство выстраивало свои взаимодействия с институтами гражданского общества и отдельными гражданами в системе вертикальных, иерархически выстроенных связей. В условиях цифровой среды превалируют горизонтальные связи, и государство должно адаптироваться к этому; вместе с тем сформированное таким образом сервисное государство должно не утратить свои базисные функции по обеспечению безопасности граждан, общества и государства;

- расширение участия граждан и институтов гражданского общества в государственном управлении через Сеть должно сопровождаться формиро-

ванием соответствующих механизмов воздействия на государственные структуры, в настоящее время такие механизмы еще только создаются;

- опросы общественного мнения в российском обществе показывают снижение доверия граждан к государственным структурам и традиционным институтам гражданского общества; отсюда, необходимость решения проблемы, как повысить степень доверия к ним граждан, используя средства и методы цифровой реальности; не менее важная проблема - как избежать манипулирования сознанием интернет-пользователя и распознавать, по терминологии Ж.Бодрийяра, симулякры в цифровой среде;

- цифровые технологии постоянно развиваются, и уже сейчас ученые, футурологи говорят об обществе 5.0, а это значит, что процессы постоянных изменений государства, институтов гражданского общества, как и механизмов их взаимодействия, неизбежны; все это требует от данных структур гибкости, оперативности реагирования, в связи с этим важно проанализировать тенденции дальнейших изменений в управлении государством, властных полномочий, коммуникативных процессов между государством и институтами гражданского общества;

- нуждаются в теоретическом анализе и такие понятия, как «цифровая реальность», «цифровизация», «электронная демократия», «электронное государство», «цифровое гражданство» и пр.

Таким образом, обозначенный круг проблем, требующих своего решения, подтверждает актуальность и значимость выбранной темы исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Тема взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности - комплексная, требующая для своего всестороннего осмысления обращения к работам, которые условно можно разделить на следующие группы.

Первую группу составляют работы, посвященные исследованию цифровой реальности. В ракурсе раскрытия теоретико-методологических основ изучения цифровой реальности тема анализировалась в работах В.И.Аршинова, Е.В.Галаниной, Д.Козна, А.С.Салина, Ю.Хабермаса,

К.Шваба, Э.Шмидта [29; 54; 111; 229; 251] и др. Коммуникативные процессы в цифровой реальности рассматривались в трудах М.Кастельса (который попытался описать и особенности политических процессов в цифровом обществе), А.В.Агеевой, Г.В.Красноцветовым, С.В.Девятовой, В.П.Казарян, А.Г.Капустиной [20; 64; 93; 97] и др.; политологический анализ феноменов виртуальной, дополненной, смешанной, расширенной реальностей представлен в работах К.Лэйтана, Л.В.Мироновой, Э.Мэйнарда, Н.А.Носова, М.Портера, Дж.Хепельмана, С.С.Хоружия [126; 138; 151; 239; 289] и др.; экономико-политологические аспекты цифровой реальности затрагивались в работах П.Друкера, Б.Б.Славина, Дж.Стиглица, Ф.Хейлинга [73; 180; 200; 208] и др.; постмодернистский вариант политологического анализа цифровой реальности раскрыт в произведениях Ж.Бодрийяра, Ф.Гваттари, Ж.Делеза, Е.Е.Трещевой, Г.А.Чеджемова [36; 66; 219] и др.; в ракурсе риск-ориентированного подхода цифровая реальность исследовалась в трудах У.Бека [31]. Понимание цифровой реальности как идентичной цифровому обществу рассматривалось Т.Адорно, Д.Беллом, М.Маклюэном, Р.Миллсом, Дж.Нейсбитом, К.Скиннером, Э.Тоффлером, М.Хоркхаймером [32; 129; 134; 144; 200; 218; 240] и др. Прогностический (футуристический) подход к исследованию цифровой реальности был применен в работах М.А.Батина, А.В.Турчина, Ю.Н.Харари [221; 234] и др. авторов. Технократический подход к анализу цифровой реальности нашел отражение в трудах В.И.Аршинова, Д.В.Кравцова, Е.А.Леонова [29; 113] и др.

Вторая группа работа раскрывает изменение роли государства и его структур под влиянием цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В связи с этим анализируются изменение характера властных отношений, процессы цифровизации государственных функций, современные теоретические подходы к пониманию электронного (и цифрового) государства (Р.Ф.Азизов, А.А.Бочков, А.А.Васильев, А.В.Виловатых, В.Д.Зорькин, А.С.Киселев, И.А.Конюхова, Д.А.Ловцов, Л.С.Мамут, И.В.Понкин, Т.О'Рейли, С.В.Рогачев, О.В.Романовская, Г.Б.Романовский,

А.М.Тарасов, Л.Н.Тимофеева, Т.Я.Хабриева, Н.Н.Черногор, Д.Шпотер [21; 38; 43; 61; 85; 102; 130; 166; 181; 182; 185; 208; 212; 216; 231; 287] и др.), тенденции в государственном управлении (Ю.М.Акаткин, М.А.Буринов, О.В.Михайлова, И.И.Смотрницкая, Э.В.Талапина, Е.В.Холодная, Е.Д.Ясиновская [22; 42; 139; 167; 203; 209; 237] и др.), модель сетевого государства (Л.В.Голоскоков, А.Г.Кравченко, Л.В.Сморгунов, А.С.Шерстобитов [57; 112; 203] и др.), проблемы государственного суверенитета в цифровой реальности (К.В.Андерсен, Ф.Баннистер, Дж.Бартельсон, А.Гренлунд, Х.Хенриксен, Дж.Хоффман; А.Л.Бредихин, А.В.Даниленков, Р.М.Дзидзоев, А.А.Ефремов, А.Е.Карпова, Т.С.Масловская, Л.В.Терентьева, С.В.Хмелевский [39; 63; 68; 76; 94; 132; 214; 235; 259; 261; 262; 273] и др.).

Третья группа работ посвящена проблемам гражданского общества в условиях цифровой реальности. В них анализируются изменения последнего под влиянием цифровых ИКТ, а также раскрываются новые аспекты проведения демократических процедур (в частности, избирательных компаний, голосований и пр.) в цифровой реальности (Д.С.Абрамова, Д.А.Авдеев, Р.В.Амелин, Я.В.Антонов, Р.Багума, С.Г.Гонтарь, Б.Димитриевич, А.Жужлов, А.А.Кинякин, Е.Ю.Киреева, М.М.Курячая, Т.М.Махаматов, М.Ньюмен, Ю.Е.Поляк, Т.Селкер, Н.Н.Федосеева, Ю.Г.Федотова, Д.Хорган, С.Е.Чаннов, И.Эйдман, Е.Эстевес, Т.Яновский [18; 19; 23; 27; 59; 80; 91; 119; 133; 163; 196; 224; 225; 253; 274; 278; 284] и др.). Целый ряд работ посвящен исследованию изменений в отдельных институтах гражданского общества под влиянием цифровых ИКТ, а некоторые авторы анализируют статусные позиции таких субъектов цифровой реальности, как блогеры, электронные СМИ и др. (М.В.Жижина, Т.Л.Каминская, А.Г.Капустина, Е.А.Кожемякин, А.В.Кучеренко, В.К.Левашов, П.Ю.Нарушева, В.В.Печенкин, А.А.Попов, Е.В.Потехина, А.И.Соловьев [78; 90; 93; 107; 123; 125; 142; 161; 204] и др.).

Четвертая группа работ посвящена исследованию роли граждан в цифровой реальности, формированию у них цифровых прав, акцентирует внимание на понятиях цифровых граждан, цифрового гражданства (Е.С.Аничкин,

А.А.Богучарский, Е.В.Бродовская, Г.В.Градосельская, Н.В.Деева, А.И.Ковлер, В.В.Невинский, А.В.Нестеров, Э.В.Талапина, А.М.Эрделевский [24; 35; 40; 62; 65; 106; 143; 146; 209; 255] и др.).

Пятая группа работ направлена на раскрытие тех или иных аспектов взаимодействия государства и институтов гражданского общества в процессах использования цифровых ИКТ. Так, Е.С.Устинович связывает применение интернет-коммуникаций в отношениях государства и гражданского общества с переходом от патернализма к, собственно, взаимодействию [223]; политико-правовое рассмотрение взаимодействия государства и институтов гражданского общества в ракурсе их цифровой модернизации раскрыто в работе О.В.Климашевской [104]; модель организации сотрудничества органов публичной власти и институтов гражданского общества в реализации проектов «электронного государства» исследуется в работе С.В.Бондаренко [37].

Несмотря на то, что тема взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности поднималась в том или ином ракурсе в работах по политологии, вместе с тем новые политические процессы и реалии, возникшие в последнее время, а также недостаточность разработки таких аспектов темы, как формирование новых субъектов гражданского общества в цифровой реальности, определение современных тенденций развития цифровой среды и их влияние на взаимоотношения гражданского общества и государства и пр. нуждаются во всестороннем анализе, что предопределило тему данного исследования.

Объектом исследования являются процессы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности.

Предмет исследования - сущностные характеристики, формы и тенденции дальнейших изменений во взаимодействии государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности.

Цель исследования - выявление средствами политологического анализа изменений и возникших в связи с этим проблем во взаимодействии государства и институтов гражданского общества, обусловленных формированием и

развитием цифровой реальности, а также разработка предложений по совершенствованию механизмов этого взаимодействия на основе цифровых ИКТ. Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1) раскрыть теоретико-методологические основы исследования темы, конкретизировать и развить необходимый категориально-понятийный аппарат, в том числе разработать авторское определение понятия цифровой реальности, и на этой основе выявить изменения в деятельности государственных структур и институтов гражданского общества в условиях становления данной реальности;

2) всесторонне исследовать феномен цифровой демократии как формы взаимодействия государства и общества в цифровой реальности;

3) определить механизмы и направления трансформации взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности;

4) аргументировать изменение места и роли некоммерческих СМИ как институтов гражданского общества в цифровой реальности; установить специфику деятельности новых медиа в Сети;

5) выявить тенденции изменений государственного управления, коммуникативных процессов во взаимодействии государства и институтов гражданского общества, властных отношений в связи со становлением цифровой реальности и выработать предложения по совершенствованию механизмов данного взаимодействия.

Основная **гипотеза** исследования заключается в том, что дальнейшее развитие цифровой реальности приведет к повышению значимости роли граждан и институтов гражданского общества в процессах взаимодействия с государством, в частности, в государственном управлении, коммуникативных процессах. Цифровые технологии позволят сделать механизмы взаимодействия институтов гражданского общества предельно открытыми, оперативными и эффективными. При этом властные полномочия государства по обеспечению государственной и общественной безопасности, гарантий прав и свобод

граждан сохранятся, но будут находиться под бóльшим контролем со стороны гражданского общества.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению методологии политологического анализа социальных процессов и явлений, проблемам государства и институтов гражданского общества, их взаимодействию в условиях цифровой реальности.

Методологическую основу исследования составили философские и общенаучные методы (диалектический метод, примененный для анализа развития государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности; системный метод, используемый для раскрытия цифровой реальности как определенной системы; структурно-функциональный метод, позволивший обнаружить изменения структуры и функций государственных структур, институтов гражданского общества в цифровой реальности), а также частнонаучные методы политологического анализа (институциональный метод - в изучении институтов гражданского общества; социологический подход (метод) - в исследовании политических взглядов различных социальных групп на роль гражданского общества и государства в условиях цифровой реальности; метод «кейс-стади» /case-study/ - при изучении конкретных политических ситуаций, в частности, электронного голосования на выборах в Московскую Городскую Думу седьмого созыва).

Эмпирическую и информационную базу исследования составили:

- итоги авторского исследования материалов печатных и электронных СМИ, новых медиа, цифровых платформ, социальных сетей, в которых раскрывалась тематика взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества в цифровой реальности;
- результаты обобщения статистических данных, прежде всего, данных Росстата по изучаемой теме;

- итоги контент-анализа нормативных правовых актов и документов, регулирующих отношения государства и институтов гражданского общества, в том числе в цифровой среде;

- результаты опросов общественного мнения по проблемам цифровизации деятельности государства, институтов гражданского общества, развития цифровой реальности, проведенных ВЦИОМ, ФОМ, АНО «Левада-Центр».

Научная новизна исследования заключается в комплексном политологическом исследовании воздействия цифровых ИКТ на процессы взаимодействия государства и институтов гражданского общества, что определяет следующие положения научной новизны:

1. На основе уточненного категориально-понятийного аппарата и результатов мониторинга развития цифровой реальности в условиях российской действительности раскрыты основные изменения, произошедшие под влиянием цифровых ИКТ в деятельности государственных структур и институтов гражданского общества (их цифровизация, появление новых форм взаимодействия на цифровых платформах, реализация демократических процедур в цифровой реальности), обозначены связанные с этим проблемы и риски.

2. Выделены сущностные признаки цифровой демократии, проведена классификация ее форм; определены особенности демократических процедур, реализуемых в цифровой демократии; показаны недостатки их проведения и предложены пути дальнейшего совершенствования.

3. Обоснована необходимость синхронности процессов формирования цифрового государства и развития демократических процедур; для обеспечения одновременности реализации данных процессов предложен комплекс мер по совершенствованию механизмов предоставления государственных услуг и участия гражданского общества в государственном управлении на базе цифровых ИКТ.

4. На примере блогов продемонстрировано сходство и отличие новых медиа, формируемых в Сети, от традиционных СМИ; аргументированы воз-

возможности и условия представления блогеров и иных акторов Сети в качестве неинституализированных субъектов гражданского общества.

5. Раскрыты тенденции дальнейших изменений цифровой реальности в ракурсе создания общества 5.0 и показано их влияние на становление цифрового государства, развитие цифровой демократии и формирование цифрового гражданского общества; определено их воздействие на трансформацию механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества в процессах государственного управления, коммуникаций и реализации отношений власти.

Положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Формирование и развитие цифровой реальности как многослойного образования, в содержательном аспекте представляющего собой конвергенцию естественной и искусственной реальностей, привели к существенным изменениям во взаимодействии государства и институтов гражданского общества: с одной стороны, повысив его эффективность через цифровизацию предоставления государственных услуг, электронный документооборот, внедрение форм электронной демократии, но, с другой стороны, качественно не улучшив функционирование ряда механизмов данного взаимодействия и обусловив появление ряда рисков (возможность тотального государственного контроля над гражданским обществом и гражданами, появление новых форм манипулирования их сознанием, использование властеобразующего ресурса Сети в антидемократических целях и пр.).

2. Цифровые ИКТ не меняют сути демократии как категории политологии, но существенно влияют на демократию как политическую практику, в связи с чем важно выделить и классифицировать формы цифровой демократии по разным основаниям (источнику их происхождения, модели функционирования), указать ее направленность на совершенствование традиционных форм демократии и появление ее новых форм (например, создание электронных партий), определить имеющиеся недостатки (в частности, отсутствие легального механизма, обеспечивающего обязательность выполнения публичными

властями решений, выработанных интернет-сообществом в ходе совместного обсуждения; сложности с реализацией им контроля над деятельностью государства, а также с проведением ряда демократических процедур в режиме онлайн) и пути их устранения через совершенствование всех форм цифровой демократии, выстраивание эффективных механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности.

3. Электронное (в дальнейшем развитии - цифровое) государство не сводится только к процессам цифровизации, а предполагает содержательное изменение его деятельности в целях повышения эффективности оказания госуслуг, нахождения результативных форм обратной связи между структурами государственной власти и гражданским обществом; сами по себе цифровые технологии не делают государство ни более демократичным, ни более открытым, поэтому становление цифрового государства должно происходить одновременно с развитием демократических процессов и всех форм демократии в обществе, для чего необходимо создание действенного механизма участия гражданского общества в государственном управлении, широкое использование для этого цифровых платформ, применение технологии краудсорсинга как общественно-политической технологии, формирование эффективного механизма общественного контроля.

4. Некоммерческие СМИ, как один из институтов гражданского общества, претерпевают изменения, перемещая свою деятельность в цифровую реальность, что сказывается на повышении их оперативности, интерактивности, увеличении массовости аудитории, но в условиях массовой самокоммуникации в Сети понятия «автор» и «аудитория» могут меняться местами, что приводит к возникновению новых медиа, блогерству; при широкой трактовке гражданского общества как представляющего любые формы организации граждан, а не только официально закрепленные по типу социальных институтов, блогеры, как и новые СМИ, при условии соблюдения ими требований соответствующих нормативных правовых актов, наличия социально значимой позитивной направленности их деятельности, при-

сутствия достаточно широкой аудитории могут быть отнесены к неинституализированным субъектам гражданского общества.

5. Дальнейшая эволюция государственного управления, коммуникативных процессов, властных отношений во многом обусловлены развитием цифровых ИКТ и переходом к обществу 5.0, но, как любые технологии, данные технологии могут иметь разную направленность, что требует переосмысления роли государства, институтов гражданского общества, форм их взаимодействия в новой цифровой реальности, а также статуса правовых режимов искусственного интеллекта и робототехники, установление пределов цифровизации и власти нетократии, разработки полноценной концепции, раскрывающей функционирование и развитие цифровых государства и гражданского общества. Цифровая реальность становится средой, где осуществляется активный диалог гражданского общества (во всех его проявлениях) и государственных структур.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные выводы исследования существенно расширяют понимание цифровой реальности, представленной в качестве многослойного образования, включающего реальности разных порядков, а также электронного (цифрового) государства, форм взаимоотношений между государством и институтами гражданского общества в цифровой реальности. Теоретическое значение имеют и проведенная классификация форм электронной демократии, разработка проблемы цифрового суверенитета, цифрового гражданского общества, выделение неинституализированных субъектов гражданского общества в цифровой реальности, а также тенденций дальнейшего развития цифровой реальности в соотношении с изменениями во взаимодействии государственных структур и институтов гражданского общества.

Основные выводы и положения работы могут найти применение в законотворческой деятельности государственных структур при разработке стратегии развития цифрового государства и цифрового гражданского общества, выработке эффективных механизмов взаимодействия государства и институ-

тов гражданского общества, а также в деятельности институтов гражданского общества при совершенствовании механизмов гражданского контроля над деятельностью государства. Предложенные в работе меры по совершенствованию процедур цифровой демократии могут быть использованы в рамках проведения избирательных компаний, а также иных демократических процедур. Материалы проведенного исследования могут быть использованы в качестве практических рекомендаций политологами, правоведами, а также найдут применение в образовательной деятельности, в частности, при чтении курсов политологии, философии политики, государственного управления.

Степень достоверности и апробация результатов исследования обеспечивается опорой на выводы, сформулированные в фундаментальных работах в области политологии, философии политики, государственного управления, использованием нормативной правовой и эмпирической базы, применением научной методологии и логики научного исследования.

Результаты исследования нашли отражение в 24 научных публикациях: из них в 6 монографиях и коллективных монографиях (10,25 п.л. - авт.); 18 статьях (из них 9 - в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 7,5 п.л.).

Основные положения и выводы работы были апробированы на: Ежегодной Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (27.11.2020-28.11.2020; доклад «"Доверие" как критерий оценки деятельности региональной власти»); Всероссийском образовательном кадровом форуме «Траектория развития - 2020», «Стратегии развития регионов: технологии формирования государственных решений» (23-25.06.2020; доклад «Институты гражданского общества в стратегии развития регионов»); Международном семинаре «Political Conflicts in the World Political Process» (Jan Amos Komensky University Prague, 26.01.-02.02.2020; доклад «Интерес как фактор в моделировании конфликтов»); Международной конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ «Государственное управление и

развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения» (20.05.2020; доклад «Взаимодействие государства и гражданского общества в условиях цифровой реальности»); Всероссийской конференции «Цифровая трансформация: правовое измерение» (МГИМО(У) МИД РФ, 27.03.2019; доклад «Цифровая реальность в правовом поле России»); Международном семинаре «Политические конфликты в мировом политическом процессе» (Чехия, Прага, Высшая школа международных отношений, 02.02.2019; доклад «Манипуляция общественным сознанием в цифровой среде»); Круглом столе «Государственно-частное партнерство в сфере развития информационной инфраструктуры» (Совет Федерации Российской Федерации, 28.11.2019; доклад «ГЧП в проектировании информационных процессов»); Всероссийской научной конференции с международным участием «Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы» (Москва, МПГУ, 6-7.12.2019; доклад «Сетевые технологии в проектах ГЧП»); Научно-практическом семинаре с депутатами законодательных собраний Российской Федерации «Траектория развития - депутатский контроль» (РАНХиГС при Президенте РФ; 08.11.2018; доклад «Государство и институты гражданского общества: проблемы коммуникации в цифровой среде»); Всероссийской конференции Российской ассоциации политической науки «Политика развития, государство и мировой порядок» (Москва, 6-8.12.2018; доклад «Россия в условиях цифровой реальности»); The 25th IPSA World International Political Science Association (Австралия, г.Брисбен, июль 2018; доклад «Россия в условиях санкций: тенденции и перспективы развития» на секции «Неравенство как глобальная проблема и особенности стран БРИКС: границы и возможности регулирования»); The 24th IPSA World International Political Science Association (Польша, г.Познань, июль 2016; доклад «Российская экономика в условиях санкций: возможен ли диалог с Западом?»); The 22th IPSA World Congress International Political Science Association (Испания, г.Мадрид, июль 2012; доклад «Россия в XXI веке: политика и экономика»).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования взаимодействия государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности

1.1 Понятие цифровой реальности

Технологии, базирующиеся на цифровой основе, породили новый вид реальности - цифровую реальность, которая стала предметом изучения ряда наук, включая политологию. Вместе с тем данная реальность еще не получила своего концептуального оформления. В настоящее время отсутствует общезначимое понимание этой реальности, ее структуры. Тем не менее, цифровая реальность формируется здесь и сейчас, и требует своего осмысления (так, на данный момент широко используются понятия «цифровая экономика», «цифровая дипломатия», «цифровое государство», «электронное правительство», «электронная демократия», «индустрия 4.0» и пр.). При этом следует подчеркнуть комплексный характер указанной темы, требующей для ее всестороннего исследования знаний не только в области политологии, но и философии, социологии, психологии, технических и иных наук.

Так, цифровая реальность изучается со стороны технологического подхода в ракурсе развития цифровых (дигитальных технологий, от англ. *Digital technology*) технологий¹ и перспектив изменения общественной жизни, политической сферы под влиянием данных технологий. Цифровые технологии - это комплексное обозначение целой группы технологий: Big Data, облачные технологии (cloud computing), Mobile Computing, Интернет вещей, Cyber-Physical System, робототехника (robotics), искусственный интеллект (ИИ, AI), NBICS процесс, цифровое моделирование (simulation), технология «блокчейн» («blockchain») и др. [276].

Названные технологии обладают рядом преимуществ по сравнению с аналоговыми (это и передача сигнала без искажений, возможность хранить и из-

¹ «Цифровые технологии - это основанная на методах кодировки и передачи информации дискретная система, позволяющая совершать множество разноплановых задач за кратчайшие промежутки времени» [247].

влекать данные при хранении информации без повреждения и пр.). Развитие обозначенных технологий связано с прогрессом в области компьютерной техники, средств связи, сетей (включая сеть Интернет, далее - Сеть), программного обеспечения, способов обработки, передачи и хранения информации, что должно выступить в качестве базиса для появления сверхИИ. Среди перспектив развития технологической составляющей цифровой реальности (инфотех) - оптимизация базовых алгоритмов работы компьютеров, развитие технологий визуализации, методов программирования и пр.

В цифровой реальности, в том числе под воздействием инфотеха, существенно меняются информационно-коммуникационные процессы. В частности, весомую роль в них начинают играть процессы массовой самокоммуникации, в которой участники Сети являются одновременно и субъектами, и объектами массовых коммуникаций [97; 98]. Особенностью информационно-коммуникационных процессов в цифровой реальности следует считать увеличивающееся количество коммуникационных взаимодействий, ускорение процессов передачи и получения информации в данных взаимодействиях, всепроникающий характер коммуникативной связанности на основе цифровых технологий. Цифровизация позволяет упростить процессы коммуникации (решить проблему удаленности коммутирующих между собой субъектов, ускорить процессы коммуникации и пр.).

Под влиянием цифровых ИКТ меняется и сам человек. На него «обрушивается» огромный поток информации, которую он весьма часто не успевает перерабатывать, отсюда, мозаичность его мышления, поверхностность оценок и пр. Но одновременно следует отметить и формирование того, что называют «коллективный интеллект», «коллективный разум», возникающий, в том числе и под воздействием цифровой реальности [175].

Рассмотренная с позиции постмодернизма цифровая реальность может быть представлена как гиперреальность, которая, в конечном итоге, «вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» [36, с.12]. Вместе с тем «гиперреаль-

ность», например, по Ж.Бодрийяру, и «цифровая реальность» - понятия не тождественные, а пересекающиеся, что будет раскрыто в работе в дальнейшем. Тем не менее, в выделенных выше подходах можно обнаружить ряд утверждений, которые разделяются многими авторами: в частности, то, что цифровая реальность - результат изменений, которые произошли под влиянием цифровых ИКТ. Однако, что такое цифровая реальность в сущностном выражении, как она соотносится с цифровым обществом, информационным обществом, виртуальной, дополненной, смешанной, расширенной реальностями - эти вопросы нуждаются в прояснении и не имеют на сегодняшний день однозначного ответа.

Проведенный теоретико-методологический анализ показал, что термин «цифровая реальность» употребляется в нескольких значениях:

во-первых, им обозначается объективно заданная и воспринимаемая через проекции нашего сознания реальность, в которой активно разрабатываются и применяются цифровые технологии, то есть идет процесс цифровизации (англ. digitization, digitalization) (условно обозначим такую реальность реальностью первого порядка). Цифровые технологии в данном случае - лишь инструменты, которые влияют на настоящее и будущее этой реальности.

Но и термин «цифровизация» имеет несколько значений. В узкой его трактовке - это преобразование информации в цифровую форму, что может приводить как к положительным (например, повышение эффективности конкретных видов деятельности, оптимизация затрат и пр.), так и отрицательным (например, дос-атаки и пр.) последствиям при применении данных технологий. В широкой трактовке «цифровизация» означает воздействие на социальную среду в целом, результатом которого выступает формирование цифровой реальности, охватывающей все стороны общественной жизни и повседневного бытия человека. Причем это воздействие столь велико, что заставляет констатировать факт формирования особой цифровой реальности. Цифровизация формирует среду обитания человека и условия, в которые погружено общество («экосистему»). При этом общество (как и человек) одновре-

менно являются и субъектом, и объектом процессов цифровизации. «Под цифровизацией в самом широком смысле понимается процесс внедрения/усвоения (adoption) цифровых технологий населением, бизнесом и обществом в целом» [124, с.2396].

В политико-правовых документах уже используется целый ряд понятий, непосредственно связанных с процессами цифровизации и формированием цифровой реальности. Так, в решении Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского Экономического Союза до 2025 года» [178] закреплены понятия «цифровая платформа» (как система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов); «цифровая повестка» (круг актуальных задач в области цифровизации); «цифровая трансформация» (качественные, глубокие изменения, затрагивающие структуру экономики, создание ее новых отраслей, переход на новый технологический и экономический уклады в результате процессов цифровизации); «цифровая экосистема» (включающая субъектов этой системы, связи и отношения данных субъектов в цифровой форме); «цифровое пространство Союза» (последнее охватывает цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур).

В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» использованы понятия «цифровая экономика» и «экосистема цифровой экономики» [8]; в «Паспорте национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» применено понятие «цифровая среда» [156] и пр. В настоящее время в Российской Федерации действует ряд федеральных проектов, в которых употребляются термины, связанные с понятием цифровой реальности («цифровое государственное управление» [158], «цифровые технологии» [156], «нормативное регулирование цифровой среды» [157] и пр.).

Цифровая реальность начинает формироваться в процессе третьей промышленной революции (1980-2010 гг.), в рамках которой цифровизация про-

никает во все стороны общественной жизни и идет массовое распространение цифровых ИКТ (цифровая революция в данном случае рассматривается как переход от аналоговых к цифровым технологиям).

Новая цифровая реальность создается уже в рамках четвертой промышленной революции [251] и является ее результатом. Эту реальность образуют процессы автоматизации и роботизации (создание и внедрение робототехники), распространенные практически на все стороны общественной жизни; создание искусственного интеллекта, Интернета вещей, 3D-печати, ранее неизвестных материалов (например, это композитные материалы, материалы с заранее спроектированными свойствами и пр.), современных биотехнологий (таких, как редактирование генома, использование стволовых клеток и пр.), новых информационных технологий (Big Data, «облачные» и распределенные вычисления, когнитивные вычисления; блокчейн; квантовые вычисления) и пр. Результаты четвертой промышленной революции создают среду, в которую погружается реальная общественная жизнь (реальность первого порядка), формируя цифровую реальность.

Последствия четвертой промышленной революции трудно предсказуемы, но при этом большинство исследователей сходятся во мнении о кардинальном влиянии этой революции на социокультурные коды, человека и общество [117; 202 и др.]. Так, уже сейчас формируется новая концепция «Общество 5.0 (суперинтеллектуальное общество)», которое называют ступенью, следующей за информационным обществом, где происходит оптимизация «ресурсов не одного человека, а социума в целом через интеграцию физического и киберпространства» [149].

Во-вторых, помимо приведенного выше определения цифровой реальности существует и иное ее понимание как виртуальной (компьютерно-моделируемой реальности, дающей возможность человеку взаимодействовать с трехмерной визуальной /и иной сенсорной/ средой), дополненной, смешанной, расширенной реальностей. Все они созданы на основе цифровых ИКТ.

Так, в виртуальной (искусственной) реальности (VR) фигурируют виртуальные объекты, созданные с помощью компьютерного моделирования на основе цифровых ИКТ, наделенные конкретным смыслом, нередко действующие в рамках определенного нарратива. При этом пользователю соответствующими техническими устройствами предоставлены возможности оперирования данными объектами (интерактивность), реализации коммуникационных процессов на базе цифровых ИКТ. Такая реальность позволяет человеку полностью погрузиться в нее. Она отлична от объективной реальности (реальности первого порядка), но при этом в той или иной мере воспроизводит ее, например, через компьютерное моделирование с использованием реального времени. Применяя специальную гарнитуру, можно получить среду, идентичную реальной, с ее изображениями, звуками и даже запахами. Такая среда позволяет пользователям получить новый опыт (например, за счет наделения свойствами объектов, которых нет в реальности первого порядка, расширения свойств самого человека, например, свойства летать и пр.). Имитируя реальность первого порядка, виртуальная реальность имеет свою логику, закономерности функционирования и развития (не исключена и многовариантность развития событий в данной реальности, например, в видеоиграх [239]).

Так, в настоящее время существует достаточно много видеоигр, которые можно отнести к политическим играм (например, «Crisis in the Kremlin», где представлено время конца 1980-х - начала 1990-х годов; пользователь может повернуть время вспять и предотвратить распад СССР или, наоборот, ускорить процессы, что приведет к распаду страны в более короткие сроки; в «SuperPower 2» в центре внимания - глобальные политические стратегии, при этом надо выбрать ту из них, следуя которой можно привести одну из мировых держав к доминированию; в «Democracy 3» имитируются процессы политических выборов с участием разных групп электората и пр.).

Что касается дополненной реальности (AR), то это реальность, в которой существующая среда (объективная реальность, реальность первого порядка)

дополняется отдельными элементами виртуальной (конкретными функциями, графикой и иными данными) реальности. «Можно сказать, что AR существует "поверх" нашей реальности, так как она просто добавляет некоторые атрибуты, но не изменяет их полностью» [295].

Смешанная реальность (MR) объединяет элементы VR и AR, формируя новый мир взаимодействующих физических и виртуальных объектов. «Кроме того, эти объекты могут реагировать друг на друга в режиме реального времени» [295].

В настоящее время в научной литературе стало употребляться еще одно понятие - «расширенная реальность» (XR), которое по своему содержанию объединяет три вида реальности - виртуальную, дополненную и смешанную [295]. Кроме того, многие исследователи констатируют, что XR начинает все активнее оказывать воздействие на многочисленные процессы и явления объективной реальности, включая политические. XR несет в себе характеристики всех трех перечисленных ранее видов реальности, включая и результаты их взаимодействия между собой. Это реальность, сформированная цифровыми технологиями, являющаяся отражением сочетания элементов объективной (реальности первого порядка) и виртуальной реальностей, результатом взаимодействия человека и техники, погруженностью последнего в цифровые информационно-коммуникационные технологии.

Таким образом, виртуальная, дополненная, смешанная и расширенная реальности конструируют миры особого рода, элементы которых «активно проникают в реальную действительность и продолжают свое существование в ней» [54] как «околовиртуальные феномены». Объединяя все перечисленные виды сконструированного мира, обозначим его как «реальность второго порядка». Созданная на основе цифровых технологий «реальность второго порядка» начинает существовать самостоятельно, обретая свою «бытийственную форму, конструируя гиперреальное» [54]. Так, виртуальная реальность, составляя отдельный мир, строится по своим законам и имеет собственную логику, течение времени, персонажей. Она дает возможность чело-

веку действовать в этом мире, влияя на те, или иные события (причем на события и из объективной реальности), общаться, зарабатывать, строить планы и пр., хотя при этом у некоторой части пользователей цифровых ИКТ граница между объективной и виртуальной реальностями стирается. Более того, особенно в последнее время имеет место расширенная экспансия виртуальной реальности в обыденный мир, «размывая границы действительного и сконструированного» [54].

Ситуация еще более усложняется, когда мы пытаемся объединить все разновидности реальностей, в которых существует современный человек в цифровом обществе. Эта реальность (обозначим ее как реальность третьего порядка) предстает как многослойное образование, куда включаются:

- объективный мир, представленный нашему сознанию как первичная реальность, данная нам через проекции нашего сознания в ощущениях и рациональном осмыслении (реальность первого порядка), в которой используются цифровые информационно-коммуникационные технологии;

- реальность второго порядка (виртуальная реальность - VR; дополненная реальность - AR; смешанная реальность - MR; расширенная реальность - XR);

- гиперреальность, сформированная на основе того, что Ж.Бодрийяр называл симулякрами [36]. Ее тоже можно отнести к искусственным образованиям, к реальности второго порядка. Гиперреальность также может быть сформирована на основе цифровых ИКТ (а может существовать и вне данных технологий), но ее цель не в репрезентации реальности, а в создании некоего образа реальности, отвечающего чьим-то определенным интересам (отсюда, искаженная реальность). В конечном итоге, гиперреальность не имеет ничего общего с реальными процессами или событиями (происходит «подмена реального знаками реального» [36, с.7]). Изучение мира симулякров весьма значимо при проведении политологического анализа, одной из целей которого является выявление способов манипулирования сознанием людей в политических целях с помощью современных цифровых ИКТ.

Подытоживая изложенное выше, представляется необходимым в целях всестороннего охвата всех аспектов цифровой реальности (как реальности третьего порядка) рассматривать данную реальность (реальность третьего порядка) как многослойное образование, включающее: и объективную реальность (данную нам в проекциях нашего сознания, по Г.Фоллмеру [226]), в которой имеет место значительная цифровизация всех сторон общественной жизни (реальность первого порядка), и реальность второго порядка (виртуальную реальность, сконструированную с помощью и на основе цифровых ИКТ; дополненную реальность, в которой элементы объективной реальности дополнены виртуальной; смешанную и расширенную реальности; гиперреальность как мир симулякров).

Цифровая реальность в общем плане предстает как интегральный результат процессов цифровизации. В связи с этим цифровая реальность как реальность третьего порядка - это, с одной стороны, привычная нам объективная реальность, «мезокосмос» [226], в которой значимую роль играет цифровизация (и эта роль становится все более определяющей), означающая процессы разработки и активного внедрения цифровых ИКТ, в ходе которых происходит изменение социокультурных кодов общественного развития и самого человека, а, с другой стороны, это искусственная реальность, сконструированная с помощью цифровых ИКТ, обладающая своими объектами и логикой развития, и, с третьей стороны, результат непосредственного взаимодействия объективной и искусственной реальностей (например, представленный в дополненной реальности, Интернете вещей, биткоинах и пр.).

Реальность третьего порядка - это по своим сущностным характеристикам гибридная антропо-техно-социо-реальность (используя терминологию В.И.Аршинова [29]), в которой формируются связи особого вида, построенные на нелинейных взаимодействиях в сетевом обществе, возникшим под влиянием цифровизации. Цифровая реальность как многослойное образование является результатом применения цифровых технологий и в содержательном аспекте представляет собой конвергенцию естественной и искус-

ственной реальностей. Данное понимание цифровой реальности следует считать широкой трактовкой анализируемого термина. В более узком смысле под этой реальностью мыслятся только все разновидности искусственной реальности.

Цифровая реальность в аспекте сетевой цифровой реальности создана и для обмена информацией, коммуникационного взаимодействия, которые реализуются путем трехмерного информационного взаимодействия пользователей Сети с необходимыми для этого устройствами, формирующими особую среду, получившую название киберпространства, которое «само по себе не несет в себе никакого содержания, но с помощью людей оно наполняется и дополняется новой информацией, а также в киберпространстве происходит взаимообмен знаниями и полноценный процесс коммуникации между индивидами» [219, с.123]. Киберпространство не совпадает с понятием географической протяженности, оно преодолевает границы национальных государств, реализуясь в любом физическом или временном измерении. Киберпространство означает среду, сформированную сетью технических устройств, информационных систем, соответствующей инфраструктурой, что часто именуется «Всемирная паутина».

Реальность, в которой живет и работает человек или функционирует общество, не сводится только к цифровой реальности во всех ее проявлениях. И в настоящее время продолжает существовать реальность, которой практически не коснулась цифровизация или коснулась в минимальной степени. Как отмечает В.И.Аршинов, цифровая реальность «никоим образом не играет роли окончательной фундаментальной реальности, к которой редуцируется погруженный в эту реальность человек» [29, с.148]. Однако трендом мирового развития следует считать формирование и развитие цифровой реальности, так как цифровизация становится всепроникающей.

Цифровизация начинает все больше влиять на объективную реальность (реальность первого порядка), порождая в ней как негативные, так и позитивные по своей направленности процессы, что требует их правового и мо-

рально-этического регулирования. Однако такое регулирование нередко рассматривается пользователями Сети (пользователями цифровых ИКТ) как контроль над цифровой реальностью, ведущей к ограничению их свободы в Сети (сама же данная реальность весьма часто понимается ими как воплощение абсолютной свободы).

Первоначально хаотичные и разрозненные проявления процессов цифровизации, в конечном итоге, формируют так называемое «цифровое общество». Цифровая реальность находит свою конституирующую форму в цифровом обществе, но к нему не сводится в силу наличия в ней стихийных, неупорядоченных процессов, т.е. процессов, не получивших своей легитимирующей формы и пр. Например, еще некоторое время назад в обществе не поднимался вопрос о виртуальной валюте как о части финансовой системы конкретной страны, хотя в виртуальной реальности уже применялась система «Биткойн»; не ставился вопрос о купле-продаже виртуальных объектов, хотя такие операции в виртуальной реальности проводились и пр. Поэтому цифровая реальность при упорядочении протекающих в ней процессов формирует цифровое общество, то есть общество, в котором цифровизация достигла существенных масштабов и кардинальным образом влияет на развитие всех сторон общественной жизни и на самого человека. Как следствие, появление цифровой экономики, цифровых политики и права и пр.

Понятия «цифровое общество», «информационное общество», «общество знаний», «суперинтеллектуальное общество» - рядоположенные, с той лишь разницей, что при раскрытии их содержания делается акцент на определенной стороне современных процессов общественной жизни. Например, «общество знаний», «суперинтеллектуальное общество» - ступени в развитии информационного общества, а цифровым обществом можно в равной степени назвать и информационное общество, и общество знаний, и суперинтеллектуальное общество. Так, П.Друкер полагал, что информационная революция - это, прежде всего, революция знаний, а «причина изменений лежит не в электронике, а в человеческих знаниях» [73, с.35].

Одновременно имеет место и точка зрения, исходящая из того, что содержание обозначенных выше понятий различно. Например, информационное общество определяется как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан», а общество знаний как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [8]. Различие информационного общества и обществ знания дано и в Докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», в частности, в нем говорится, что «понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры» [46]. При этом общества знания рассматриваются как очередной этап постиндустриального общества, в котором реализовывается переход от информационного общества к обществу нового типа (обществу знания).

Тем не менее, обе позиции в известной степени совместимы, так как в них есть общие моменты: информационное общество, общество знаний, цифровое общество, суперинтеллектуальное общество - это проявления постиндустриального общества, со спецификой характеристик протекающих здесь процессов. Что касается цифрового общества, то в нем особую роль играют и информация, и знания (что позволяет называть такое общество и информационным, и основанным на знаниях), но при этом подчеркивается значение цифровых технологий в процессах получения, аккумуляции, передачи и информации, и знаний.

Один из важнейших теоретико-методологических вопросов - как цифровизация отражается на всех сторонах общественной жизни, формируя новые качественные характеристики, существенно преобразуя ее организацию и функционирование, включая изменение самого человека.

Как отмечалось, изменения, произошедшие в связи с цифровизацией, формируют как позитивные, так и негативные тенденции. Следует признать, что в настоящее время целому ряду явлений и процессов новой цифровой реальности еще трудно дать однозначную оценку, в том числе и по причине их относительной новизны.

Среди тенденций, связанных с цифровизацией и формированием новой цифровой реальности, выделим следующие:

- стремительность процесса цифровизации, что, в частности, видно из роста числа людей, пользующихся Интернетом. Так, к началу 2020 года более половины (почти 60%) населения Земного шара - пользователи Сети; произошел существенный рост рынка товаров и услуг на основе цифровых ИКТ. По прогнозам специалистов, к 2022 году ожидается увеличение объема рынка дополненной и виртуальной реальностей в восемь раз по сравнению с 2018 годом, составив \$209 млрд [295];

- увеличение возможностей цифровизации (например, формирование Интернета вещей), что можно рассматривать как ресурс общественного развития (Big Data, искусственный интеллект и пр. - мощные инструменты социальных и политических преобразований); установление зависимости между цифровизацией общественной жизни (ее отдельных сфер) и темпами роста, включая развитие человеческого потенциала (в частности, сокращение транзакционных издержек, облегчение доступа к новым рынкам и пр.);

- наличие глубоких социальных и политических последствий, порожденных инновациями, связанными с цифровизацией (изменение отношений между государством, гражданами и бизнесом, изменение структуры общества и отдельных сфер общественной жизни и пр.). М.Кастельс и целый ряд других авторов выдвигают идею, что цифровое общество следует рассматривать как общество сетевое, в котором значимость горизонтальных связей преобладает над значимостью связей вертикальных, что позволяет по-новому взглянуть на соотношение гражданского общества и государства [97];

- формирование так называемого «цифрового императива», который не только кардинально преобразует имеющиеся общественные отношения, но и создает «новые виды общественных связей, а также структуры государственного управления на базе цифровых технологий» [96] (при этом сам термин «цифровой императив» впервые был использован аналитиками BCG /Boston Consulting Group/) [282]);

- появление новых рисков и проблем, обусловленных цифровыми технологиями (в частности, проблем сохранения персональных данных, хакерских атак, появления нового вида социального неравенства по критерию доступности цифровых технологий, возникновения новых видов преступлений в цифровой среде и пр.). Возник и целый ряд проблем, имеющих морально-этический характер (например, отношение к фактам личной жизни, выложенным в Сети, которые могут скомпрометировать репутацию будущего работника при приеме на работу и пр.);

- формирование тенденций, оценить которые в настоящее время еще весьма сложно.

Например, это - влияние автоматизации и роботизации на рынок труда. Стандартизация операций позволила роботизировать и автоматизировать труд представителей целого ряда профессий, что привело к сокращению работников. Но при этом цифровизация привела и к появлению ряда новых профессий. Каков, в конечном итоге, будет баланс по численности устаревших и новых профессий, будет ли массовая безработица, является ли безусловный (гарантированный) базовый доход решением проблемы сокращения рабочих мест в связи с цифровизацией, означает ли переход на такую социальную программу завершением эры трудовой этики?

Ответов на эти вопросы пока нет. Поэтому оценка указанной тенденции остается неопределенной.

Нет однозначного отношения и к влиянию цифровизации на производительность труда, причем в разных исследованиях формулируются противоречащие друг другу выводы («парадокс производительности») [115; 159 и

др.]. Вызывает вопросы и понимание самого человека в условиях цифровизации: от применения понятия отчужденности по отношению к «кибернетическому человеку» - в трактовке Э.Фромма [228] до использования терминологии успешного будущего вида «Homo sapiens» (формирование «Homo sapiens intelligence») - в работах Е.Масуды.

1.2 Изменение государственных структур, задач и функций государства в условиях становления цифровой реальности

В последние годы в связи с новыми процессами и явлениями, оказывающими непосредственное воздействие на политическую сферу общества (глобализация, цифровизация и пр.), все чаще в политологической литературе поднимаются вопросы переосмысления понятия государства, его роли в социуме: дискутируются вопросы государственного суверенитета, функций государства (особенно в ракурсе формирования сетевой модели управления обществом), «перемещение государства в Сеть» и пр. Так, в настоящее время одной из дискуссионных тем является необходимость сохранения государственного суверенитета: нужен ли он вообще в условиях глобализации, формирования экономических и политических объединений (по примеру Европейского Союза), что означает государственный суверенитет в цифровой реальности? Мнения политологов и других исследователей по этому вопросу разделились.

Значительное число исследователей, опираясь на исторический опыт, традиционную практику функционирования публично-властных институтов, исходят из того, что неограниченный суверенитет национального государства - важнейший атрибутивный признак последнего и лимитация данного суверенитета объективно влечет прекращение де-юре и де-факто существования государства [39; 235]. Наряду с данным подходом в научной литературе существуют и иные представления о суверенитете государства в современных условиях. В частности, на основании того, что глобализация повышает роль и значение международного права, декларируемого приоритетным перед наци-

ональными правовыми системами, ставятся вопросы об исчерпанности неограниченного государственного суверенитета, необходимости его замены «функциональным» или каким-то иным государственным суверенитетом, возможности и целесообразности ограничения суверенитета государства вследствие его «неадекватности» глобализации и процессам цифровизации и т.п. [241; 245; 257; 260; 262; 273].

Среди предлагаемых в настоящее время трактовок государственного суверенитета имеет место и более «мягкий» вариант - доктрина «функционального (или ограниченного)» государственного суверенитета. Ее суть: актуальные функции и задачи внутренней и внешней политики современного государства (признание и обеспечение прав, основных свобод человека и гражданина; производство, хранение, утилизация ядерного, иных видов оружия массового уничтожения; охрана окружающей природной среды и т.п.) обуславливают возможность существования, по меньшей мере, двух суверенитетов - абсолютного и ограниченного - на одной и той же территории [245; 262]. Следовательно, если и приходится по-прежнему говорить о государственном суверенитете, то лишь акцентируя внимание на его функциональном (или ограниченном) характере.

Проблема государственного суверенитета стала подниматься не случайно, а под действием объективно протекающих процессов, среди которых, в первую очередь, - процессы глобализации и цифровизации. Глобализация - это реальный процесс, который определяет, главным образом, качественные изменения в общемировом пространстве и который был порожден целой группой экономических, политических, социальных и культурных факторов [97, с.70]. Ключевая идея, лежащая в основе глобализации, заключается в том, что многие актуальные проблемы Человечества невозможно правильно оценить, комплексно изучить и эффективно разрешить на уровне национального государства. Поэтому исследуя вопрос о природе и характере государственного суверенитета, нельзя не учитывать глобализацию и порожденную ею интеграцию национальных государств и правовых систем. Однако и

прежде, и сегодня существовали и существуют государства, имеющие ограниченный суверенитет или вообще не обладающие никаким суверенитетом: «Мы видим образования, которые автономны и при помощи государственных средств выполняют государственные задачи, но не суверенны» [75, с.358]. О таком суверенитете все чаще стали говорить и с учетом образования Европейского союза.

Между тем, вопрос о национальном суверенитете стал в последнее время активно обсуждаться в связи с процессами цифровизации. Цифровая реальность, формируемая дигитальным способом связи, записи и передачи любой информации с помощью цифровых устройств, существенным образом преобразует бытие людей, живущих в упорядоченных, государственно-организованных социумах. Данная реальность «сжимает» время и пространство, легко открывает границы национальных государств, позволяя их гражданам (подданным) непосредственно налаживать взаимные контакты друг с другом, находясь при этом в любой точке Земного шара. Благодаря Интернету, иным цифровым информационно-коммуникационным технологиям общение пользователей Сети в режиме реального времени стало сравнительно дешевым, доступным и практически повсеместным. «Проблематика государственного суверенитета в информационно-телекоммуникационной сфере обусловлена как объективными свойствами Сети (трансграничный характер правоотношений и т.д.), так и субъективными факторами эволюционного развития управления системой доменных имен и ее технической инфраструктуры (концентрация соответствующих полномочий в интернет-корпорации по присвоению имен и номеров)» [63].

В настоящее время единой концепции по вопросу государственного суверенитета в цифровой реальности нет, хотя в политических заявлениях российских и зарубежных официальных лиц указывается на важность и необходимость обеспечения такого суверенитета в Сети. Обобщая различные подходы к раскрытию понятия «государственный суверенитет в цифровой реальности», можно свести их к двум основным:

- юрисдикционный подход, «основанный на определении юрисдикции государственных органов (главным образом судебных), в отношении субъектов и объектов информационных отношений» [76, с.39] (Голдсмит Дж., Богдановский И.Ю., Наумов В.Б., Рассолов И.М., Терентьева Л.В. и др.);

- технократический подход, «основанный на определении угроз суверенитету через угрозы информационной безопасности» [76, с.39] (Балуев Д.Г., Сивоволов Д.Л. и др.).

Юрисдикционный подход весьма часто берется за основу при раскрытии государственного суверенитета в цифровой реальности. Так, Л.В.Терентьева в своих работах сделала акцент на юрисдикциях как пределах распространения власти национальных государств в цифровой реальности [214]. Цифровая реальность выступает в данном случае как некий аналог территории, на которую распространяется власть того или иного государства. Но одновременно следует подчеркнуть, что цифровая реальность и географически определенные границы - это ни одно и то же. По меньшей мере, данная реальность не обладает географической протяженностью, представляя общемировое пространство. В связи с этим в политологической и правовой литературе предлагаются те или иные варианты решения рассматриваемой проблемы:

- создание в цифровом пространстве собственной юрисдикции (или нескольких юрисдикций); в данном случае под юрисдикцией понимается «возможность осуществлять регулирующие действия в цифровом пространстве посредством законодательной, исполнительной или судебной власти» [250];

- секторальное деление цифровой реальности и распределение соответствующих юрисдикций между государствами, что оспаривается многими учеными и экспертами, так как может привести развитие цифровой сети в тупик. Тем не менее, к секторальному управлению цифровой реальностью подталкивают и принятые международные документы²;

² Так, в 2001 году Советом Европы была принята Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации №185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.), подтверждающая национальную юрисдикцию государств-участников по преступлениям, совершенным в цифровой среде (ст.21) [109].

- к данной реальности вообще не применим принцип государственного суверенитета (что постоянно опровергается мировой политической и юридической практикой).

Анализируя последний из перечисленных вариантов, следует обратиться к документам Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в частности, к документу под названием «Управление именами и адресами в Интернете: вопросы интеллектуальной собственности», в котором утверждается, что «Интернет не имеет централизованного управления и контроля. По сравнению с другими социальными институтами он развивается спонтанно и автохронно» [47].

Что касается первого варианта - создание в цифровой реальности собственной юрисдикции, то он поддерживается представителями ряда международных организаций, которые пытаются выстроить регулирование цифрового пространства по типу «территорий с международным режимом» (например, таких территорий, как Антарктика, космическое пространство и пр.). Однако реализовать на практике данное управление цифровой реальностью довольно сложно, поэтому и проблема создания такой юрисдикции на международном уровне в настоящее время не обсуждается. Но это не исключает обсуждения проблемы юрисдикций на национально-государственном уровне.

Сейчас наиболее распространен подход, согласно которому имеет место множественность юрисдикций ряда стран над пространством цифровой реальности (в частности, Сети; существует и термин для обозначения этого - «splinternet», «расщепленная сеть»). «Интернет регулируется неспецифичным образом. Он находится под действием законодательств и правил, применяемых обычно в соответствии с различными юрисдикциями мира» [47]. В силу этого требует пересмотра само понятие юрисдикции, например, такого его признака, как распространение властных полномочий на определенную территорию (опять же связанную с географической протяженностью) [214]. Цифровая реальность - «не является физически определенным местом, а пре-

одолевают границы, реализуясь в любом физическом или временном измерении» [250]. Но и здесь остается открытым вопрос о критериях разграничения данного рода территории в аспекте юрисдикций государств.

Один из предложенных вариантов решения проблемы - установление юрисдикций государств в рамках доменной системы. «В целом к настоящему времени существует только несколько примеров национальных законодательных актов, специально ориентированных на Интернет и ни одного международного юридического инструмента, специально разработанного для регулирования Интернета» [47]. Но при этом такой мультисанкционный подход затрагивает интересы интернет-пользователей не только в конкретной стране, но и во многих частях Земного шара, что неизбежно порождает конфликт интересов (например, государственных интересов конкретной страны и цифрового сообщества в целом).

К этому следует добавить обширный круг политических структур, включая и межправительственные, негосударственные организации, так или иначе оказывающих регулирующее воздействие на цифровую реальность, что в известной степени ограничивает государственный суверенитет конкретной страны в этой реальности.

Ряд исследователей выделяют так называемые «группы влияния», прямо или опосредованно оказывающие воздействие на цифровую среду. Кроме того, некоторые страны, являясь официально политически суверенными, фактически не могут быть названными независимыми в разработке и реализации собственной внешней, а нередко и внутренней политики. Нельзя не отметить и роль стран-лидеров, претендующих на мировое господство, в том числе и в цифровой реальности. Так, на территории США зарегистрирована ICANN - Некоммерческая организация по управлению доменными именами и IP-адресами, здесь же находятся и иные организации, обеспечивающие инфраструктуру функционирования Сети.

В связи с этим справедливо утверждение, что «концепция установления юрисдикции государства в отношении национального сегмента киберпро-

странства может быть реализована только в том случае, если весь технологический цикл управления национальной инфраструктурой Сети полностью реализуется и контролируется в пределах территории соответствующего государства» [216]. По такому пути управления цифровым пространством стала продвигаться и Российская Федерация, в которой, несмотря на дискуссии, был принят федеральный закон, известный как «Закон о Рунете» или о суверенном Интернете» [3]. В ст.56.1 четко указаны цели принятия данного Закона. По сути, им закрепляется юрисдикция России над соответствующим доменным пространством Интернета.

Среди критериев установления юрисдикции называются: местонахождение сервера, место регистрации доменного имени. Хотя в ряде случаев такие критерии трудно считать определяющими (например, российский гражданин может зарегистрировать доменное имя с помощью иностранных операторов помимо Рунета). Тем не менее, хотя установление такого рода юрисдикции не означает установления подконтрольности всей Сети, однако при возникновении угроз безопасной работе Рунета соответствующие структуры государства (например, в России это Роскомнадзор, в настоящее время идет создание Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования [13]) «смогут брать на себя централизованное управление сетью связи общего пользования» [13].

Таким образом, государственный суверенитет не исчезает с появлением цифровой реальности, однако меняются формы и механизмы его реализации в данной реальности, в связи чем появился термин «цифровой суверенитет» как закрепление государственного суверенитета в указанной реальности. Не корректно сводить реализацию государственного суверенитета в этом случае только к реализации «посредством информационной функции государства и информационной политики» [76, с.40]. Это лишь одна из сторон такого суверенитета. Более того, и сам термин «информационный суверенитет» не однозначен (наибольшее распространение получила его трактовка как реализа-

ции «полноты государственной власти по контролю над распространением информации на своей территории» [250]).

Цифровой суверенитет требует наличия соответствующей технологической инфраструктуры, необходимой для функционирования цифрового пространства (например, оборудования для цифровых ИКТ, его функционирования, обеспечивающегося подключением к национальной электросети и пр.). Сама же территориальная юрисдикция связана с регулированием отношений доступа к цифровой инфраструктуре.

Цифровой суверенитет связан не только с реализацией властных полномочий государства (в частности, регулированием, надзором и контролем) в цифровом пространстве в рамках своего домена. Речь идет и об осуществлении государственной юрисдикции в отношении, например, противоправных действий пользователей Сети, являющихся гражданами этого государства, но совершивших эти действия за пределами домена своей страны. В связи с этим следует назвать доктрину влияния («effects doctrine»), в соответствии которой государство реализует свою юрисдикцию и в отношении деятельности, происходящей за его пределами, но которая приводит к правовым последствиям на территории этого государства.

Между тем, сами коммуникации в рамках цифрового пространства могут иметь трансграничный характер, что затрудняет определение территории, и, соответственно, юрисдикции того или иного государства.

Несмотря на то, что регулирование цифрового пространства в настоящее время во многих случаях строится по принципу государственных юрисдикций, это не отменяет и международного регулирования [277]. В связи с этим предлагается принятие международного договора, регулирующего «действия государств по администрированию различных сегментов сети Интернет» [250], а также создание соответствующей «межгосударственной или межправительственной организации» [63].

Важно указать и базисные цели, ради которых должно происходить государственное регулирование общественных отношений в цифровой реально-

сти. Среди них, прежде всего, защита прав и основных свобод граждан (подданных), включая защиту прав, порожденных функционированием цифровой реальности (доступность, отсутствие дискриминации и пр.); защита интересов и дальнейшего развития гражданского общества; обеспечение безопасности граждан, гражданского общества и государства в данном пространстве, государственных независимости и территориальной целостности.

Между тем, цифровая реальность помимо проблемы государственного суверенитета, ставит целый ряд и иных проблем: в частности, проблему изменения государственных структур и их функций под влиянием процессов цифровизации.

Так, государство стремится перенести свою деятельность в Сеть, создавая интернет-сайты, интернет-страницы, предоставляя госуслуги в электронном виде (в частности, в настоящее время в России создан портал «Госуслуги»). Более того, уже целый ряд направлений деятельности государства переведен в цифровой режим работы (в связи с чем начинают говорить о «цифровом правосудии», «цифровизации сферы налогообложения» и пр.). Одновременно важно указать, что цифровизация в данном случае выступает как инструмент, технология оказания той или иной госуслуги или реализации государственной функции. Речь идет, в первую очередь, об их качественном исполнении, доступности. Причем и здесь возникают проблемы (например, что касается доступности госуслуги, то она ограничивается распространением Сети, умением пользоваться последней, что стало проблемой, например, для лиц пожилого возраста, не владеющих подобными навыками). Цифровизация несет и определенные риски (например, утечка персональных данных в той же сфере госуслуг, взламывание систем безопасности госучреждений хакерами и пр.). Тем не менее, согласно Федеральному проекту «Цифровое государственное управление» [158], доля взаимодействий граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемых в цифровом виде, должна составить к 2024 году 70%.

Как следствие процессов цифровизации в деятельности государства и его органов - формирование электронного, а затем цифрового государства. В научно-прикладной плоскости, вероятно, одним из прототипов цифрового государства в бытность Союза ССР стала концепция первой Единой государственной сети вычислительных центров. Среди ее разработчиков - отечественный военный ученый А.И.Китов, в 1956 году опубликовавший книгу «Электронные цифровые машины» [103]. В конце 1950-х годов он предложил политическому руководству нашей страны сформировать единую автоматизированную систему управления жизнедеятельностью Вооруженных Сил СССР и в целом народным хозяйством страны, но это предложение не было принято. В США же, напротив, к идее последовательных автоматизации, информатизации и цифровизации системы общественных отношений публичные власти отнеслись со всей серьезностью. В результате здесь уже в 1960-х годах зафиксировано появление целого массива научно-прикладных исследований и разработок, посвященных, прежде всего, электронному делопроизводству и внедрению компьютерных систем в деятельность Министерства обороны США (Пентагона) и других ключевых органов этого государства.

В начале 1970-х годов в США формируются научно-исследовательские группы, целью которых стало внедрение автоматизированных информационно-коммуникационных систем в деятельность органов управления, функционирующих на муниципальном (первоначальный этап) и государственном (второй этап) уровнях. Постольку работа этих групп в основном концентрировалась в сфере урбанистики, постольку практически все они в своих названиях имели аббревиатуру URBIs (от: «Urban Information Systems», т.е. «городские информационные системы»), что стало своего рода традицией.

Городские информационные системы (созданные не только в США, но и в других экономически развитых странах современного мира) стали мощным подспорьем правительств национальных государств в решении задач долгосрочного стратегического планирования и управления [259; 261; 263]. Так,

информация из географической информационной базы данных помогает в планировании, зонировании, логистике, развитии сферы коммунальных услуг, совершенствовании урбанизации территорий и сокращении негативного влияния ряда процессов на окружающую среду, а также в использовании больших баз данных о демографии, ресурсах и пр. при разработке государственной политики. Указанные системы обеспечивают не только осведомленность граждан (подданных) государства о взаимозависимости экономических, политических, социальных, экологических проблем их жизнедеятельности, но и повышают уровень обоснованности решений, принимаемых публичными властями различных уровней и бизнесом.

Другой пример - аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», который организован на основе комплексной дигитальной информационно-коммуникационной системы, обеспечивающей мониторинг, предупреждение и прогнозирование возможных угроз, интеграцию и взаимодействие аналогичных систем различных государственных органов, контроль над устранением последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений [41, с.190].

К теме электронного государства вернулись и в России. Стратегическая цель такого государства - существенно повысить эффективность работы традиционного государства - от взаимодействия его органов, граждан, бизнеса до реализации базовых задач по электронному документообороту [246]. Основные направления, инструменты, методы для формирования такого государства предусмотрены «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [8].

О том, насколько цифровые технологии способны изменить функционирование государства, свидетельствуют следующие утверждения: «цифровые технологии способны менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность, открывать дорогу или блокировать его действие в новых измерениях социальной реальности» [230, с.15]; «оцифровка создает новые возможности и для получения информации из информации» [56, с.22-23]; «IT-технологии способствуют дебюрократизации государственного ап-

парата, ведут к сокращению его численности, расширяют открытость, подконтрольность его гражданскому обществу, делают государственные услуги более доступными и, в конечном счете, повышают эффективность и легитимность» [38, с.7].

Формируемое цифровое государство в значительной степени основано на технологиях искусственного интеллекта (ИИ), для которого «настоящей пищей, топливом» являются большие базы данных, для сбора и хранения которых потребуется создать облачные платформы, соответствующее программное обеспечение. Развитие технологий ИИ изменит облик системы государственного управления, что сравнимо «с Великими географическими открытиями и выходом человека в космос» [172].

Одновременно не следует забывать и о рисках, возникающих в связи с формированием и развитием электронного, а затем цифрового государства, которые были зафиксированы в свое время в так называемых «политических антиутопиях»³. Как правило, в этих произведениях ключевая мысль авторов сводится к тому, что государство с помощью «цифры», иных новых технологий тотально контролирует не только жизнедеятельность своих граждан (подданных), но даже их мысли. Личные свободы и независимость становятся уделом «избранных», в то время как жизнедеятельность рядового гражданина оцифрована и размещена на серверах. Все - от школьных дневников до больничных карт - размещено в Глобальной сети, и при наличии желания и определенных навыков можно узнать все абсолютно о каждом.

То, что такой вариант дальнейшего развития событий возможен, подтверждают исследования североамериканского ученого Б.Д.Фогга, который еще в 1996 году ввел в научный оборот термин «captology» (аббревиатура от: «Computers As Persuasive Technologies» = CAPT). Им сегодня обозначено научное направление, исследующее различные аспекты воздействия компьютеров, дигитальных информационно-коммуникационных технологий на че-

³ В работах Д.Свифта[195], И.А.Ефремова [77], Е.И.Замятина [82], Г.Маркузе [131], Д.Оруэлла [154], О.Л.Хаксли [233].

ловека, которое (воздействие) Фогг назвал «навязчивым» и «убедительным». Базовой целевой функцией указанных технологий является не столько научно-технический, технологический прогресс Человечества, сколько коррекция поведения пользователей Интернетом и прочими гаджетами посредством убеждения и социального влияния, а не через грубое психологическое принуждение. Вследствие этого указанные технологии нашли широкое применение в маркетинге, рекламе, политике, дипломатии, культовой, военной сферах, здравоохранении, образовании и государственном управлении, и потенциально могут быть задействованы в любой области системы общественных отношений, а равно в любом виде деятельности [271].

В связи с этим представляется значимым при определении цифрового государства делать акцент не на технологической стороне или интерактивности взаимодействия государства и граждан, а на целях такого государства (например, на создании предпосылок «для формирования принципиально новой модели демократии - цифровой /электронной/ демократии /digital democracy/, основанной на более полном подчинении деятельности государства обществу и возможности прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов путем онлайн-голосования» [21, с.25]). Среди иных целей, тесно связанных с основной целью по формированию нового типа демократии, следует также назвать повышение эффективности и результативности, открытости и прозрачности работы государственных структур, обеспечение законности и безопасности с точки зрения защиты персональных данных, авторских прав и пр.

Важно также учитывать, что, с одной стороны, приход на рынок труда представителей молодых поколений, для которых во многом привычными стали online-общение, запрос и получение услуг «здесь и сейчас», решение жизненных задач через использование мобильных приложений всевозможных цифровых гаджетов, объективно влечет постепенную трансформацию психотипа, менталитета и индивида, и социума.

Преобразования структуры и функций государственного управления являются ответом на усиливающуюся в рамках новой цифровой реальности «конкуренцию за людей, обладающих востребованными в эпоху цифровизации знаниями, умениями, навыками» [160], когда формирование и развитие цифровой системы государственного управления позволит многим гражданам (подданным) современных государств в режиме online отслеживать возникающие проблемы личной и общественной жизни и совместно с публичными властями, институтами гражданского общества участвовать в их решении [203, с.70].

С другой стороны, нельзя допускать цифровую дискриминацию, так или иначе, обусловленную конфликтом ценностных ориентаций представителей сравнительно молодого (условно говоря, «цифровизированного») поколения, для которого, как отмечено выше, привычными стали online-общение, дигитальная форма информации, и предшествующих (условно говоря, «нецифровизированных») поколений. Полагаясь преимущественно на информацию в традиционной форме и жизненный опыт, последние нередко скептически относятся к новой цифровой реальности, обращая особое внимание на то, что она становится виртуальным средством обогащения, влечет риски симуляции объективной реальности, утраты индивидом способности адекватно мыслить и действовать, возрастания уровня манипулирования индивидуально-личностным и общественным сознанием.

Одним из аспектов цифровизации и формирования цифровой реальности является создание сетевой модели управления общественной жизнью, заложенной, прежде всего, построением коммуникационных и управленческих процессов в Сети. Формируется так называемое «сетевое общество» - новая форма « сетевого устройства властеотношений и социальных структур без иерархии, централизации и принуждения», набирающее силу по мере того, как «государство утрачивает свою монополию на господство» [43, с.8]. В сетевом обществе особую роль играют сетевые эффекты, прежде всего, способность данного феномена «включать в процесс социальной организации

новых акторов и новый контент» [97, с.66], обладающие определенной автономией относительно традиционных центров публичной власти.

Сетевое общество изначально строилось на интерактивности субъектов, применяющих цифровые ИКТ, и отличалось значимостью не вертикальных, а горизонтальных связей между данными субъектами. Субъекты сетевого общества - это персонифицированные и неперсонифицированные акторы, функционирующие во «Всемирной паутине», т.е. частные (физические, юридические) лица, репрезентанты институтов гражданского общества, национально-государственных и транснациональных публично-властных структур. Они «могут укрепить свою властную позицию с помощью создания сети, аккумулирующей ценные ресурсы, а затем, используя стратегии гейткипинга, закрыть доступ тем, кто не прибавляет ценности сети или подвергает опасности интересы, которые доминируют в программах этой сети» [97, с.89]. При этом индивидуальный актор социальной сети (человек, индивид, личность) теоретически может играть роль, в том числе ключевого субъекта управления Сетью, в частности, благодаря тому, что «беспроводные коммуникативные устройства становятся избранными инструментами на уровне инициированных массами политических перемен в нашем мире» [97, с.425]. Но на практике обычные пользователи цифровых ИКТ становятся, как правило, объектом манипуляций со стороны ТНК, ТНБ, национальных государств, институтов гражданского общества и утрачивают субъектность, которая декларативно предписана им сетевым обществом. Это нередко декларируется как цифровая демократия - свойство сетевого общества, характеризующее его способность отражать и выражать потребности, интересы, установки, ценности различных групп пользователей Сетью.

Сравнение контента социальных сетей позволяет заключить, что соответствующие потребности, интересы, установки, ценности нередко противоречат друг другу из-за различий в системах ценностной ориентаций их носителей. То, что их, безусловно, объединяет, так это твердая убежденность в непреходящей ценности самой коммуникации, реализуемой посредством диги-

тальных информационно-коммуникационных технологий, и активного участия в социальных сетях.

Итак, предварительный анализ показал, что:

1. Применение в процессе функционирования системы общественных отношений цифровых ИКТ, протекающие процессы глобализации не могли не отразиться на трактовке суверенитета государства. Реализация обозначенных процессов послужила для некоторых ученых, политических и общественных деятелей необходимым и достаточным основанием отказа от понятия суверенитета государства [273]. Вместе с тем такой отказ неприемлем, он не получил одобрения и поддержки, по крайней мере, на уровне системы ООН и других международных организаций.

2. Еще сравнительно недавно трудно было предположить, что виртуальные социальные сети, основанные на дигитальных информационно-коммуникационных технологиях, станут активаторами радикальной негации структуры, задач, функций государства, что потребует от него совершенствования всей деятельности в направлении становления и развития цифрового государства.

3. Несмотря на разницу в оценках процесса цифровизации государства, данный процесс не остановить. В частности, отдельные элементы цифрового государства уже прошли апробацию на практике. Вопрос о том, что конкретно входит в состав электронного, а в перспективе - цифрового государства, - дискуссионен, однако исследователи солидарны во мнении, что его структуру образуют 4 компонента со специфическими функциями и задачами:

1) администрирование - цифровые информационно-коммуникационные технологии в процессах, непосредственно связанных с государственным управлением;

2) предоставление государственных услуг: сервисы для граждан (подданных) государства в оцифрованной форме;

3) вовлечение населения в процесс принятия управленческих решений через ЦИКТ;

4) алгоритмизация взаимодействия публично-властных структур, представителей бизнес-сообщества и граждан (подданных) государства в Сети и с помощью цифровых ИКТ.

Одна из важнейших задач цифрового государства заключается в формировании принципиально новых методов, подходов, которыми могли бы воспользоваться частные (физические и юридические) лица для эффективного взаимодействия с государственными структурами. Такие новшества должны быть построены на принципах взаимного доверия, открытости и позитивно влиять на всю систему общественных отношений. Для этого зачастую требуется радикальный пересмотр взаимодействия на всех уровнях отношений: «человек - государство», принципов подбора соответствующих кадров и разработки необходимых технологических решений.

1.3 Развитие гражданского общества и его институтов в ракурсе цифровой реальности

Несмотря на то, что истоки формирования понятия «гражданское общество» следует искать еще в лоне возникновения европейской цивилизации, его развернутое толкование дал в своих работах Г.В.Ф.Гегель, определяя его, как «объединение членов в качестве самостоятельных единичных», то есть конкретных лиц, каждое из которых «есть для себя особенная цель, как целостность потребностей и смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно соотносящееся с другой такой особенностью», образуя особую "форму всеобщности"» [55, с.208, 227-228]. Однако в дальнейшем исследователи стали делать акценты на разных аспектах, выделяя те или иные признаки гражданского общества (как проявления неполитических отношений, развитости гражданского права, отделенности от государства и пр. [198, с.401-405; 236, с.139-141]) и, формируя, тем самым, вариативные определения данного понятия.

В международных политических и правовых документах термин «гражданское общество» употребляется, как правило, в значении «третий сектор

общества», наряду с государством и бизнесом [153]. По своему содержанию он включает в себя семью и сферу частных интересов. Хотя следует отметить, что не все авторы (в том числе и Гегель) включали в содержание гражданского общества семью⁴.

Нередко сформулированные авторами определения гражданского общества представляются некорректными. Так, в «Новейшем политологическом словаре» гражданское общество определено как «сфера реализации неполитических интересов в обществе, которая представляет собой совокупность экономических, культурных, этнических, религиозных и пр. отношений, реализуемых без непосредственного контроля государственной власти» [147, с.74]. Трудно предположить, что гражданское общество, по своей сущности, состоящее из граждан (представителей того или иного государства), должно иметь неполитический характер (это при том, что в структуре этого общества среди его институтов присутствуют партии, цель которых - завоевание политической власти. Опять же сложно предположить, что те же партии находятся вне контроля государства).

Трудно согласиться и с определением гражданского общества как «совокупности множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства либо помощи» [252, с.57]. Во-первых, сюда могут быть включены и формальные отношения (например, отношения между членами достаточно формализованы в крупной по численности партии, общественном движении и пр.); во-вторых, для развития тех или иных институтов гражданского общества не исключена и помощь со стороны государства. В-третьих, это определение не раскрывает специфику гражданского общества.

⁴ «В систему гражданского общества непосредственно не входят такие специфические самостоятельные человеческие общности, как семья и этнос» [145, с.285].

Еще одно определение гражданского общества следующее: «Под гражданским обществом, понимается совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), уважающих законы государства, права человека и не позволяющих вмешиваться в свою деятельность» [58, с.45]; «под "негражданским обществом", понимается совокупность ассоциаций людей, не уважающих и не соблюдающих законы государства» [58, с.45]. С позиций номиналистической методологии основой этого общества являются свободные личности. В определении об этом не упоминается (речь идет только об ассоциации граждан). Кроме того, неясно, как должно повести себя гражданское общество (а оно, согласно данному определению, законопослушно), если законы государства сформулированы таким образом, что они нарушают права человека и, соответственно, мешают или препятствуют функционированию гражданского общества?

Обобщая разные точки зрения авторов по этой теме [79; 99; 100 и др.], можно выделить следующие базисные признаки гражданского общества (в значении третьего сектора общества):

- определенная совокупность граждан (подданных), объединенных необходимостью взаимного удовлетворения частных интересов в правовом государстве;
- система общественных отношений, находящихся вне непосредственного воздействия и контроля со стороны государственной власти;
- сфера самовыражения лиц, обладающих необходимыми для этого свободой и равенством.

Весьма широко распространено и употребление термина «гражданское общество» в значении совокупности негосударственных (неправительственных) организаций и институтов (в том числе независимых от государства и бизнеса), выражающих интересы и волю граждан [266].

В западной политологической литературе имеет место использование понятия гражданского общества в значении синонима гражданских ценностей правового государства (свобода слова, иные гражданские права и свободы).

В постмодернистской истории общества (этап, возникновение которого связывают с периодом конца 1980-х - началом 1990-х гг.) развитие «третьего сектора» стало основным трендом. Более того, в рамках неолиберализма развитие данного сектора рассматривается как то, что должно прийти на смену государства всеобщего благоденствия [297].

В настоящее время гражданское общество (ввиду появления многочисленных неправительственных организаций и новых социальных движений в глобальном масштабе) стало трактоваться как ключевое направление стратегических действий по формированию альтернативного социального и мирового порядка. Между тем, все отчетливее обозначились различия в развитии гражданского общества в разных странах.

Гражданское общество - условие, результат и фактор дальнейшего развития правового государства, это и политический императив, и глобальная политическая цель. Именно на него возложены задачи быть противовесом государству, отстаивать частные интересы граждан и гражданского общества в целом, ограничить степень контроля государства над частной жизнью граждан, пресекать нарушения закона по отношению к ним, находить компромиссы (где это возможно) в спорах с государством. Нередко гражданское общество выступает как цель развития социума. Например, В.С.Нерсисянц писал, что «современное гражданское общество - это правовое, либерально-демократическое, плюралистическое, открытое общество, основным субъектом которого является свободный индивид, реализующий свои интересы в рамках единого для всех закона и общего правопорядка» [145, с.284].

Гражданское общество по мере своего развития обретает собственную структуру, формируя общественные организации и ассоциации, цель которых выявление и борьба за реализацию интересов гражданского общества. Однако понятие «структура гражданского общества» может трактоваться по-разному, в том числе и в зависимости от целей исследования. Так, весьма распространен институциональный анализ гражданского общества, в котором выделяются институты, понимаемые как относительно устойчивые фор-

мы, в которые организуются все проявления этого общества (прежде всего, направления деятельности), что придает устойчивость связям и отношениям, возникающим здесь и, тем самым, очерчивающим его границы.

Среди институтов гражданского общества (в соответствии с классификацией, разработанной в ООН [153]) можно выделить: научное сообщество («academia»); активистские группы; благотворительные клубы (спортивные, социальные и др.); организации местного сообщества; потребительские организации; неправительственные организации (NGOs); некоммерческие организации (NPOs); политические партии; частные добровольные организации (PVOs); профильные ассоциации; религиозные организации; социальные предприятия; общественные движения; группы поддержки; профсоюзные объединения; добровольные объединения («voluntary associations»). К перечисленным институтам относятся, в частности, негосударственные СМИ, негосударственные образовательные учреждения и пр.

Одновременно подход к структуризации гражданского общества может быть иным, например, субъектным. Среди последних можно выделить как институциональные субъекты, о которых говорилось выше, так и неинституциональные, к числу которых следует отнести акторов в лице конкретных граждан (подданных), их семей, институционально неоформленные (неофициальные) группы, включая и интернет-сообщество.

О масштабах последнего свидетельствуют следующие данные: число пользователей Интернета на начало 2019 года достигло 4,39 млрд чел. (почти 60% населения Земли, включая и детей младенческого возраста), из которых 3,48 млрд чел. - активные участники соцсетей (увеличение за 2018 год составило 9%) [269]. В Российской Федерации число пользователей Интернетом достигло 109,6 млн чел. (76% населения страны), из них пользователи соцсетей - 70 млн чел. Активные пользователи (посещающие Сеть ежедневно) составляют 85% всех пользователей Сети [270].

Что касается интернет-сообщества, то к настоящему времени возник ряд понятий, раскрывающий принадлежность интернет-пользователей к граж-

данскому обществу. Речь идет о таких понятиях, как «цифровые граждане», «цифровое гражданство», «цифровая гражданственность». Так как перечисленные понятия трудно считать устоявшимися, все они имеют несколько трактовок. Например, термин «электронное гражданство» как аналог «цифровому гражданству» был использован правительством Эстонии, в том значении, что граждане могут «в электронном виде записывать их брак, свидетельства о рождении, бизнес-контракты» [299, с.5].

Понятие «цифровой гражданин», введенное К.Моссбергер [283], обозначает человека, использующего цифровые ИКТ для участия в общественной жизни, политике, электронном правительстве и пр. По мнению К.Моссбергера, такие люди используют Интернет регулярно и весьма эффективно. При этом под цифровым гражданством понимается не только применение Интернета, постоянное нахождение в Сети, но надлежащее и ответственное поведение в ней (включающее и компьютерную грамотность, определенную культуру общения в Сети, соблюдение правовых норм, регулирующих отношения в Сети, «создание безопасных условий для онлайн коммуникаций и для собственного пользования Сетью, максимизация возможности цифровой среды для личностного развития, получения образования и углубления профессионализации, создания бизнеса и т.д., умение применять государственные и общественные интернет-сервисы, пользоваться инструментами цифровой демократии» [40, с.66] и пр.).

Цифровое гражданство - это термин, употребляемый для обозначения надлежащего и ответственного применения цифровых ИКТ пользователями данных технологий и соответствующих им технических устройств [267]. Соответственно, цифровое гражданство в субъектном аспекте - это пользователи цифровых ИКТ, которые отличаются ответственным поведением в Сети и вообще при применении указанных технологий и необходимых для этого технических устройств. Можно констатировать, что цифровое гражданство начинается с момента, когда пользователь Сети начинает постепенно превращаться в активного пользователя (например, создает свой адрес элек-

тронной почты, публикует фотографии в Сети, пишет сообщения в блогах, участвует в электронной коммерции, ставит лайки и пр.). По аналогии с правовой категорией «гражданство» статус цифрового гражданина понимается как устойчивая связь человека с цифровой реальностью, в которой постепенно формируются его права и обязанности, тем самым, регулируются его отношения с государством, обозначаются границы его свободы и ответственности, устанавливаются в рамках самоорганизации и этические нормы коммуникации в этой реальности. Среди направлений активности цифрового гражданина не исключено и участие в политических процессах (причем не только в реальности второго порядка).

Будучи цифровым гражданином, пользователь Сети имеет возможности непосредственного влияния на политическую жизнь не только страны, но и мира (цифровое гражданство в данном случае не привязано к конкретному домену). Причем цифровой гражданин может быть пассивным потребителем контента Сети, в том числе и политического, а может активно включаться в процессы его формирования (например, высказывая собственную позицию в процессах обсуждения) и распространения. Вместе с тем массовая самокоммуникация, в конечном итоге, выражается в формировании интернет-сообществ (например, профессиональных групп, экспертных групп, групп по интересам, политическим пристрастиям и пр.), что ведет к определенной социальной интеграции пользователей Сети.

Одновременно интернет-граждане находятся под сильным влиянием различных политических структур, агенты которых могут выступать под видом цифровых граждан, при этом явно или скрыто манипулируя сознанием и поведением рядовых пользователей Сети. Между тем, это не исключает, что цифровые граждане, находясь в Сети, чувствуют себя социально востребованными, интегрированными в политическое пространство.

Итак, уже на примере определений понятий «цифровой гражданин» и «цифровое гражданство», сформулированных К.Моссбергер, видно, что «цифровой гражданин», с одной стороны, в широком значении - потенци-

ально любой пользователь Сети, в узком понимании - лишь тот, кто проявляет активное и ответственное поведение в цифровой реальности. Представляется, что именно в таком значении совокупность «цифровых граждан», формирующих интернет-сообщества, может быть рассмотрена как новый актор гражданского общества⁵. Активность и ответственность цифрового общества нашла закрепление в понятии «цифровая гражданственность», под которым мыслится, прежде всего, перенос гражданской и политической активности в цифровую среду (причем данный перенос может быть как со стороны самого интернет-сообщества, так и со стороны иных политических акторов, бурно осваивающих цифровую среду).

Вместе с тем в связи с изложенным выше возникают вопросы:

1). Происходит ли процесс формирования цифрового гражданства автоматически (например, как процесс саморегуляции Сети) или он требует целенаправленного воздействия извне (например, со стороны государства, бизнеса, гражданского общества)?

2). Означает ли развитие цифрового гражданства одновременное развитие демократических процессов?

3). И, наконец, какова направленность активности цифрового гражданства (Сеть - это платформа для реализации протестных настроений или выражения лояльности по отношению, например, к государству)?

Во-первых, относительно перечисленных вопросов можно утверждать, что культура общения и поведения в Сети еще не сложилась, и, вероятно, спонтанно не сложится, что потребует целенаправленных совместных усилий со стороны государства, бизнеса и самого гражданского общества. Сообщества Сети не однозначны ни по своей направленности, ни по отношению лояльности к государственной власти. Можно констатировать и разную скорость цифровизации вариативных сфер общественной жизни (например, сложно

⁵ Среди иных значений понятия «цифровое гражданство» отметим обозначение поколения Z - поколения, выросшего во время массового распространения Сети; «совокупность надпрофессиональных и цифровых компетенций» [40, с.67].

утверждать о быстрых темпах цифровизации политической сферы и иных сфер общественной жизни).

Следует обозначить и риски, вызовы, угрозы процессам демократизации при применении цифровых технологий. Они связаны, прежде всего, с тем, что цифровое сообщество (как сообщество всех пользователей) неоднозначно. Более того, возрастные группы в данном сообществе могут быть представлены неравномерно (отсюда, одна возрастная группа, например, может быть представлена в большей или меньшей степени). Тем не менее, следует констатировать разнообразие интернет-сообществ, сформированных по тем или иным интересам или объединенных общностью реакции на какое-либо событие и пр.

Во-вторых, цифровое сообщество в целом - это, с одной стороны, сообщество массовой самокоммуникации, но, с другой стороны, вписанное в цифровую среду, в которой наряду с рядовыми интернет-пользователями действуют многочисленные политические структуры, включая и государственные, преследующие те или иные интересы и формирующие цифровую среду для их реализации. Отсюда, специфика той информационной среды, в которую погружены коммуникационные процессы в Сети (здесь и фейк-новости, и открытая пропаганда, включая и реакционные политические призывы, поляризация на тех, кто владеет истинной информацией и тех, кто ею не владеет; и факты борьбы тех или иных политических /и неполитических/ сил за голоса избирателей-пользователей Сети и пр.).

При этом возникает целый ряд проблем, например, для государственных структур, которые хотят получить одобрение и поддержку тех или иных решений со стороны интернет-пользователей: голос каждого пользователя должен быть услышан, не должен потеряться в общем информационном шуме Сети (как это выполнить - весьма сложная проблема); цифровые технологии могут предоставлять гражданам больше информации о государстве и его структурах, но эта информация может быть как негативной, так и позитивной. Но в любом случае государство должно реагировать на полученную ин-

формацию от цифрового сообщества, вместе с тем многое зависит от ее характера: например, это могут быть призывы к терроризму, свержению государственной власти и пр. радикальным действиям; но это может быть и справедливая критика негативных явлений, возникших по причине неэффективной или ошибочной деятельности государственных структур. Что касается информации конструктивного характера со стороны интернет-пользователей в плане их предложений по совершенствованию властных структур, то они должны быть не просто зафиксированы, но осмыслены и использованы соответствующими органами государственной власти. Но в связи с последним обстоятельством возникает вопрос, готово ли государство анализировать и использовать такие предложения и рекомендации?

В-третьих, владение или невладение цифровыми ИКТ разделяет гражданское общество на тех, кто в Сети, и тех, кто вне ее по каким-либо причинам (в силу социально-экономического положения, отдаленности проживания и пр.). Как следствие - разный доступ граждан к информации, электронным услугам и пр. Образуется своего рода неравенство относительно участия/неучастия в Сети.

В-четвертых, цифровое гражданство, с одной стороны, формируется стихийно в процессе цифровизации и имеет для этого объективные предпосылки (необходимые техническое и технологическое обеспечение), но, с другой стороны, это и процесс целенаправленного формирования цифрового гражданства (так М.Риблом были сформулированы принципы ответственного использования цифровых ИКТ: уважение, образование и защита [285]). В частности, уважение подразумевает соблюдение моральных и правовых норм, право доступа к Сети; образование - компьютерную грамотность, знания в области коммуникаций и коммерции в Сети; защита - обеспечение безопасности в цифровом и нецифровом мирах [268].

Важно и создание условий со стороны того же государства для возникновения цифрового гражданства. Так, необходимо формирование и развитие цифрового права, цель которого, прежде всего, защита цифрового граждани-

на (как и всех пользователей цифровых ИКТ) от взлома его личных страниц, плагиата, вирусов, отправки спама, кражи персональных данных, кибербуллинга и пр. Но это предполагает и формирование цифровых прав и обязанностей пользователя, в том числе и по обеспечению личной безопасности в цифровой реальности (создание сложных паролей, защита от вирусов и пр.).

В-пятых, цифровое гражданство постоянно соотносится с объективной реальностью (реальностью первого порядка), включая сформированное в последней гражданское общество. Так же, как и гражданское общество в объективной реальности, цифровое гражданство может быть раскрыто через направления деятельности, ориентированные на решение социально значимых задач [164], объединения граждан в Сети. Вместе с тем институты гражданского общества, зафиксированные в реальности первого порядка, обозначили свое присутствие и в цифровой реальности (например, через создание соответствующих сайтов, блогов в Сети и пр.). Кроме того, в Сети нашли свое место демократические процедуры (электронное голосование, публичные обсуждения и пр.), ситуационные институты гражданской инициативы, электронные СМИ.

Подводя итог анализу соотношения гражданского общества (как феномена реальности первого порядка) и цифрового гражданства, следует отметить, что данная проблема не имеет однозначного решения. Представляется, что возможны следующие варианты такого соотношения:

- 1) цифровое гражданство и, соответственно, цифровые граждане - неотъемлемая самостоятельная часть гражданского общества. При этом цифровое гражданство имеет собственные интересы, которые порождены самой цифровой реальностью (например, борьба за свободу в Интернете, сохранение личного пространства в нем и пр.);
- 2) цифровое гражданство не стоит выделять в качестве самостоятельной части гражданского общества, гражданское общество в Сети - это и есть цифровое гражданство;

3) гражданское общество в реальности трансформируется в социальную сеть и будет, в конечном итоге, поглощено цифровым гражданством.

Первая позиция представляется более обоснованной, так как пользователи Сети и иных ЦИКТ могут иметь собственные интересы, порожденные именно коммуникационными процессами в Сети. Вместе с тем интернет-сообщество - это не только те, кто демонстрирует ответственное поведение в Сети. Значит, не все интернет-сообщество может быть отнесено к цифровому гражданству. В самом же гражданском обществе есть и те, кто еще не нашел своего места в цифровой реальности (значит, и не все гражданское общество перемещено в Сеть).

Одновременно следует согласиться с авторами, которые считают, что цифровые граждане «меняют традиционную конфигурацию гражданского общества» [80, с.82]. В основе дискурса цифрового гражданства - ориентация на личность, диалогичность, открытость, принцип обратной связи, сопричастность, свободу выражения мнений, отклик на каждое событие, показавшееся пользователям Сети важным и значимым.

Появляются новые акторы цифровой реальности, которые ставят перед собой политические цели и задачи. Причем не все из них выражают лояльное отношение к существующей государственной власти и ее отдельным структурам. Например, речь может идти о так называемой несистемной оппозиции в современной политической жизни России, что получило название в политологии «антиинституциональных новых движений и организаций». Общение со своими противниками и сторонниками в режиме онлайн, скорость и оперативность передачи информации, масштабность ее распространения и пр. - все это привлекает политических акторов как можно шире использовать цифровую реальность в собственных целях. В цифровой реальности может одновременно функционировать информация разной политической направленности.

Вместе с тем информационный контент в Сети имеет свои ограничения, установленные соответствующим законодательством той или иной страны

(например, в Российской Федерации это «ограничения доступа к информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, высказывает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации» [5] и др.).

Среди сетевых акторов следует выделить блогеров, соединяющих черты институционального и личностного начал гражданского общества (цифрового гражданства). Кроме того, личностное начало в цифровом гражданстве проявляется и в постах, интернет-конференциях, форумах и пр. Таким образом, цифровая реальность делает акцент на личностном начале, когда пользователь Сети персонально подтверждает или не подтверждает свое участие, поддерживает или не поддерживает ту или иную политическую позицию и пр. «Интернет изменил радиус эффективной коммуникации и, соответственно, соотношение отдельных личностей, сообществ и организаций» [80, с.83].

Политический аспект рассмотрения обозначенной темы связан и с раскрытием видов, форм, интенсивности политического участия акторов цифровой реальности в политической жизни страны и мира. Большинство исследователей делают вывод, что «применение цифровых ИКТ делает участие обычных граждан в политических процессах более масштабным и весомым, предоставляя им широкие возможности для массовых самокоммуникаций» [283].

Более того, некоторые политологи отмечают, что именно социальные сети - «платформа для формирования протестного настроения и, соответственно, политической мобилизации» [105, с.60-61]. Примеров этому в современной истории достаточно (в частности, события во Франции 2005 года; события «арабской весны», когда таким инструментом мобилизации стал «Фейсбук» [105, с.60-61]; через социальные сети информировались и пользователи Сети о протестных митингах и демонстрациях в России в 2011-2012 гг. [179]. В итоге среди отечественных и зарубежных политологов сложился подход, со-

гласно которому цифровая реальность, а именно Интернет - первопричина протестной мобилизации. Представляется, что такая позиция упрощает поиски первопричины протестов. Можно сослаться на исследования, проведенные в ряде стран, в том числе и в России, ставящие под сомнение такую зависимость.

О масштабах политической активности пользователей Интернета свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного ФОМ в 2013 году [227]. Так, по результатам этого исследования, постоянную гражданскую активность в Интернете показывали лишь 8% российских пользователей. Среди форм гражданской активности интернет-пользователи называли: обсуждение политических и общественных событий в блогах, соцсетях - 40%; посещение сайтов партий, общественных организаций - 35%; пожертвование финансовых средств в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям - 28%; участие в интернет-голосованиях по политическим вопросам - 16%; размещение на централизованных сервисах информации о местных проблемах - 14%; вступление в партии - 6%; распространение информации об общественных и политических проблемах и событиях - 6%; вступление в группы общественных (некоммерческих) организаций, поддержка инициатив по решению общественных проблем и помощи нуждающимся в социальных сетях - 5%; пожертвование финансовых средств на реализацию проектов (например, интернет-СМИ, выпуск музыкального альбома, проведение мероприятий) - 3%; пожертвование финансовых средств кандидатам на выборах - 1%.

По данным опроса, проведенного осенью 2019 года АНО «Левада-Центр» [25], среди основных форм политической активности граждан, включая и значительную часть их как пользователей Сети: голосовать на выборах за партии /кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований, готовы 67% респондентов; обращаться в органы исполнительной власти - 47%; подписывать открытые письма и петиции (одна из распространенных форм гражданской активности в Интернете) - 43%; работать волонтером в обще-

ственных и политических организациях - 26%; участвовать в уличных акциях и митингах - 20%. Как видно, из проведенного опроса не протесты, а иные каналы демократической активности оказались более востребованными российскими гражданами. Но протестный потенциал может необязательно выражаться в политических действиях, он может накапливаться в сознании людей.

Представленные выше результаты опросов показывают, что в настоящее время политическая активность, включая и пользователей Сети, протекает как в политической реальности (объективной реальности первого порядка), так и в цифровой реальности. При этом однозначной зависимости между политической активностью в Сети и реальными политическими действиями нет. В данном случае можно констатировать более сложные зависимости. Тем не менее, Интернет показал свои реальные возможности по координации действий протестующих, раскрывая свой мобилизационный потенциал. Но Интернет становится площадкой и для борьбы за права граждан, защиты интересов гражданского общества, контроля над государством.

Разные политические силы пытаются предельно политизировать цифровую реальность, используя вариативные приемы манипулирования сознанием интернет-пользователей, включая их мобилизацию для решения политических задач. Излишняя заостренность политических сил на представлении цифровой реальности как среды политизации пользователей цифровых ИКТ приводит к усталости от данной среды [105, с.62]. В этом случае возможны варианты: ухода из цифровой реальности, что вряд ли возможно в условиях все большей цифровизации деятельности государства и его институтов; формирования цифровой политической реальности (уже сегодня политологи используют понятие «онлайн политика» [191]), построенной на активном участии цифрового общества.

Интернет стремится стать площадкой для самоуправления. В связи с этим отметим создание многостороннего Форума по управлению Интернетом (IGF), позволяющего всем заинтересованным сторонам (международным

государственным и негосударственным учреждениям, правительствам, специалистам в области цифровых ИКТ, представителям деловых кругов и организаций гражданского общества) на равной основе исследовать развитие Интернета. «IGF способствует общему пониманию того, как максимизировать возможности Интернета и предотвращать возникающие в связи с ним риски и проблемы» [291].

Еще одним последствием развития цифровой реальности в ракурсе изменения гражданского общества следует считать формирование мирового (транснационального, космополитического) цифрового гражданства («формирование политических сообществ без территории» [173]). На базе мировых соцсетей, облачных технологий формируется цифровая идентичность, которая становится основой космополитического цифрового гражданства. «Социальная структура, инфраструктура которой основывается на цифровых сетях, обладает потенциальной возможностью стать глобальной» [97]. Мировое цифровое пространство создается на основе цифровых ИКТ и строится на базе общности интересов, взглядов (включая и политических), предполагает те или иные формы сотрудничества, в том числе и с целью влияния на мировые политические процессы и решения [111; 173; 288]. Между тем, не все политики так оптимистичны: мировое цифровое гражданство рассматривается ими как «техноутопизм», «эскапизм», «риск для национальной демократии», «мир без закона» и пр. [288, с.353]. Но существуют объективные предпосылки для формирования такого гражданства: рост глобальной взаимосвязанности, возможности коммуникаций в мировом масштабе. Отсюда, «децентрализованные "облачные" сообщества, в которых глобальные граждане, объединенные общностью интересов, могут быть политически организованы и сотрудничать с целью влияния на принятие международных решений и, в конечном счете, стать их частью» [288, с.354].

Можно выделить и черты мирового цифрового гражданства, имеющие сходство с мировым гражданским обществом в реальности первого порядка: добровольный характер, политическая направленность, непричастность к

государственным структурам, некоммерческий характер. Однако существуют и отличия: реальное глобальное гражданское общество строится на национально-государственной основе (состоит из гражданских обществ суверенных национальных государств), в мировом цифровом гражданстве глобальные организации гражданского общества действуют от имени группы активных интернет-пользователей, объединенных едиными интересами и желанием воздействовать на принимаемые политические решения.

Но можно ли утверждать, что все объединения в Сети носят политический характер? Позиция Л.Оргада, эксперта в области цифрового гражданства, в данном случае выглядит весьма эвристичной: все зависит от характера такого сообщества и от того, как оно будет развиваться, но при этом в любом случае члены данного сообщества должны идентифицировать себя с ним, разделять его идеи, быть готовыми к коллективному действию [288]. При этом должно быть и правовое регулирование отношений, складывающихся в мировом цифровом гражданстве. С одной стороны, сообщество, основанное на блокчейне, является децентрализованным, формируя сетевое управление. «Технологически, поскольку членство является виртуальным, принуждение осуществляется через программное обеспечение» [288]. Но, с другой стороны, Интернет, как и коммуникации с помощью цифровых ИКТ, находятся под правовым регулированием национальных государств, неподчинение которому чревато соответствующими негативными санкциями и наказаниями. Кроме того, регулирование происходит и внутри Сети через интернет-протоколы, интернет-коды, правила блокчейна и пр., а среди действенных наказаний - потеря репутации в Сети. Как отмечал М.Кастельс, Сеть работает на основе бинарной логики включения/исключения. «Исключение из этих сетей ...равносильно структурной маргинализации в глобальном сетевом обществе» [97, с.70]. Но за этим стоят и определенные субъекты, реализующие власть в Сети (программисты, «переключатели» и пр.). «Переключение и программирование глобальных сетей становятся формами реализации власти в глобальном сетевом обществе цифровых граждан» [173].

Один из сложных вопросов - соотношение мирового цифрового гражданства и национально-государственного суверенитета. Единого мнения по этому вопросу в современной политологии не сложилось. По меньшей мере, можно констатировать несколько вариантов решения: мировое цифровое гражданство - суб-суверенное образование (например, в рамках мирового гражданского общества или международных политических объединений), квазисуверенное образование (на самом деле таковым не являющееся), функциональное суверенное образование (суверенитет подразделяется на функции, каждая из которых выполняется определенным субъектом) [288].

Сформулируем выводы:

1. Цифровое гражданское общество сформировано активными и ответственными пользователями цифровых ИКТ, оно слабо структурировано (по сути, представлено сообществами в Сети, отстаивающими те или иные интересы). Особенности его формирования и функционирования детерминированы спецификой цифровых ИКТ, что отражается и на отличительных чертах общения в Сети (довольно часто это анонимность общения, управление процессом формирования впечатлений о себе как о виртуальной личности, отсюда, несовпадение виртуального и реального образов как следствие ошибочного конструирования образа другого, интерактивность и бóльшая раскрепощенность в процессах общения, формирование определенного эмоционального контекста, упрощенный характер общения, например, в интернет-чатах, и вообще специфика языка в виртуальной коммуникации, возможность передачи значительного количества информации за минимальное время, широкий доступ к информации, расширение возможностей для общения и самовыражения - массовая самокоммуникация и пр.). Цифровое гражданское общество заострено на цифровом гражданине, так как формируется на основе самовыражения мнений цифровых граждан.

2. Не все пользователи Сети могут быть отнесены к цифровому гражданству. Речь идет только об активных и ответственных пользователях Сети, которые объединены в сообщества для обсуждения и достижения социально

значимых целей. Поэтому к нему не могут быть отнесены разного рода интернет-сообщества террористического характера, преступной направленности.

3. Цифровое гражданство формируется и функционирует по сетевому принципу, что предполагает отсутствие централизации. Но это отнюдь не означает отсутствия разных форм контроля со стороны сетевых модераторов и администраторов, государственных структур, самоконтроля.

4. Цифровое гражданство тесно связано с реальным гражданским обществом, так как институты последнего все чаще проявляют себя и в цифровой реальности, становясь ее акторами. Вместе с тем интернет-сообщества, выступающие субъектами цифрового гражданства, способны оказывать реальное воздействие, как на данные институты, так и на политическую жизнь в целом, причем как стране, так и в мире.

5. Оценки формирующегося цифрового гражданского общества с позиций вариативных политологических теорий различны: в ракурсе идей либерализма такое общество представляет собой демократию в действии, оно позволяет в большей степени контролировать государственную власть, не оставляя закрытых зон для общественного контроля; консервативное направление относится к оценке перспектив такого общества весьма скептически, полагая, что глобальное гражданское общество может использоваться наиболее могущественными государствами для продвижения своих интересов; с точки зрения марксистской идеологии глобальное цифровое гражданское общество может восприниматься как политический авангард, способный распространять иное мировоззрение, бросающее вызов господствующему порядку.

6. Активизм цифрового гражданского общества во многом был подогрет и тем обстоятельством, что ряд международных организаций поддержал включение субъектов гражданского общества в процессы принятия международных решений, создав для этого электронные площадки, участником которых мог стать любой активный пользователь Сети, соблюдающий определенные условия такого включения.

Глава 2 Трансформация государства и гражданского общества, механизмов их взаимодействия в цифровой реальности

2.1 Цифровая демократия

Под влиянием цифровой реальности изменяются государство, а также гражданское общество и его институты, что обуславливает появление новых направлений и форм их взаимодействия. В качестве одного из таких направлений следует назвать формирование электронной демократии.

В связи с бурным развитием цифровых ИКТ практически все традиционные формы демократии начинают функционировать, помимо обычной реальности (реальности первого порядка), в реальности виртуальной. Более того, сама эта реальность порождает новые формы проявления демократии (например, электронное голосование, создание интернет-площадок для коллективного обсуждения значимой темы и пр.). Вместе с тем с цифровыми ИКТ связаны не только позитивные процессы, они несут в себе и риски, в том числе и применительно к существованию тех или иных форм демократии (например, дают возможность установления массовой слежки за гражданами). К развитию цифровой демократии подталкивают и развивающиеся кризисные процессы в традиционных формах осуществления демократии. Так, некоторые авторы отмечают кризис представительной демократии (рассматривая его как результат институционализации демократических процессов) и связывают возрождение подлинной демократии с переходом к форме непосредственной демократии, что возможно осуществить в цифровой реальности [133].

Понятие «цифровая демократия» не получило однозначной трактовки в политологической литературе, хотя формирование этого феномена началось еще в 1980-х годах в связи с развитием теледемократии [101]. Затем с наступлением эры Интернета все чаще стали говорить о становлении электронной демократии. Электронная демократия не вытеснила традиционные формы демократии, а стала сосуществовать одновременно с ними. В качестве сино-

нима термину «электронная демократия» нередко употребляется термин «цифровая демократия». Между тем, это, как указывают некоторые авторы, неточно, постольку, поскольку цифровые технологии являются «частью электронных, одним из технических электронных способов или средств» [212]. Хотя, как представляется, синонимичное рассмотрение понятий «цифровая» и «электронная» демократия не несет значительных погрешностей в рамках политологии, поэтому будем их применять как синонимы.

Итак, соединение цифровых технологий и демократических процессов нашло отражение в таких понятиях, как: «е-демократия», «электронная демократия», «облачная демократия», «виртуальная демократия», «интернет-демократия», «цифровая демократия» и пр. По сути, все эти технологии используются в традиционных демократических процессах (например, обсуждение социально значимых проблем в социальных сетях, блогосфере, облачных сервисах, медиаплатформах, включая мобильные платформы; электронное голосование и пр.).

Проведенный анализ показал, что дигитализация демократических процессов имеет место во всех странах мира по мере развития в них цифровых ИКТ, но теоретические подходы к трактовке цифровой демократии как в отечественной, так и зарубежной литературе по политологии весьма вариативны. Так, цифровая демократия - это:

- широкое понятие (включающее в себя и понятие электронного правительства, когда последнее рассматривается как форма цифровой демократии), выражающее связь цифровых ИКТ и традиционных форм конституционной демократии (Д.А.Захаревич, К.В.Черкасов [243, с.40-41]);
- форум для общественного обсуждения; поддержки демократических процессов принятия решений (В.И.Руденко [189]);
- «новые дистанционные способы взаимодействия между гражданами и государственными органами по поводу оказания государственных услуг» (Ю.Г.Федотова [225]);

- механизм согласования частных и публичных интересов (Я.В.Антонов [28]);

- дополнение к традиционным демократическим процессам (Рекомендация Совета Европы [176]);

- «новая форма (направление) демократии, при которой граждане участвуют в процессе государственного управления с помощью информационных технологий» (М.М.Курячая [121, с.41]); возникшая на базе ИКТ форма прямой демократии обязательного характера (Р.В.Амелин, С.Е.Чаннов [23]); «форма правления, в которой граждане имеют право участвовать в равной степени посредством цифровых коммуникаций в предложении, разработке и принятии законов» [173, с.72]. В Проекте «Концепции в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года» данная демократия определена как «форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами» [110]. Однако такое определение не раскрывает того, что это взаимодействие реализуется в рамках демократических процедур, а также особенности этого качественно нового уровня.

Есть и более узкие определения цифровой демократии, связывающие ее с какой-либо конкретной демократической процедурой. Например, цифровую демократию связывают с «дистанционными способами взаимодействия между гражданами и государственными органами по поводу оказания государственных и муниципальных услуг» [27].

Существуют и определения цифровой демократии, которые, как представляется, не выражают ее главные признаки. Например, Д.С.Абрамова утверждает, что «под этой демократией принято понимать одну из форм, которая характеризуется использованием информационно-коммуникационных технологий в качестве основного средства для коллективных, когнитивных и ад-

министративных процессов...» [18]. Однако любая коммуникация требует определенных ИКТ, но не каждая формирует при этом цифровую демократию.

Некоторые авторы весьма скептически относятся к развитию цифровой демократии, полагая, что в отсутствии контакта между властью и обществом она не принесет положительного результата [200]. Обобщая представленные выше позиции разных авторов, можно утверждать, что в общем плане цифровая демократия - это форма реализации демократических процессов с помощью цифровых ИКТ [279]. Где процедуры традиционной демократии получили определенный алгоритм реализации, там легче вводить разные формы цифровой демократии. Их отличают массовость использования цифровых ИКТ в целях реализации демократических процедур, причем большинство которых осуществляется в форме прямой демократии (но это не исключает и применение форм опосредованной демократии). В связи с этим следует различать, как отмечал М.Кастельс, демократию как историческую практику и демократию как понятие политической философии [97, с.356].

Цифровые ИКТ не меняют сути демократии как категории политической философии или политологии, но существенно влияют на демократию как политическую практику. В частности, предполагается, что одна из базовых целей цифровой демократии - совершенствование традиционных форм демократии (например, проведение референдумов, выборов и пр.) «посредством модернизации существующих демократических процедур (например, упрощение порядка организации референдума, организация электронного референдума и электронных выборов), так и путем внедрения принципиально новых демократических процедур (например, электронное правительство, электронный парламент, принятие политических решений путем электронного голосования и пр.)» [27].

Выделим следующие признаки цифровой демократии:

- цифровая демократия предполагает, что большинство ее форм базируется на непосредственном участии граждан в демократических процессах (де-

лая их акторами последних), что соответствует и бóльшей вовлеченности граждан в реализацию этих процессов, осуществление их прав и свобод;

- она характеризуется широтой охвата граждан, так как каждый присоединившийся к интернет-пространству может стать участником тех или иных демократических процессов, отсюда, например, возможность дистанционного голосования, вне избирательных участков, что облегчает его доступность (и что особенно важно для инвалидов, пожилых людей и пр.), делает его более удобным и комфортным;

- одна из сущностных черт данной демократии - опора на гласность, информирование граждан. Современные цифровые ИКТ позволяют достаточно быстро освещать действия представителей государственной власти, оперативно давать оценку таким действиям, раскрывать информацию, которая прежде была закрытой и пр. В плане оперативности цифровая демократия предполагает быстрое реагирование на то или иное событие и распространение этой реакции с помощью социальных сетей. Отсюда, возможность скорого установления обратной связи между гражданским обществом и структурами государства. Кроме того, эта связь становится все более открытой;

- цифровая демократия делает подвижной границы индивидуального и публичного пространств, пространств гражданского общества и государственной власти, включая совместные поиски политических решений, что повышает легитимность последних;

- такая демократия объединяет открытые «коммуникации самоорганизующихся виртуальных сообществ со структурированной коммуникацией закрытых панелей, включая членов политического сообщества» [27]; дает возможность сформировать онлайн-сообщества, объединенные гражданскими инициативами или проектами совместных действий;

- в силу многообразия политических идей, высказанных гражданами в интернет-пространстве, последнее дает возможность раскрыть весь спектр мнений граждан по тому или иному вопросу;

- данная форма реализации демократических процедур с каждым годом в силу все большей отлаженности системы делает их все менее затратными, экономичными, включая и временные потери.

Классифицировать формы цифровой демократии можно по разным основаниям, например, по *источнику* их происхождения - это могут быть:

а) формы, созданные публично-правовыми институтами в цифровой реальности (формирование аналогов государственных структур по примеру электронного правительства; перенесение проведения демократических процедур в Сеть, например, организация электронных дистанционных выборов; формирование публичных площадок, организованных государством для обсуждения интернет-пользователями тех или иных законопроектов, государственных/муниципальных инициатив, по типу интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», «Активный гражданин», «Добродел» и пр.);

б) формы демократии в цифровой реальности, возникшие внутри самого гражданского общества (например, публичное обсуждение социально значимой темы в блогах, на форумах; организация флешмобов и пр.).

По *модели функционирования* цифровой демократии: это могут быть модели с механизмами использования государственного участия, или на базе только гражданского общества, или представляющие некий симбиоз государства и гражданского общества.

Если раскрыть содержательные аспекты демократических процедур, реализуемых в цифровой демократии, то они следующие:

- интернет-голосование (как форма прямой демократии), которое может быть использовано при проведении выборов, референдумов, опросов для изучения общественного мнения, общественных онлайн-экспертиз и пр.; такое голосование может применяться для выработки коллективных решений, при написании коллективных жалоб, петиций, обращений. Но и само интернет-голосование может быть в разных формах. В частности, электронное голосование на выборах может осуществляться непосредственно на избирательных участках или дистанционно, но и данные формы допускают вариации.

тивные механизмы проведения самой процедуры такого голосования (перфокартами, с помощью системы оптической нумерации, путем прямого электронного регистрирования, через Интернет [59]).

Вместе с тем само применение электронного голосования на выборах не находит однозначного понимания. Например, в Рекомендации №CM/Rec(2017)5 Комитета министров Совета Европы «О правилах электронного голосования» оно трактуется как «использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов», а система электронного голосования как «оборудование, программное обеспечение и процессы, которые позволяют избирателям голосовать с использованием электронных средств в ходе выборов или референдума» [176];

- сетевая коммуникация граждан в интернет-пространстве, направленная на обсуждение социально значимых проблем в стране и мире (особая роль в этом принадлежит социальным сетям, блогам, интернет-конференциям, вебинарам, форумам, специализированным интернет-ресурсам), выработку совместных решений, выдвижение инициатив, а также сетевая коммуникация граждан и представителей органов публичной власти; все это способствует формированию совещательной модели демократии;

- электронный сбор подписей под обращениями, петициями и пр. (например, одна из популярных платформ для создания петиций - Change.org [265], к которой во всем мире подключились более 360 млн чел.);

- формирование институтов гражданского общества в цифровой реальности (например, электронных политических партий);

- онлайн-проведение различных кампаний, распространение политической информации, мобилизация интернет-пользователей (это могут быть как протестные движения, так и движения в пользу какой-то инициативы, например, волонтерское движение, флешмобы и пр.);

- онлайн-правозащитная деятельность;

- осуществление контролирующей функции гражданского общества над различными сферами общественной жизни, включая и государствен-

ное/муниципальное управление через придание публичной огласки информации в Сети (прозрачность информации, ее доступность) и требований подотчетности властных структур;

- реализация функции принуждения властных структур к принятию решений, выработанных гражданским обществом, отсюда, смешанная модель непосредственной и опосредованной форм демократии через цифровые ИКТ.

Проведенный анализ показал, что цифровая демократия, с одной стороны, направлена на совершенствование форм традиционной демократии, с другой стороны, на появление новых форм демократии. Некоторые общественные объединения создавались как традиционные демократические площадки (например, движение «Просто россияне»), но затем стали функционировать на принципах сетевой модели электронной демократии.

В связи с этим в качестве примера раскроем феномен формирования электронных партий. В частности, это «Пиратская партия России», базовой целью которой является развитие цифровой демократии («пираты» - это интернет-пользователи, распространяющие определенный контент в строго некоммерческих целях). Высшим органом Партии является Непрерывный Online-съезд. Партия выступает за свободный некоммерческий обмен информацией, развитие авторского права в интересах авторов, прямой е-демократии в форме непрерывного всенародного референдума в целях прямого коллективного принятия решений. Данная партия является членом «Пиратского Интернационала» - организации международного движения пиратских партий [162].

В отличие от «Пиратской партии» «Партия прямой демократии», одной из базовых целей которой является развитие цифровой демократии, была зарегистрирована Минюстом России в апреле 2020 года и продолжает функционировать [155].

Таким образом, по мере развития цифровой демократии возникает новый тип партии, который формируется и функционирует исключительно в цифровой среде (данный тип получил названия «киберпартия», «виртуальная партия»). В этой партии отсутствует формальное членство, а непосредствен-

ное взаимодействие ее сторонников реализуется в Сети, последнее, в свою очередь, отличается оперативностью, мобильностью. По сути, подобная партия представляет собой организационную структуру, действующую в Сети. Такие партии разнообразны по своим политическим взглядам (тем не менее, они, как правило, критически настроены по отношению к действующей государственной власти), но их объединяет среда функционирования - Интернет, соответственно, и то, что одной из их целей является развитие Сети через создание электронной платформы, обеспечивающей взаимодействие граждан, как между собой, так и с различными организациями (отсюда, нацеленность на развитие всех форм прямой демократии), как следствие, сетевая организационная структура этих партий (создание сетевых платформ для коммуникационного общения - сайты, блоги, широкое использование социальных сетей).

Программы ряда киберпартий отличаются абстрактностью. Так, в Программе Пиратской партии говорится об устаревании идеи абсолютной полной занятости населения и вместо этого предлагается идея безусловного основного дохода [171]. Данная идея требует расчетов и экономического обоснования, а без этого представляется весьма спорной. Вместе с тем члены киберпартий участвуют в федеральных и региональных выборах.

В качестве идеологической платформы в некоторых киберпартиях (например, так называемых «пиратских партиях») используется «инфоанархизм» [290], выступающий против авторского права (в частности, за неограниченность копирования контента, массовый доступ к информационным ресурсам и пр.; прообразом подобного распространения информации выступает, например, Freenet.), всякой цензуры.

Политологическая оценка киберпартий неоднозначная: одни политологи полагают, что возможно за такими партиями будущее (что подтверждается успехом ряда зарубежных киберпартий на выборах), другие политологи - дают этим партиям негативную оценку (неопределенность политических целей, а также перспектив применения цифровых ИКТ в развитии политической

жизни), наконец, есть и те исследователи, кто вообще не рассматривает данные партии в качестве именно партий [202].

Раскрывая роль цифровой демократии в развитии демократических форм общественной жизни, следует выделить две ее базовые функции: совещательную и контролирующую функции, которые весьма часто предстают как неразделимые.

Так, совещательная функция базируется на широком обсуждении (через вебсайты, блогосферу, социальные сети и пр.) той или иной социально значимой проблемы (при этом возможно и обсуждение через профессиональные интернет-сообщества, что повышает компетентностный уровень такого обсуждения). Создан целый ряд электронных площадок для обсуждения проблем и выработки коллективных решений, среди них: «Единый портал электронной демократии», «Российская общественная инициатива», «Демократор» («унифицированная информационная система общего пользования» [67], позволяющая открыто обсуждать наболевшие проблемы, высказывать инициативы, формировать обращения, жалобы, собирать средства на реализацию социально значимых проектов и пр.; о масштабности Проекта можно судить по количеству тех, кто им уже воспользовался для решения той или иной проблемы: на 01.10.2020 это более 2 млн человек; 300 тыс. решений было обжаловано в судах; 14936 петиций было создано для решения проблем, из них 938 петиций добились успеха). К числу электронных площадок прямой демократии также можно отнести: «Демократия-2», «AlterRussia», «Политическая сеть прямой демократии», «Просто россияне», «Фонд развития электронной демократии» и др. Некоторые электронные площадки направлены на развитие законодательных инициатив, предложений по управлению государством (например, «AlterRussia» и др.).

Часть электронных площадок имеют оппозиционную направленность, ярко выраженные контролирующие функции (некоторые из них, как например, «Интернет партия России», называют себя конструктивной оппозицией [87]), многие из таких площадок функционируют в качестве правозащитных орга-

низаций, помогающих граждан отстаивать свои права (например, «Портал Гражданских прав и обязанностей Куда-Кому»).

Вместе с тем, как отмечалось, сами публично-правовые образования формируют целый ряд площадок для развития цифровой демократии. Так, проводятся федеральные конгрессы по развитию цифровой демократии (очередной, пятый, конгресс состоялся в 2016 году), по указу Президента России создан интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», выработана схема, переводящая гражданские инициативы в реальные действия государственных и муниципальных властей. По инициативе муниципальных властей создаются региональные площадки гражданских инициатив («Активный гражданин», «Добродел» и пр.).

Выделим и общие черты, выражающие недостатки, ограниченность цифровой демократии:

1. Выработанные интернет-сообществом в ходе совместного обсуждения позиции не носят для органов публичной власти обязательного характера (коллективные решения могут и должны учитываться, но не обязывают государственные или муниципальные структуры им следовать). Характерно, что целый ряд инициатив, набравших 100 тысяч и более голосов на сайте «Российская общественная инициатива» [187], не были учтены при изменении соответствующего законодательства, так как были отклонены экспертными группами (например, таковы: гражданская инициатива от 02.07.2013 о произвольных блокировках интернет-ресурсов /Закон против Интернета/, которая набрала 100057 голосов; инициатива «Зеленый щит Москвы и Подмосковья в пределах 70 км от МКАД», запрещающая на этой территории вырубку леса, набрала 100025 голосов [187]) и пр.

Один из сложнейших вопросов, возникающих в связи с этим, насколько обязательны для исполнения органами государственной власти решения, принятые в рамках цифровой демократии. С одной стороны, согласно Конституции Российской Федерации (п.1 ст.3), «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многона-

циональный народ» [1], который осуществляет свою власть непосредственно и в форме делегирования полномочий. Но, с другой стороны, механизм реализации решений, принятых интернет-пользователями в рамках цифровой демократии, не прописан. Появляется и проблема репрезентативности принятых решений в рамках этой демократии.

Один из предлагаемых вариантов решения обозначенных выше проблем - ограничить цифровую демократию только совещательной функцией [27]. Рассматриваются и иные варианты: совместное осуществление функций государства и гражданского общества через различные формы цифровой демократии; передача ряда полномочий публичной власти гражданскому обществу в рамках цифровой демократии, при этом приоритетная роль государства в управлении общественной жизнью не оспаривается.

Возникают проблемы и с реализацией интернет-сообществом контролирующей функции. Так, не всегда есть возможность вести постоянный мониторинг тех или иных проблем, требующих решения со стороны публичных властей, достаточно непрозрачен механизм принятия решений, не определена и роль граждан (в том числе интернет-сообщества) в данном механизме.

2. Несмотря на широкое распространение среди пользователей цифровых ИКТ, не все российские граждане в настоящее время готовы и желают переходить на электронные формы демократических процедур (хотя количество желающих участвовать в таких процедурах с каждым годом возрастает). Существует и проблема привлекательности тех или иных форм цифровой демократии.

Если опираться на данные опроса, проведенного ВЦИОМ в 2019 году [52], то на вопрос, «готовы ли Вы воспользоваться интернет-голосованием при проведении выборов (речь шла о выборах всех уровней)», положительно ответили 25% (57% респондентов предпочли традиционные способы голосования). Однако на вопрос: «Нужно ли желающим разрешить такое голосование?», утвердительно ответили 47% (на аналогичный вопрос, заданный респондентам в ходе опроса 2008 года, положительно ответили 34%). Среди

молодежи в возрасте 18-24 года утвердительный ответ составил 66%. Вместе с тем почти половина респондентов не поддержала идею полного перехода на электронное голосование (среди респондентов в возрасте от 60 лет и старше - 63% высказались против) [52].

В числе основных причин недоверия россиян к электронному голосованию были названы: возможные манипуляции с итогами голосования и ходом его проведения (так считают 75% респондентов; для сравнения: в 2008 году аналогичный ответ дали 32% респондентов); ограниченность технических возможностей для проведения этого голосования (так ответили 25% респондентов); невозможность сохранения тайны голосования (ответ 17% респондентов). Но если технические проблемы в принципе решаемы (например, появление новых ИКТ, дающих возможность идентификации личности при электронном голосовании, а также все бóльшая доступность ИКТ с перспективой 100% охвата ими населения России), то остается ряд проблем иного характера (например, возможная манипуляция с итогами голосования). Как отметили эксперты, «никакая инновация нас не спасает от проблем, связанных с фальсификацией выборов, с принуждением людей голосовать, с использованием высоких технологий не совсем по их назначению» [108].

Тем не менее, к 2024 году планируется повсеместно перейти на электронную форму голосования на выборах [53]. Эксперимент по проведению дистанционного электронного голосования на выборах в Московскую городскую Думу 7-го созыва был проведен в сентябре 2019 года⁶. Итоги проведенного эксперимента показали: отсутствие четкой концепции проведения дистанционного электронного голосования; недостаточность имеющейся нормативной правовой базы, регулирующей все аспекты данного голосования; сбои технического характера в системе дистанционного электронного голосования (в частности, перебои в работе оборудования из-за высокой нагрузки); хакерские атаки; невозможность охватить электронным голосованием

⁶ По данным официального портала mos.ru через Интернет проголосовали 10396 человек.

всех избирателей; «решение о внедрении такой системы было политическим, система создавалась в минимальные сроки» [254].

Одновременно в саму систему голосования, организованную на избирательных участках, активно внедряются информационные технологии (так, созданы Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» /ГАС «Выборы»/, комплекс для обработки бюллетеней /КОИБ/, комплекс для электронного голосования /КЭГ/) [119].

Многие из отмеченных выше недостатков были устранены при проведении демократических процедур в онлайн режиме летом-осенью 2020 года. Но принципиального изменения отношения граждан к электронным формам демократии не произошло. Так, в июле 2020 года АНО «Левада-Центр» был проведен опрос населения Москвы (508 чел., в возрасте 18 лет и старше) с целью выяснить его отношение к процедуре дистанционного голосования, примененной в столице в ходе общероссийского голосования по поправкам в Конституцию (голосовать дистанционно можно было при помощи сайтов «Госуслуги» и «Мос.ру» [26]). Опрос выявил, что отношение к такому голосованию у москвичей следующее: «скорее положительное» - ответили 50% опрошенных, «скорее отрицательное» - 39%; затруднились ответить - 11%. Электронное голосование привлекает граждан тем, что это голосование из дома (51%), оно отличается простотой и комфортом (44%), экономит время (19%), удобно для людей с ограниченными возможностями (5%). Среди негативных сторон назывались: возможность фальсификации (47%), недоверие электронному подсчету (19%), отсутствие контроля и прозрачности (14%), отсутствие возможностей для такого голосования (11%) и др.

Важно указать, что во многом отношение к электронному голосованию обусловлено не столько возрастом респондентов (различия в ответах разных возрастных групп были незначительными), сколько отношением (позитивным или негативным) к государственным структурам и государственным лидерам. Так, среди тех, кто выражал позитивное отношение к власти, поддержка электронного голосования составляла до 70%, при негативном отно-

шении - до 65% относились и к электронному голосованию негативно. Это еще раз подтверждает вывод, сделанный в работе, что цифровые ИКТ - лишь технологии, которые должны именно содержательно и в позитивном направлении менять процессы взаимодействия государства и граждан, институтов гражданского общества.

Для развития отечественной практики электронного голосования весьма значим положительный опыт проведения дистанционного электронного голосования за рубежом (в частности, в Эстонии: если на выборах в 2009 году было подано 9,5% голосов с помощью дистанционного электронного голосования от общего числа проголосовавших, в 2011 году - 24,5%, в 2015 - 30,5%, то в 2019 году - 43,8%) [193]. Электронное дистанционное голосование здесь осуществляется с помощью идентификационной карты владельца (ID-карты), дающей возможность персонифицировать голосующего (что является одним из вариантов решения проблемы идентификации личности).

Внедрение цифровых ИКТ в систему российских выборов высветило и еще одну проблему: нарушение права личности не быть распознанным. В частности, при проведении Президентских выборов в марте 2012 год ход голосования транслировался в Сети с помощью веб-камер, что вызвало возмущение ряда избирателей в связи с нарушением их права на участие в выборах без фиксирования и передачи информации о них в Сеть.

Анализируя тему участия граждан в дистанционном электронном голосовании, как и их участие в иных формах демократических процедур с помощью цифровых ИКТ, необходимо подчеркнуть, что дальнейшее развитие этих форм зависит не столько от технического оснащения их проведения, сколько от мотивации участия граждан в указанных формах, а это, в свою очередь, зависит от степени их доверия публичной власти, от действенности участия граждан в решении того или иного вопроса. Если граждане не будут заинтересованы в участии в демократических процедурах, то форма проведения последних становится второстепенным фактором. Так, явка избирателей для участия в выборах в Московскую городскую Думу V созыва составляла

35,26% (2009) [193], а VI созыва - 21,77% (2019) [192]; явка на муниципальных выборах в Москве (2017) - 14,82% [258]. Относительно низкая явка свидетельствует о снижении интереса граждан к выборам (в данном случае в муниципальные органы власти). Причем применение дистанционного электронного голосования значительно не увеличило число голосующих. Хотя, безусловно, цифровизация способна повысить интерес, в первую очередь, молодежи к участию в демократических процедурах. В связи с этим важно, что «ключевой целью внедрения электронного голосования ставится увеличение интереса и доверия к избирательному процессу» [51]. Однако социологические опросы показывают, что 51% респондентов уверены: введение электронного дистанционного голосования не приведет к увеличению степени доверия граждан к результатам выборов [51].

3. Многие формируемые в цифровой реальности самоорганизуемые сообщества не стабильны. Они нередко стихийно возникают как реакция на то или иное событие, взволновавшее значительную часть населения, создавая определенное общественное мнение (например, призывают к политической активности в связи с необходимостью решения конкретной проблемы), но затем также быстро могут прекратить существование. Данные сообщества можно рассматривать как проявление самоорганизации. Отметим, что некоторые авторы это и называют собственно гражданским обществом («гражданское общество никоим образом не следует мыслить статически, как совокупность институтов. Оно есть событие» [92, с.40]).

Возникающие сообщества в Сети, как правило, не централизованы, но при определенных условиях способны проявить огромный мотивационный потенциал (отсюда, так называемый интернет-активизм, призывающий пользователей Сети к определенной деятельности путем их информирования и мобилизации, будь то в цифровой реальности, как, например, виртуальное волонтерство [248], или в обычной действительности). При этом сам электронный активизм может быть как в позитивных, так и негативных целях (пример последних DOS-атаки, создание и распространение в Сети вредоносных про-

грамм и пр.). По своей политической направленности такой активизм либо выражает лояльность к действиям публичных властей, либо находится в оппозиции к ним (например, в цифровой реальности могут формироваться группы экстремистской направленности, мобилизующие в число своих сторонников участников Сети, а также движения протеста, как, например, движения «Оссиру», «арабская весна»).

Одновременно в силу полярности мнений, представленных в Сети, трудно утверждать о существовании единых политических целей ее пользователей. Более того, нередко разнообразие мнений приводит к появлению локальных, достаточно замкнутых групп (отсюда, феномен «фрагментации пространства Сети»). Вместе с тем на базе ряда частных инициатив могут возникать достаточно устойчивые образования, которые постепенно начинают институализироваться (например, благотворительная деятельность, начатая в Сети, может привести к формированию фондов, получивших официальную регистрацию в Минюсте России).

4. В настоящее время фактически сталкиваются две тенденции: возрастание гражданской активности (достаточно посмотреть, какова активность граждан на сайтах типа «Добродел», чтобы убедиться, что значительное число интернет-пользователей являются активными участниками этих сайтов, в частности, есть граждане, которые делают более 2 тыс. заявок в год [70]) и разочарование в действенности такой активности. Между тем, именно Сеть дает возможность гражданину все более отчетливо заявить о своей позиции, публично (через Сеть) отстаивать свои права и права других граждан. Но гражданская активность в данном случае не институализирована, и в этом ее сила и одновременно слабость. Она требует, с одной стороны, простора и свободы для своего самовыражения и дальнейшего развития, а, с другой стороны, поддержки (но не подавления) со стороны государства.

Цифровая демократия строится на гражданской активности, которую отличают неравнодушие к проявлениям несправедливости, нарушениям законности и правопорядка, заинтересованное участие в решении возникающих

проблем. Причем формы этой активности, как правило, не институализированы, а сам гражданин не является членом какой-либо партии или общественной организации.

5. Существуют сложности, связанные с проблемами самих цифровых ИКТ (проблема идентификации голосующего/избирателя, обеспечение безопасности функционирования цифровых ИКТ, в частности, от взлома злоумышленниками, защита персональных данных и пр.). Хотя, как представляется, перечисленные проблемы по мере развития цифровых ИКТ будут решаться. Однако остаются проблемы иного характера, вытекающие из применения цифровых ИКТ (например, они позволяют установить связь между голосующим и результатом его голосования, что нарушает тайну голосования и пр.).

6. Цифровые коммуникации позволяют находить более изощренные способы манипуляции интернет-сообществом. Отслеживая вкусы и предпочтения интернет-пользователей, их посты в Сети, «лайки» и пр., при соответствующей аналитической работе и обладая Big Data, заинтересованными сторонами выстраиваются технологии «точечного» воздействия на избирателя, покупателя, участника партий, движений и пр. И такая манипуляция сознанием, построенная на таргетированном воздействии, весьма действенна, так как подстраивается под имеющиеся взгляды, убеждения интернет-пользователя, а затем изменяет их в нужном направлении.

Сформулируем выводы:

- цифровая демократия оказывает влияние на традиционные формы демократии, но при этом не меняет их сущностных характеристик. Более того, она приводит к дальнейшему развитию форм традиционной демократии, делая их более открытыми, прозрачными, расширяя возможности участия граждан в демократических процессах; развитие интернет-сообществ может стать основой для формирования новых акторов демократических процессов;

- дальнейшее развитие цифровой демократии во многом будет зависеть от того, насколько действенной окажется обратная связь между интернет-сообществом и публичными властями. Недоверие к тем или иным формам

представительной демократии в реальной жизни не могут не отразиться и на цифровой демократии. Существующий механизм взаимодействия пользователей Сети и представителей органов публичной власти трудно считать эффективным, так как многие коллективные решения интернет-сообществ не могут дойти (во многом из-за экспертов, в ряде случаев действующих предварительно) до рассмотрения государственными и муниципальными структурами;

- переход на новые цифровые формы демократии (например, электронное голосование на выборах) должен быть осуществлен только тогда, когда будут сохранены все права граждан при реализации демократических процедур; при этом цифровизация как демократических процедур, так и всей общественной жизни, не должна привести к формированию общества тотального контроля за жизнью граждан;

- развитие цифровой демократии поднимает вопрос о нахождении эффективных форм сотрудничества между гражданским обществом и публичными властями в области взаимного контроля, нахождения баланса интересов с тем, чтобы сохранить свободу в интернет-пространстве и вместе с тем защитить гражданское общество и государство от негативных последствий, связанных с цифровизацией;

- интернет-сообщество представляет спектр мнений, весьма вариативных, поэтому рассматривать его как некое целостное образование, не корректно. Это следует помнить, анализируя возможности данного сообщества в развитии демократических процедур. В любом случае на электронных площадках должен быть модератор, способный выразить суть обращения, петиции и пр., а после их коллективного обсуждения сформировать общую позицию (консенсусные предложения). Кроме того, для ряда интернет-пользователей площадки цифровой демократии - это не столько участие в развитии той или иной формы демократии, сколько эффективное средство решения собственной проблемы, которая, как правило, связана с ущемлением их прав со стороны государственных или муниципальных властей. В связи с этим цифровая демократия направлена не только на выстраивание отношений гражданского

общества и публичной власти, но и на организацию помощи и поддержки внутри самого гражданского общества (ярким свидетельством этому является сайт «Виртуальная рында», куда может обратиться любой человек, кому нужна помощь [44]);

- цифровая демократия нередко соединяет формы прямой демократии в Сети (электронное голосование, опросы и пр.) с формами прямой демократии в реальной жизни (когда негодование в Сети выплескивается в демонстрации, шествия и пр.);

- цифровая демократия дает реальные примеры функционирования гражданского общества не через соответствующие институциональные структуры, а через эффективные демократические практики, предполагающие вовлечение в них широких кругов общественности.

2.2 Государство в цифровой реальности: изменение форм и способов взаимодействия с гражданским обществом

Цифровая реальность меняет не только само гражданское общество и его институты, но и публичную власть в лице ее, прежде всего, государственных структур, а также формирует новые модели взаимодействия между данными структурами и гражданским обществом. В международных документах именно на национальные, региональные и местные государственные органы возлагается ведущая роль в развитии электронного управления, анализе вызовов (рисков) и разработке ответных мер [177].

Трансформацию деятельности органов государственной власти под влиянием цифровой реальности можно рассматривать по ряду направлений:

- *во-первых*, представители структур государственной власти активно используют в своей деятельности цифровые ИКТ, что повышает ее эффективность (например, создание электронных порталов госуслуг; сайтов органов государственной власти в Сети и пр.); это позволяет сделать данные о деятельности указанных структур открытыми, прозрачными. Существуют и определенные требования к созданию сайтов органов государственной вла-

сти (общая информация, информация о видах деятельности, в том числе и о нормотворческой деятельности, тексты выступлений руководителей, статистическая информация, информация о режиме работы, контакты и пр.). Так, на сайте Министерства финансов Российской Федерации [136; 137] размещена информация о Министерстве, его деятельности, принятых документах, проектах документов, исполнении судебных актов, статистика, обращения граждан, новостная информация о Министерстве; освещается работа открытого правительства (использование в работе Министерства принципов открытого государственного управления). Министерство, как и иные госструктуры, строит свою работу на основе «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти на 2020 год» [136]. Все основные моменты раскрытия информации госструктур в этой Концепции отражены. Аналогично построены и сайты региональных органов власти.

Госструктуры в настоящее время широко представлены и в социальных сетях (так, Минфин России имеет свои аккаунты в Instagram, Facebook, Twitter, ВКонтакте). Но это не исключает того, что в деятельности госструктур имеет место и информация ограниченного доступа, не подлежащая широкой огласке (государственная тайна, персональные данные и иная информация, ограниченный доступ к которой регулируется соответствующими нормативными правовыми актами).

Внедрение цифровых ИКТ в деятельность органов государственной власти не только позволяет сделать доступ граждан к государственным услугам более оперативным, комфортным, но и способствует повышению эффективности работы самих госструктур (в частности, происходит сокращение управленческого аппарата за счет введения электронного документооборота, уменьшения трудозатрат госслужащих на рутинные операции и поиск необходимой информации, автоматизации основных управленческих процессов).

По расчетам экономистов, «благодаря цифровым технологиям экономия временных затрат может составлять от 46,2% до 66,2% рабочего времени» [45], а за счет создания единой системы электронного взаимодействия (что

имеет место в настоящее время во всех структурах государственной власти) удастся увеличить согласованность работы как отдельных подразделений, так и всей организации государственной власти [11];

- *во-вторых*, создаются более эффективные формы обратной связи между структурами государственной власти и гражданским обществом (обратная связь с гражданами, институтами гражданского общества, выделенная на сайтах госструктур; формирование специальных площадок для оперативной связи государственных структур с гражданским обществом), которые значительно увеличивают доступность, оперативность и пр. такой связи (каждый желающий может оставить свой комментарий, задать вопрос, написать обращение).

Вместе с тем открытость информации, возможность оперативного обращения еще не гарантируют гражданам автоматического повышения для них эффективности деятельности госструктур. Нередко при обращении в тот или иной орган государственной власти включается бюрократический «круговорот»: одно, например, министерство пересылает (опять же, используя цифровые ИКТ) обращение гражданина другому министерству, а то - третьему или отписывается общими фразами. И даже публичное освещение этой бюрократической переписки в Сети еще не гарантирует адекватной реакции государственных властей, хотя государственная информационная система предполагает оценку качества принятых данными властями мер (более того, формируется и статистика, на основе которой оценивается качество работы того или иного органа государственной власти);

- *в-третьих*, формируются специальные электронные площадки (сервисы) для совместного решения социально значимых проблем представителями гражданского общества и государства (в таких случаях нередко используется технология краудсорсинга). Примеры таких площадок достаточно вариативны: теледемократия (например, применена в некоторых городах Финляндии) [224]; государственная информационная система (в России - это «Электронная демократия»); интернет-площадки в субъектах Российской Федерации

(«Добродел» - в Подмосковье; «Активный гражданин» - в Москве и пр.). Использование таких площадок дает ряд положительных эффектов: создание все большей открытости деятельности госструктур, непосредственная связь публичных властей с гражданским обществом, в том числе в целях лучшего ознакомления с потребностями последнего, при положительных решениях проблем граждан повышается их доверие к государственной власти и осознание действенности воздействия гражданского общества на эту власть.

Одновременно выстраивание отношений госструктур и гражданского общества на цифровой основе может иметь и иную, негативную модель: утаивание информации, игнорирование обращений граждан через Сеть, принятие решений, противоречащих интересам большинства населения региона и пр. Таким образом, применение цифровых ИКТ может напрямую не влиять на характер реализации государственной власти, хотя, безусловно, цифровая реальность представляет большие возможности для гласности и формирования общественного мнения. Поэтому важно, чтобы электронное управление имело «отношение к демократическому управлению, а не к чисто техническим вопросам», а «потенциал электронного управления будет задействован, только если ИКТ будут вводиться параллельно с изменениями в структуре, процессах и методах организации работы государственных органов» [177].

Вместе с тем при применении цифровых ИКТ возникает ряд проблем, которые носят принципиальный характер и влияют на сущностные признаки, как государственной власти, так и функционирования гражданского общества. Выделим некоторые из них: 1) формирование сетевого общества; 2) переход от представительной к прямой демократии; 3) цифровизация государства, выражаемая понятием «электронное государство».

Цифровые ИКТ повлияли на коммуникационные процессы в обществе и, как следствие, на его структуру, что выразилось в понятии «сетевое общество». Несмотря на то, что в научной литературе нет единого подхода к его трактовке, тем не менее, можно выделить ряд общих признаков, которые отражены в указанном понятии. Сетевое общество строится на сетевых струк-

турах. Но необходимо уточнить, прежде всего, само понятие «сетевая структура». Сеть как совокупность связей и взаимодействий существовала еще и до появления цифровых ИКТ. Но данные технологии обусловили ряд новых моментов в понимании сетевых структур:

- сетевые структуры формируются вокруг и на основе цифровых ИКТ в процессах коммуникаций (Интернет становится основой формирования сетевых структур), без указанных ИКТ сетевое общество будет иным; их акторами являются пользователи Сети, которые образуют совокупность интернет-сообществ, формируемых по разным основаниям (интересам); но сетевые структуры не сводятся только к построению коммуникаций в цифровой реальности, параллельно с этим происходит формирование определенных мировоззренческих позиций, выработка консенсуса на основе широких обсуждений или наоборот расхождение точек зрения (отсюда многомерность структуры сетевого общества). Но при этом коммуникации в Сети рассматриваются как ценность высшего порядка;

- взаимодействие в таких структурах строится на доминировании горизонтальных связей, в отличие от вертикальных связей, которые преобладают в организационном строении государства, а также ряда институтов гражданского общества (например, в организационном строении ряда партий). Причем в некоторых случаях такие связи оказываются сильнее вертикальных (особенно, когда речь идет о мобилизационном потенциале Сети); сетевое общество децентрализовано, это общество массовой самокоммуникации;

- особенности самих сетевых структур, которые весьма точно были описаны М.Кастельсом: «гибкость» как способность перенастраиваться под влиянием изменившихся условий; «масштабируемость» - «способность к уменьшению или увеличению в размерах с наименьшими потерями», «живучесть» - способность сетей, используя вариативные конфигурации, противостоять атакам [97, с.68]; к этому следует добавить неопределенность границ данного общества; формирование коммуникаций в цифровой реальности (вне живого

тактильного контакта); при этом сетевое взаимодействие должно быть достаточно устойчивым, способным поддерживать процессы коммуникации;

- глобальный характер сетевого взаимодействия, но и возникновение в связи с этим в ряде случаев противоречий между глобальностью взаимодействий и локальностью человеческого в рамках национальных, исторических, культурных традиций;

- быстрота и оперативность ответных реакций; постоянное поддержание сетевых взаимодействий;

- коммуникации вне сформированных государством социальных структур;

- стирание границы личной и публичной жизни.

Оценки сетевого общества различны. Некоторые авторы, как М.Кастельс, полагают, что основу современного общества составляет именно сетевое общество. Более того, и государство «постепенно становится сетевым государством» [97, с.84]. Но тот же Кастельс говорит «о власти в Сети, сетевой власти, власти Сети, сетесозидающей власти» [97], понимая, что только горизонтальные связи не конституируют сетевое общество. Кроме того, сетевое общество формируется вокруг информации и на основе информации, но, продолжая идеи Н.Лумана, важно указать, что «информация предполагает отбор из репертуара возможностей» [127, с.197]. Но есть ли действительно возможность такого отбора в сетевом обществе или этот отбор навязан членам данного общества? Здесь возникает проблема манипуляции в Сети.

В ситуации формирования сетевого общества государство вынужденно меняться, приспособляясь к этому обществу, но и одновременно трансформировать его. Однако нередко имеет место ситуация, когда государственная власть реагирует на конкретный запрос, не решая проблему в целом. И все это может происходить достаточно оперативно на основе сетевого взаимодействия государственной власти и гражданского общества.

Наряду с понятием сетевого общества существует понятие сетевого государства. В научной литературе сложились два основных подхода к его трактовке.

Первый подход исходит из того, что сетевое государство в своем функционировании децентрализовано, вертикаль власти в нем отсутствует или явно не выражена, а само государство построено как сетевая модель. В основу его управления положены горизонтальные связи. К этому следует добавить, что основу мощи сетевого государства составляют мощность его сетей, а именно: их параметры, доступность, готовность населения к работе в сетях и пр. Сетевое государство предполагает и наличие бюрократии, способной применять «технология "сетевых решений", включающую систему независимых субъектов публичного менеджмента, взаимодействующих друг с другом с целью выработки единого оптимального решения» [112, с.49].

Гражданское общество и государственные структуры в сетевом государстве в равной степени привлечены к принятию управленческих решений (центр управленческих решений может быть перемещен в Сеть). Если исходить из сервисной концепции государства, то структуры государства и институты гражданского общества, обладающие необходимыми компетенциями, конкурируют между собой за право предоставления публичных услуг. Государство уходит из сферы оказания таких услуг, которые эффективно может предоставить гражданское общество. Отсюда, главными принципами сетевого государства являются «децентрализация государственной власти и развитие горизонтальных связей, минимизация государственных функций, компетентностный принцип управления» [112, с.49].

В сетевом государстве преобладают горизонтальные связи, но означает ли это прекращение существования связей вертикальных, иерархически выстроенных? Представляется, что вертикальные связи не исчезают, в противном случае исчезнут признаки государства как такового, но меняется система властных отношений. Она строится на широком привлечении горизонтальных связей. Одновременно проявляются и иные формы властных отношений (доминирования) с новыми акторами, к числу которых М.Кастельс относит акторов, представляющих сетесозидающую власть (по его мнению, это программисты и так называемые «переключатели», управляющие работой Сети)

[97, с.93]. Между тем, существующее традиционное государство не исчезает. Оно осваивает Сеть и стремится ею управлять. Но конкретные механизмы, конфигурации такого управления во многом зависят от развитости и характеристик самого сетевого общества.

Отношение к сетевому государству разных авторов неоднозначное. Среди них есть те, которые выражают негативное отношение к нему. Так, Л.С.Мамут отмечает, что данное государство «феномен фантастический» постольку, поскольку всякое государство строится «сообразно принципу иерархии» [130, с.10]. В сетевом государстве иерархия как таковая отсутствует. Отсюда, формирование сетевого государства в принципе невозможно, так как «исчезает» само государство.

Некоторые авторы в сетевом государстве видят отголосок Российского государства 1990-х годов, когда в государственном управлении была популярна идея децентрализации, воплощение которой поставило на грань выживания само единство государства [112, с.49]. Вместе с тем есть и авторы, выражающие позитивное отношение к идее сетевого государства. Более того, Л.В.Голоскоков утверждает, что «российское государство уже начало преобразовываться в "сетевое" государство в соответствии с концепциями строительства информационного общества» [57].

Есть и позиция промежуточная, исходящая из того, что построение сетевого государства возможно, только если будут созданы для этого определенные условия (прежде всего, наличие «творческой бюрократии» и компетентного гражданского общества [112, с.49]), а «попытки создания институциональных форм, отвечающих критериям сетевого государства, без надлежащих предпосылок приведут лишь к разрушению государственности» [112, с.49]. А.Г.Кравченко констатирует в связи с этим, что «в России такие предпосылки не созданы» [112, с.49]. Либеральная модель сетевого государства, считает автор, не подходит для нашей страны. Следовательно, необходимо адаптировать эту модель для российской действительности. Однако государство, как и всякий социальный феномен, не находится в статике, а требует

динамичного развития в соответствии с теми изменениями, которые происходят в окружающем мире [112, с.49].

Наряду с описанным подходом к трактовке сетевого государства существует и *второй подход*, фактически отождествляющий сетевое государство с государством, применяющим цифровые технологии, что, как представляется, не корректно. Когда речь идет о сетевом государстве, тогда акцент делается не столько на использовании цифровых технологий, сколько на организационной специфике управления в нем. Феномены «сетевое государство» и «электронное («цифровое») государство» являются пересекающимися, но не совпадающими. Сетевое государство в современном понимании стало формироваться на основе цифровых ИКТ, но к ним не сводится. Речь идет о последствиях их применения для государства и гражданского общества.

Электронное государство следует рассматривать в рамках более широкого феномена электронного управления, то есть обеспечения государственных полномочий с помощью информационных технологий. При этом электронное управление может быть направлено как на построение модели государства с доминированием горизонтальных связей (включая и передачу ряда публичных функций саморегулируемым организациям гражданского общества), так и модели с доминированием вертикальных связей (более того, цифровизация может укрепить вертикаль власти).

Существует и подход, который можно рассматривать как промежуточный: в нем построение электронного государства рассматривается как первый шаг на пути формирования сетевого государства. Отсюда, электронное государство создается «в целях обеспечения интерактивного участия и прозрачности принимаемых решений, а также для улучшения демократических взаимоотношений и выстраивания демократического диалога между гражданами и государством» [102; 166, с.53], а его построение тождественно формированию новой модели демократии - цифровой демократии [21, с.25].

Следует поддержать позицию А.С.Киселева, который полагает, что по своему функциональному предназначению электронное государство можно

рассматривать, как «средства коммуникации между обществом и государством; модели деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата; поддержки экономического, правового, политического, административного и гражданского единства страны; возможного альтернативного способа оказания государственных услуг в электронной форме; системы управления государственным аппаратом власти, которое осуществляется в электронной форме» [102].

Вызывает вопросы и соотношение понятий «электронное правительство» («e-government») и «электронное государство». В научной литературе сформулированы две основные позиции:

1) понятие «электронное правительство» используется в широком значении и трактуется как тождественное понятию «электронное государство» [42, с.125]; отметим, что такой подход был отражен в определении этого понятия, зафиксированного в Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года [16];

2) в узком значении термина «электронное правительство» рассматривается в качестве одной из ветвей государственной власти, следовательно, уже понятия «электронное государство» [102]. При этом сами функции такой власти сводятся к предоставлению совокупности услуг («система "государственных услуг", оказываемая органами исполнительной власти гражданам, и переведенная в электронную форму» [112, с.49]).

Некоторые авторы соотносят понятия «электронное правительство» и «электронная демократия», рассматривая данное правительство в качестве составной части электронной демократии [243, с.40-41]. Между тем, требуется более четкая фиксация различий указанных понятий, особенно если это касается правовых аспектов темы.

Проведенный анализ показал, что большинство определений понятия электронного государства констатируют факт применения органами государственной власти цифровых технологий, раскрывает эффективность их при-

менения для осуществления процессов государственного управления, удобства общения с гражданами и институтами гражданского общества.

В качестве примера приведем определение электронного государства, сформулированное А.С.Киселевым. Автор дает широкую трактовку понятию электронного государства, включая в него три ветви власти и подчеркивая технологическую основу функционирования, а также указывая на характеристику как «сервисного государства», поддерживающего интерактивную связь между госструктурами и гражданами [102]. Если исходить только из перечисленных признаков, то из них не следует именно демократическая направленность деятельности органов государственной власти. Кроме того, из онлайн-участия гражданского общества в решении публичных вопросов еще не следует и характер действенности такого участия. Само же электронное государство сводится лишь к применению цифровых ИКТ в деятельности органов государственной власти.

Но меняются ли сущность, функции государственной власти под действием данных технологий, становится ли она более демократичной, открытой? На эти вопросы следует дать отрицательный ответ, так как цифровые ИКТ могут быть использованы и при жесткой авторитарной власти, а «прозрачность системы госуправления, ее деbüroкратизация, декоррупционность, подконтрольность не достигаются простым подключением к системе Интернет» [212]. Трудно согласиться и с концепцией сервисного государства, так как деятельность государства и публичной власти в целом не сводится только к оказанию услуг гражданам. Однако нельзя не отметить, что при этом цифровые ИКТ открывают большие возможности для реализации электронного публичного управления на принципах развития демократии. Но воспользуются ли публичная власть и гражданское общество такими возможностями, зависит не от самих ИКТ, а от принимаемых политических решений, развитости данного общества. Вместе с тем можно утверждать, что по мере развития цифровых ИКТ горизонтальные связи становятся все более значимыми, спо-

собными достаточно эффективно влиять на функционирование и дальнейшее развитие государственной власти.

Следует также указать, что некоторые авторы термин «гражданское общество» в ракурсе электронной демократии, электронного общества или электронного государства употребляют предельно широко, по сути, отождествляя его с населением или гражданами, которые являются пользователями Сети. Вместе с тем понятия «гражданское общество» и «пользователи Сети» не являются тождественными.

Во-первых, граждане, не являющиеся пользователями Сети, исключаются из гражданского общества, что недопустимо. Во-вторых, весьма спорной представляется и позиция, отождествляющая понятия «электронное гражданское общество» и «пользователи Сети». Такое отождествление аналогично отождествлению всех граждан с гражданским обществом.

Что касается соотношения понятий «электронное гражданское общество» и «гражданское общество», то при определенных условиях (когда, например, все институты гражданского общества найдут свое место в Сети) они могут быть тождественными. Так, А.М.Тарасов отмечает, что «в рамках одного государства или союза государств, да и в глобальном масштабе границы электронного и гражданского общества могут во многом совпадать, если государство нацелено и реально формирует соответствующую базу, создает институты и необходимые ресурсы электронного общества» [212]. Из этого следует, по мнению автора, что именно государство формирует электронное общество как общество гражданское, с чем трудно согласиться. Безусловно, такое формирование имеет место, но одновременно есть и инициативы снизу, приводящие к появлению разных форм и институтов гражданского общества в Сети. И опять же здесь возникает вопрос о трактовке самого понятия «гражданское общество» (сводимо ли оно только к институциональным формам или нет). Вызывает вопросы и следующий вывод автора: «Понятия "электронное общество", "электронное государство" и "гражданское общество" в таком случае проявляются как понятия не тождественные, но близкие

по содержанию» [212]. Но тогда требуется уточнить, что означает такое сближение по содержанию и в чем конкретно оно заключается?

Действительно, понятия «гражданское общество» и «электронное общество» - пересекающиеся, но не совпадающие. Гражданское общество нацелено на выработку социально полезных целей, что трудно утверждать в отношении всего электронного общества. Поэтому для различения части электронного общества, относимой к гражданскому обществу, следует использовать понятие «электронное гражданское общество». Спорный вопрос и о том, что именно государство формирует электронное гражданское общество, так как во многом, как отмечалось, эти процессы базируются на саморегулировании и саморазвитии.

В Российской Федерации процесс формирования электронного государства начался еще в 2002 году с принятием Программы «Электронная Россия» [12]. В 2008 году утверждена «Концепция формирования в Российской Федерации электронного Правительства» [16], которая, исходя из ее базовых целей и задач, была непосредственно направлена на повышение эффективности деятельности органов государственной власти (в частности, речь шла о технических аспектах, связанных с обеспечением удаленного доступа граждан к электронным государственным ресурсам, получению государственных услуг, условия которого предстояло сформировать, что и будет создано как ГАС «Управление»). Сам же эффект от цифровизации оценивался по таким критериям, как снижение трудозатрат госслужащих на организацию обмена информацией на межведомственном уровне; уменьшение административной нагрузки на организации и граждан, связанной с представлением госструктурами необходимых услуг и пр.

В 2010 году принята программа «Информационное общество», включающая подпрограмму «Информационное государство» [15], которая затем уточнялась в 2014 году. В рамках указанной подпрограммы среди задач отмечалось обеспечение «взаимодействия органов государственной (муници-

пальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий» [14].

В настоящее время планируется разработка Типовой ведомственной программы цифровой трансформации, которая будет рассчитана на три года [48]. В Программу планируется включить показатели, согласно которым возможна оценка внедрения информационных технологий. Причем речь идет о внедрении технологий последнего поколения («это так называемые прорывные технологии: блокчейн, роботизация, искусственный интеллект и многое другое» [48]). Концепция разработки и использования таких технологий применительно к цифровизации деятельности государственных структур изменилась: планируется использоваться принцип платформы, на базе которой будут разрабатываться цифровые продукты для всех структур государственной власти; больше внимания намерены уделять принципам обратной связи между государством и гражданами; данные о деятельности госструктур и иные сведения будут находиться в защищенном едином облаке для всех государственных подразделений и пр.

Важно, чтобы развитие электронного государства не сводилось только к его технической составляющей, а было нацелено, прежде всего, на его содержательные моменты, в частности, совершенствование государственной структуры, нормативной правовой базы и пр. Так, позитивным примером следует назвать проводимую в нашей стране «регулятивную гильотину», призванную пересмотреть действующие нормативные правовые акты на предмет их соответствия реалиям сегодняшнего дня с прицелом на будущие решения поставленных задач. Вместе с тем переход на электронный документооборот все еще сопровождается дублированием документов на бумажных носителях. Среди базовых целей электронного государства - сделать его эффективным, менее затратным, максимально открытым, насколько это возможно, кардинально меняющим взаимоотношения гражданского общества и публичных властей, в том числе путем усиления контроля данного общества над органами государственной и муниципальной власти, широкого вовлече-

ния в процессы принятия решений, оптимизации в предоставлении государственных и муниципальных услуг населению.

Согласно международным рейтингам, составленным в ООН в 2016-2018 гг. по таким критериям, как: объем и качество онлайн-государственных услуг (OSI); состояние развития телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ); состояние человеческого капитала (HCI) в 2016 году Россия занимала 35 место, в 2018 году - 32 место. Кроме того, по критерию вовлеченности граждан (E-Participation, электронное участие) Россия в 2016 году была на 34 месте, а в 2018 году - на 23 месте. Электронное участие при этом определяется как процесс вовлечения граждан в разработку и принятие решений, предоставление услуг с помощью ИКТ [294].

Электронное государство, как показывает мировая практика, не имеет типовой для всех стран формы. Одной из таких форм является открытое правительство. В 2011 году на международном уровне было создано Партнерство открытых правительств (Open Government Partnership [OGP]), насчитывающее к настоящему времени 78 стран. Каждые два года каждый член Партнерства представляет план действий, разработанный совместно с гражданским обществом, в котором излагаются конкретные обязательства по повышению прозрачности, подотчетности и участию общественности в управлении государством [286].

«Открытое правительство» в данном случае воплощает содержательное изменение диалога государственной (публичной власти в целом) власти и гражданского общества в условиях цифровой реальности, так как строится на принципах: открытости данных, касающихся деятельности публичных властей⁷ (данных, представленных в форматах, доступных для понимания населением); доступности граждан к этим данным; построения эффективного

⁷ В России данный принцип реализуется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [10], а также Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 №93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» [17]. Сформирован Портал открытых данных Российской Федерации [168], а также порталы субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, отдельных государственных структур (министерств, ведомств).

диалога между государством (публичными властями) и гражданским обществом, означающим возможность влияния последнего на деятельность государства (публичных властей); открытости бюджета, что позволяет гражданскому обществу контролировать расходы публичных властей (для чего необходимы открытость расходов, государственных и муниципальных закупок, контрактов, грантов и пр.⁸); открытости законотворческой деятельности, участия в ней представителей гражданского общества (таковы, например, проекты «народная экспертиза», применение технологии краудсорсинга); подотчетности публичных властей гражданскому обществу.

Таким образом, «Открытое правительство» - это не параллельная структура наряду с официально действующим правительством, а определенная концепция функционирования публичной власти, в которой центральное место занимают взаимоотношения этой власти с гражданским обществом и гражданами в целом, базирующаяся на открытости деятельности государственных и муниципальных структур, действенном контроле над ними со стороны гражданского общества и граждан, совместном принятии решений.

В соответствии с Указом Президента России в 2012 году была создана Правительственная комиссия, целью которой являлось формирование системы «Открытое правительство» [6] и которая была в дальнейшем упразднена [9] по причине неэффективности. Среди основных целей Комиссии значились: организация общественной экспертизы нормативных правовых актов, широких площадок для обсуждений деятельности государственных и муниципальных структур, рассмотрение предложений со стороны гражданского общества по совершенствованию деятельности публичной власти, усилению гражданского контроля и пр. Но, как отмечается в итоговом Докладе, подготовленном самой этой Комиссией, «заметных изменений в части совершенствования госслужбы, подходов к управлению кадрами, внедрению современных кадровых технологий за прошедшие годы не произошло» [72, с.14]. Кроме того, целый комплекс мер, которые упоминаются в Докладе в целях

⁸ В настоящее время на сайте Минфина России создана система «Электронный бюджет» [137].

совершенствования системы «Открытое правительство», представлены весьма расплывчато и декларативно. Например, в сфере борьбы с коррупцией авторы Доклада предлагали: «обеспечить механизмы общественного контроля; реализовать общенациональную информационную и образовательную кампанию нетерпимости к коррупции; совершенствование нормативно-правового обеспечения в сфере противодействия коррупции; совершенствование системы госзакупок в целях снижения коррупционных факторов и повышения прозрачности» [72, с.18]. Эти цели по борьбе с коррупцией ставились и раньше, однако конкретные механизмы реализации названных целей авторы Доклада не предложили.

В целом негативно оценили авторы Доклада и участие гражданского общества в подготовке и принятии совместных с публичными структурами политических решений [72, с.95].

В настоящее время идея «Открытого правительства» находит воплощение в проекте «Открытое министерство», цель которого внедрение и использование в работе конкретным государственным органом принципов и механизмов открытого государственного управления.

Несмотря на принимаемые государством меры, проблемы взаимодействия гражданского общества и публичных властей в цифровой реальности (и не только в цифровой реальности) остались:

- внедрение цифровых ИКТ не идет параллельно с развитием цифровой демократии; официально принятые меры по развитию данной демократии во многом носят декларативный характер и реализуются формально;
- акцент в электронном государстве делается на оказание госуслуг, а не на развитие электронной демократии;
- отсутствует системное взаимодействие публичной власти и институтов гражданского общества, действенные механизмы такого взаимодействия не созданы, а существующие - во многих случаях не эффективны.

Сформулируем ряд предложений по развитию электронного государства и электронной демократии:

- концепцию электронного государства следует рассматривать не как технократический проект, а как проект, направленный на дальнейшее развитие принципов демократии, в котором электронные технологии нацелены на наиболее полную реализацию указанных принципов; нельзя сводить электронное государства только к процессам цифровизации государственных и муниципальных услуг, это лишь одна из форм взаимодействия публичной власти и граждан, гражданского общества;

- необходим действенный и эффективный механизм участия гражданского общества в государственном управлении: в частности, должны быть сформированы неангажированные со стороны государства и бизнеса экспертные группы, которые давали бы аргументированную оценку той или иной общественной инициативы. Такая оценка могла бы быть раскрыта на специальных сайтах общественных экспертов; в официальных документах должны быть четко прописаны процедуры общественного обсуждения;

- необходимо сделать более действенной работу сайта «Российские общественные инициативы», передав функции его администрирования Общественной палате Российской Федерации;

- в оценке качества государственного управления целесообразно заложить показатели практики взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в цифровой среде;

- следует расширить применение технологии краудсорсинга (включая такие ее проявления, которые в зарубежной практике получили название «crowdsourcing legislation», «participatory budjeting [68]»), представляя ее как «прямое волеизъявление граждан с использованием современных информационно-коммуникационных технологий для коллективных мыслительных процессов» [68], и официально закрепив ее статус;

- важно создание действенного механизма общественного контроля с широким участием институтов гражданского общества и граждан. По мере развития информационного общества все чаще в качестве акторов демократических процессов выступают не институты гражданского общества, а отдель-

ные наиболее активные граждане, не равнодушные к происходящим (и будущим) политическим процессам и явлениям. Этот феномен был назван «нанодемократия». Представляется, что механизмы гражданского контроля должны учитывать и активно привлекать такие формы демократии;

- взаимодействие гражданского общества и государственной власти в цифровой среде не исключает и процессов манипулирования сознанием граждан и их поведением. В связи с этим требуется разработка комплекса мер, направленная на противодействие такого рода манипуляциям;

- необходимо упорядочить нормативные правовые акты и документы, касающиеся формирования электронного государства и электронной демократии. В настоящее время они разрознены, порой противоречивы, не согласованы по срокам исполнения.

В заключении отметим, что в настоящее время ставится вопрос о переходе от электронного государства к цифровому государству, которое рассматривается как коренная перестройка государственного управления на основе цифровых ИКТ.

2.3 Негосударственные СМИ и новые медиа в цифровой реальности

Негосударственные средства массовой информации (негосударственные СМИ, негосударственные масс-медиа) традиционно относят к институтам гражданского общества. От качественного состояния негосударственных медиа, их развития, степени независимости и ответственно понимаемой свободы зависят артикуляция интересов гражданского общества и их реальное удовлетворение, ознакомление граждан с оперативной и достоверной информацией. Опросы общественного мнения показывают достаточно высокий уровень положительной оценки роли СМИ в современной жизни общества. Так, по результатам опроса, проведенного в январе 2020 года сотрудниками АНО «Левада-Центр», роль СМИ была оценена респондентами в 3,41 балла по 5-ти балльной шкале, что выше оценки роли обеих палат Федерального собрания Российской Федерации, церкви, политических партий, профсоюзов,

но ниже оценки роли Президента России и Правительства Российской Федерации⁹.

С развитием электронных ИКТ традиционные СМИ стали искать свою нишу в цифровой реальности, и в настоящее время практически все они имеют аналоги в последней. Вместе с тем и сама цифровая реальность привела к возникновению новых каналов массовой информации и коммуникации (блоги, форумы, медиаплатформы и пр., получивших название «новые медиа»), которые стали в известной степени конкурентами для традиционных СМИ. О современном состоянии медиасферы, в том числе и ее проявлений в цифровой реальности, свидетельствуют данные опроса, проведенного АНО «Левада-Центр» (таблица 1):

Таблица 1
Источники новостей и доверие СМИ [89]

Вопрос: «ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?» (респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать более одного ответа и/или назвать свой; ранжировано по убыванию по январю 2020 года), данные ответов в %								
	Август 2009 года	Июнь 2013 года	Март 2014 года	Ноябрь 2015 года	Июль 2016 года	Март 2018 года	Август 2018 года	Январь 2020 года
Телевидение	94	88	90	85	86	85	73	73
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	9	21	24	21	33	27	37	39
Социальные сети Интернета*	6	14	15	13	23	21	28	39
Друзья, родные, соседи	26	24	25	24	27	27	18	18
Газеты	37	20	19	13	19	13	13	16
Радио	41	16	18	13	22	15	15	15
Журналы	8	4	5	2	4	2	3	5
Телеграм-каналы**	-	-	-	-	-	-	-	4
Другое	<1	1	1	1	1	<1	<1	<1
Не интересуюсь этим	<1	1	<1	1	1	3	2	1

⁹ Данный социологический опрос проведен 23-29.01.2020 сотрудниками АНО «Левада-Центр» по репрезентативной Всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1603 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах Российской Федерации. Исследование проведено методом личного интервью [183].

Затруднились ответить	<1	1	<1	1	2	<1	<1	<1
Вопрос: «КАКИМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И В МИРЕ?» (респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать более одного ответа и/или назвать свой; ранжировано по убыванию по январю 2020 года)								
Телевидение	79	51	50	41	59	51	49	52
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	7	14	20	18	20	19	24	24
Социальные сети Интернета*	4	11	9	9	12	15	15	21
Газеты	16	12	14	12	9	8	7	12
Радио	23	12	13	11	9	9	10	10
Друзья, родные, соседи	9	16	19	19	12	19	13	8
Телеграм-каналы**	-	-	-	-	-	-	-	4
Журналы	1	2	1	2	1	1	1	2
Другое	<1	1	1	1	1	<1	1	1
Никому не доверяю	6	8	4	8	8	10	15	13
Затруднились ответить	3	6	6	6	6	8	4	3
* В августе 2009 года - «Другие источники Интернета»								
** До января 2020 года позиция не была включена в перечень возможных ответов								

Как видно из приведенной таблицы, по-прежнему телевидение играет ведущую роль в получении новостей о стране и мире, хотя этот показатель имеет тренд на понижение (если сравнивать его с показателем 2009 года, то снижение произошло на 21%). Следует отметить восходящий тренд интернет-изданий, чей показатель вырос с 9% в 2009 году до 39% - 2020 году. Увеличилось и число респондентов, ответивших, что именно социальные сети выступают в качестве основного источника новостей (с 6% - в 2009 году до 39% - в 2020 году). Газеты и радио имеют явный тренд на понижение (37% и 16% - для газет и 41% и 15% - для радио, соответственно, в 2009 г. и 2020 г.).

Важна и степень доверия каналам информации: наибольшая степень доверия была высказана респондентами по отношению к телевидению (лидирует, но имеет тренд на понижение с 79% - 2009 год до 52% - 2020 год); далее - социальные сети (увеличение степени доверия с 4% до 21%). Однако интернет-

издания при общем тренде на повышение степени доверия включают периоды его незначительного уменьшения; газеты и радио при общем тренде на уменьшение доверия включают периоды его небольшого повышения. Отметим, что на протяжении 2009-2020 гг.росло и число респондентов, ответивших, что никому не доверяют (с 6% до 13%).

Приведенная таблица показывает, что в качестве источников информации выступают медиа, зарегистрированные как СМИ, а также иные источники информации, по правовому статусу СМИ не являющимися. Последние созданы и функционируют в цифровой реальности и получили название «новые медиа» (социальные сети, блоги, микроблоги, поисковые службы и пр.). «Феномен новых медиа имеет отношение к ряду концептуальных нововведений начала третьего тысячелетия и отражает глобальные социо-культурные изменения, связанные с появлением и развитием компьютерных сетей и интернет-технологий» [152, с.40]. Новые медиа в данном случае - это те, которые функционируют в цифровой среде, не имеют официального статуса СМИ, а их аудитория достаточно многочисленная.

Что касается собственно СМИ, то Закон «О средствах массовой информации» предполагает разные формы их существования («в качестве печатных СМИ, сетевых изданий, теле- и радиоканалов и пр.») [2]. Причем перечень форм СМИ остается открытым. Что касается сетевых изданий, то они в Законе понимаются как сайты Интернета (с указанием доменного имени сайта в Сети), которые прошли регистрацию в качестве СМИ (регистрация носит добровольный характер). Возможна для СМИ и форма электронных периодических изданий (информация в них представлена в электронно-цифровой форме, прошла редакционно-издательскую правку, а сами издания имеют выходные данные, распространяются на машиночитаемых носителях). Вызвавшая в обществе бурные дискуссии статья 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающая регистрировать соответствующие определенным условиям блоги в Сети, была отменена [5]. Поэтому в настоящее время блог может быть заре-

гистрирован как СМИ, но в добровольном порядке (в форме сетевого издания).

Негосударственные СМИ широко представлены в Сети: созданы их сайты, имеются аккаунты в социальных сетях и пр. Вообще трансформация традиционных (классических) масс-медиа в цифровые началась относительно давно. Сегодня функционирующие ранее, например, печатные издания (и созданные недавно) перешли в Сеть и имеют наряду с печатной версией издания - электронную, тем самым, расширяют свою аудиторию за счет интернет-пользователей. По данным за 2019 год, в рейтинге по цитируемости среди газет лидирует «Известия», среди журналов - «Forbes», среди интернет-ресурсов - «rbc.ru» [81].

Традиционные СМИ в цифровой реальности достаточно конкурентоспособны. Участвуя в дискуссии о роли традиционных СМИ в цифровой среде и предвещая их постепенное вытеснение новыми медиа, авторы, как представляется, смешивают два момента: 1) вытеснит ли электронная форма медиа их неэлектронный (например, бумажный) вариант?; 2) способны ли новые медиа по контенту и форме изложения материала оказаться более конкурентоспособными, чем традиционные? На первый вопрос большинство авторов дает утвердительный ответ, но присутствуют и голоса тех исследователей, которые «надеются, что в противостоянии между цифрой и буквой последняя сможет со временем восстановить утраченные позиции. Но для этого необходимы не только желание, время и деньги. Должны заработать законы экономического развития экономики» [256, с.17]. Весьма взвешенной представляется позиция тех авторов, которые исходят из того, что «печать и Интернет должны не состязаться друг с другом за выживание, а развиваться параллельными путями, оправдывая конечные ожидания потребителя в виде предоставления качественного контента» [256, с.17].

Что касается ответа на второй вопрос, сформулированный выше, то результаты рейтингов, в том числе приведенные ранее, свидетельствуют о большом потенциале традиционных СМИ в Сети. Интернет расширяет воз-

возможность для всех медиа, в частности, за счет интерактивного изучения потенциальной аудитории [292; 293].

Использование Сети дает традиционным СМИ и новым медиа ряд преимуществ: бóльшая информативность, оперативность, интерактивность, доступность. Но одновременно существуют и риски: отсечение от аудитории тех, кто не владеет Интернетом, слабая защита конфиденциальности информации, легкость ее копирования, что вызывает массовые нарушения авторских прав и пр. [222].

Важно видеть и те моменты, которые меняют формат традиционных СМИ при их перемещении в Сеть: в частности, благодаря постоянному потоку информации в онлайн-режиме понятие «свежий номер» становится относительным; повышается интерактивность (обращения, комментарии, лайки и пр.), которая становится важнейшим принципом функционирования СМИ, что дает возможность последним моментально реагировать на информацию, поступающую от граждан и, тем самым, поддерживать контент всегда в актуализированном состоянии; укрепляются позиции СМИ как действенного института гражданского общества, а связь журналистов и граждан становится оперативной и непосредственной, более того, между ними возможен онлайн-диалог. В настоящее время большинство интернет-изданий бесплатны для пользователей Сети (хотя, существуют и платные издания).

Появление цифровых ИКТ привело не только к изменению технологической стороны функционирования СМИ, но и к их содержательным изменениям (появление новых форм, стилей подачи материала, например, инфотеймента, соединяющего в себе развлечение и одновременно информирование аудитории; выработка не столько национального, сколько общемирового формата подачи материала, глобализация аудитории, стирание границ между профессиональными журналистами и аудиторией).

В условиях массовой самокоммуникации понятия «автор» и «аудитория» могут меняться местами. В связи с этим интерес представляет гражданская (партиципативная, демократическая, народная) журналистика. Термин «жур-

налистика» в данном случае не совсем корректен. Было бы точнее назвать это разновидностью новых медиа, авторы которых представляют собой не профессиональных журналистов, а активных интернет-пользователей, не связанных с журналистикой, но связанных с производством и распространением ими же созданного контента. Такая «журналистика» функционирует в Сети, на базе цифровых ИКТ и связана с освещением и комментированием какого-либо информационного повода (а может быть и события из личной жизни или жизни близких, друзей, соседей и пр.). Нередко это информация «из первых рук». Сама же форма подачи материала может быть различной - посты, комментарии, фотографии, видео- и аудиозаписи и пр.

Одновременно существует и форма совместного со стороны профессиональных журналистов и интернет-пользователей создания контента («совместная журналистика», «социальная журналистика»). Данная журналистика не исключает того, что получило название «civic journalism», то есть журналистику, «будоражащую гражданское общество», призывающую его к большей активности, участию в политической жизни. Такого рода журналистика существовала и до появления цифровых ИКТ, но с развитием последних получила широкое распространение. Но, собственно, гражданская журналистика подразумевает, что в роли ее акторов выступают граждане, преподносящие широкой аудитории свои материалы через «Livejournal», блоги, социальные сети, микроблогинг и пр. Возможно и использование интернет-площадок традиционных СМИ.

Если термин «гражданская журналистика» делает акцент на новых акторах информационных и коммуникационных технологий, производящих свой контент в Сети и его активно распространяющих, то термин «новые медиа» раскрывает вариативные формы производства и распространения данного контента в Сети (при том, что производство контента реализуется отдельными гражданами-пользователями Сети или их группами; причем это могут быть небольшие группы, созданные по интересам и обменивающиеся друг с другом информацией, комментариями онлайн). Некоторые авторы, исследу-

ющие феномен новых медиа, делают акцент не на их технологической составляющей, а на том, что именно они представляют новые формы демократических процессов [152, с.40]. Но в любом случае авторы контента в Сети должны соблюдать требования соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в Сети, а также сбор, обработку и распространение информации.

Если с правовой точки зрения вопрос о соотношении СМИ и новых медиа решен, то с точки зрения теоретического осмысления, являются ли последние именно средствами массовой информации, можно ли, например, блогеров назвать журналистами и пр., существуют разные позиции исследователей [141]. Во многом это определяется толкованием самого термина «журналистика»: если его рассматривать как профессиональную сферу деятельности, социальный институт, то новые медиа к ней не относятся (новые медиа - это, как правило, работа любителей; специфичны и лингвистические особенности текста, полные неологизмов, не допустимых в СМИ; тексты не подвергаются редакционно-издательской правке). Но если под термином «журналистика» подразумевать совокупность каналов сбора и передачи информации, то тогда новые медиа могут рассматриваться в ее ракурсе.

Обобщая, можно сделать вывод, что новые медиа в состав журналистики не входят, тем не менее, обладают некоторыми схожими с ней признаками (массовое распространение информации, выполнение функций информирования и оценки и пр.). В целом ниши СМИ и новых медиа различны. Но есть и варианты их пересечения: новые медиа используют информацию СМИ, а те, в свою очередь, используют информацию новых медиа. Нельзя забывать и о том, что профессия журналиста накладывает на него и определенные обязанности перед обществом, что выражается понятием «журналистский долг». Вместе с тем возможна ситуация, когда профессиональный журналист активно осваивает новые медиа (например, ведет аккаунт в социальной сети или блог).

Среди наиболее известных форм существования новых медиа - блог [60]. Легальное определение блога было дано в Законе «О СМИ» в статье 10.2, о которой упоминалось ранее и которая в настоящее время отменена (блог был представлен как «сетевой журнал или дневник событий», хронологически упорядоченных; указаны и его отличительные черты: публичный и интерактивный характер; возможность других пользователей оставлять свои комментарии и вступать тем самым в дискуссию»). Соответственно, чем больше подписчиков/посетителей, тем авторитетнее блогер и тем больше у него возможностей влиять на аудиторию (и тем больше он зарабатывает).

Некоторые авторы настолько были уверены в успешности развития блогосферы, что утверждали: «блоги придут на смену СМИ примерно к 2020 году» [141]. Однако наступил 2020 год, но СМИ блогосферой не вытеснены.

Блог является базовым элементом ширококанальной диалоговой Сети, активное участие в которой принимают от нескольких до сотен ее пользователей. Общение в блоге может состояться в режимах «вопрос - ответ» и (или) обсуждения какой-либо актуальной темы в форме комментариев¹⁰. Блогер высказывает свою позицию по той или иной теме на интернет-сайте, получает ответы (комментарии) пользователей Сети. Блог можно рассматривать как одну из форм массовой самокоммуникации, когда мысли и чувства блогера (в том числе и его личностные переживания) становятся предметом обсуждения многих. Причем размывание границ личного и публичного пространств характерно не только для блогов, но и социальных сетей, иных новых медиа. Исследуя блогосферу, П.Ю.Нарушева отмечает: «Если попробовать составить усредненный портрет блогера, можно отметить, в первую очередь, то, что большинство из них, находятся в возрасте 16-30 лет... В городах-мегаполисах число блогеров значительно выше, чем в провинциях, здесь существует прямая зависимость между численностью населения и количеством блогеров» [142].

¹⁰ Сам термин «блог» происходит от английского слова «weblog» (веб-журнал), автором которого, по общему мнению, признан Дж.Барджер (1997). Совокупность всех блогов, находящихся в Интернете, принято называть блогосферой, а людей, ведущих блоги, - блогерами.

К вышеизложенному добавим, что:

во-первых, формированию института блогеров способствовал ряд процессов, имеющих место в общественной жизни и выразившихся в Сети. В частности, как пишет М.Кастельс, произошел «сдвиг от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации», а также «децентрализация коммуникационных сетей» [97, с.9]. Это привело к известной автономии субъектов, производящих контент, что и нашло отражение в блогах и иных новых медиа.

Среди процессов, обусловивших появление блогов (как и в целом новых медиа), - *пронсьюмеризм*¹¹. Суть процесса в том, что индивид способен не только приобретать, потреблять товары и услуги, навязанные ему рынком, но и создавать, потреблять оригинальное «свое». По мнению Э.Тоффлера, *пронсьюмеры* - это индивиды, которые в своей жизнедеятельности полагаются на принцип «do it yourself» («делай сам»), используя в том числе общеизвестные методики и практики [218]. Во многом такой подход связан с формированием культуры потребления [34], когда на место навязывания товаров и услуг производителем с помощью рекламы и СМИ и автоматического потребления покупателем этих товаров и услуг, не знающего технологий их производства, приходит альтернативная модель поведения покупателя, когда последний становится «просвещенным» (т.е. дотошно разборчивым) потребителем, нередко предпочитая создавать необходимые ему продукты самостоятельно.

По аналогии с вышеизложенным, в виртуальной реальности, онлайн-пространстве, медиасфере блогеры выступают как разновидность *пронсьюмеров*. Дж.Берджесс и Дж.Грин классифицировали их на: «любителей», «продвинутых любителей», «полупрофессионалов» и «профессионалов» [264]. С обретением опыта в блогосфере каждый из них может переходить из одной категории в другую. По мере развития привлекательности блога растет численность его аудитории; к блогеру начинают проявлять интерес рекламо-

¹¹ Понятие «пронсьюмер», происходящее от слияния английских слов «produce» - производить и «consume» - потреблять.

датели (производители товаров и услуг). При этом «стоимость рекламы Р (руб.) в профиле российского Instagram-блогера вычисляется по формуле:

$$P = \frac{n \text{ подписчиков}}{10}.$$

Таким образом, одноразовое размещение в профиле блогера с 50 тыс. подписчиков обойдется рекламодателю как минимум в 5 тыс. рублей» [86].

Активному формированию блогосферы способствовали и новые технологии (типа краудсорсинга). «Идеи онлайн редакций вписать блогеров в журналистский контекст являются по сути одним из видов краудсёрсинга» [90, с.192].

Во-вторых, приходится констатировать, что многие популярные блогеры не стали профессиональными журналистами, а трансформировались в так называемых «ньюсмейкеров», которые увлекают аудиторию оперативностью, сжатым изложением информации, обратной коммуникацией. В ответ на это профессиональные журналисты «ответили факт-чекингом (тщательная проверка фактов): быстро не означает точно и правдиво, к тому же блогер за свои слова, как правило, не отвечает, а СМИ можно закрыть за диффамацию, научились писать ясно и кратко, вступать в жесткую полемику с аудиторией [184].

Блогерство под периодичностью нередко подразумевает эпизодичность, что недопустимо для СМИ, с четко зафиксированными сроками выхода в свет издания. Но и само комментирование событий в блогах часто одностороннее, неаргументированное, отражающее лишь субъективное мнение блогера. Вызывает вопросы и проверка истинности преподносимой информации в блогах. Однако такой же упрек можно было предъявить и к профессиональной журналистике: небрежность в изложении фактов, нередко оценка события с позиции учредителя, того, кто оплачивает деятельность того или иного СМИ.

В-третьих, стремление представителей, главным образом, молодого поколения быть интересными окружающим, полезными обществу, достигать персональных целей самореализации (овладение высоко-статусной позицией в рамках той или иной социальной группы, социума в целом; стремление к сравнительно легкому и быстрому заработку и др. [78]) в немалой степени обусловлены становлением и развитием блогосферы [74], которая, помимо использования в качестве «социального лифта», «создает наиболее естественные условия для ориентации на рынке труда современной молодежи» [161]. В то же время это может быть обусловлено завышенной самооценкой молодого человека, его некритичным в целом взглядом на окружающую действительность, одурманивающим его сознание и подсознание информационным «хламом», которым в немалой степени заполнен Интернет.

Ведение блога подчас мотивировано и демонстрацией своего образа жизни, позиционированием себя как имеющего медиастатус и пр. Личность блогера воспринимается в кругах молодежи, как правило, позитивно.

Среди главных мотивов ведения блогов исследователи называют: «1) документирование жизни; 2) сбор комментариев и мнений; 3) ощущение глубоких эмоций; 4) формулировка идей через написание их в блоге (поиск музыки); 5) создание общественных форумов для обсуждения каких-либо проблем» [142, с.40].

В-четвертых, блоги дифференцированы по иным критериям, чем традиционные, в том числе электронные СМИ. Так, среди видов блогов выделяются: деловые, персональные, профессиональные, нишевые, партнерские блоги, медиаблоги, фриланс-блоги и пр.

Выделяют также микроблоги - симбиоз блога и системы обмена информацией, дающей возможность пользователям цифровых ИКТ формировать краткие сообщения для их размещения в Сети в режиме on-line. Социальные платформы (Twitter, Instagram и пр.) особенно стимулировали развитие этого нового вида блогов, что делает его гораздо более удобным для общения в мобильном Интернете по сравнению с использованием персонального ком-

пьютера¹². Ключевым же недостатком микроблога признаны т.н. «fake news» (англ.; фальшивые, поддельные, «фейковые» новости), т.е. информационные мистификации и (или) умышленное распространение лжи в социальных медиа с целями введения в заблуждение их аудитории, манипулирования сознанием людей, чтобы получить какую-либо выгоду [95; 275]. Но производство и распространение «фейковых» новостей имеет место и среди профессиональных журналистов, нередко целенаправленно понуждаемые к этому собственниками масс-медиа и аффилированными с ними чиновниками.

В-пятых, имеют место существенные различия в правовом и социальном статусах профессиональных журналистов и блогеров (если только блог не зарегистрирован как СМИ) [33; 90; 93; 107; 123; 141; 165; 170; 190; 206; 213; 220; 232; 280]. В целом же у блогера отсутствует особый правовой статус (права, обязанности, ответственность), который отечественный законодатель предоставляет профессиональному журналисту. К примеру, у блогера нет права на запрос информации у государственных органов и общественных организаций в порядке, регламентированном ст.39 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (Закона о СМИ) [2], а также комплекса иных прав и обязанностей, предусмотренного ст.47 Закона о СМИ.

На примере блогов было продемонстрировано отличие новых медиа от традиционных СМИ. Однако новые медиа весьма разнообразны: например, существуют «Telegram каналы», которые построены как журналы без принципа обратной связи; здесь могут быть и медиаплощадки, корпоративные проекты, приватное сообщество; новостные каналы (среди популярных: Freakbook /@freakbook/; Лепрозорий /@stalin_lepra/; Медуза - LIVE

¹² Микроблоги позволяют обнародовать заметки (как правило, не более 200 символов), прикреплять к ним продукты мультимедиа, общаться с другими пользователями в режиме, похожем на чат. Преимущества микроблогов по сравнению с традиционным блогом: меньше времени требуется на разработку, размещение и ознакомление с контентом; возможность чаще публиковать контент; его особая, по мнению блогера, актуальность; возможность интерактивной коммуникации с подписчиками; применение именно мобильных устройств, позволяющих «публиковать, или изучать контент всегда, когда есть под рукой смартфон с выходом в Интернет» [116].

/@meduzalive/ и др.); социальные сети (Вконтакте; Одноклассники, Facebook; Мой мир; Twitter и др.); форумы.

В связи с изложенным возникает вопрос отнесения новых медиа к институтам гражданского общества. Для решения этого вопроса принципиально само понимание гражданского общества. Если исходить из того, что в основе его структуры определенные институты, то новые медиа в системе гражданского общества - это только те, которые получили официальный статус СМИ и прошли соответствующую регистрацию. Если исходить из понимания, что гражданское общество представляет любые формы организации граждан, а не только официально закрепленные по типу социальных институтов, то тогда уже значительная часть новых медиа подпадает под понятие «гражданское общество». Попытка полностью институализировать данные медиа не удалась. Вместе с тем важно помнить, что новые медиа (рассматриваются ли они в составе гражданского общества или нет) не должны противоречить по направленности своей деятельности требованиям к источникам производства и распространения информации, установленным действующим российским законодательством.

Одна из важнейших функций как негосударственных СМИ, так и новых медиа - критическая, оппонирующая государству и отстаивающая группы интересов гражданского общества. Но и в этом случае направленность таких интересов должна быть не на разрушение общественных отношений и формирование обстановки нестабильности и хаоса, подрыв национальной безопасности и моральных устоев, а на «устранение недостатков действующего политического режима и, в конечном итоге, его прогрессивное эволюционное перерождение» [236, с.144]. Тем не менее, нельзя отрицать и того, что новые медиа, используя информационный повод, могут играть весьма неоднозначную роль в дальнейшем развитии не виртуального, а реального общества¹³.

¹³ Например, 17.12.2010 гражданин Туниса, неприметный рыночный торговец М.Буазизи публично сжег себя в знак протеста против произвола государственных правоохранителей. Показательно, что практически одновременно с этим политически ангажированные блогеры, представители СМИ, оппозиционно настроенных по отношению к публичным властям Туниса, других государств

Тем не менее, роль новых медиа во влиянии на гражданское общество весьма велика, так как именно к этим источникам информации растет доверие граждан, именно они во многом предстают как выразители многообразных интересов вариативных групп гражданского общества, становясь действенным механизмом защиты прав и свобод граждан, через механизмы интерактивного участия возрастает и весомость их голосов в публичной сфере, создается механизм равноправного диалога государственной власти и граждан, составляющих гражданское общество.

Процессы формирования новых медиа не закончились, они происходят под воздействием новых технологий. Так, Web 1.0 обеспечил доступ граждан к Сети, Web 2.0 - дал им возможность формировать собственный контент и привел к феномену массовой самокоммуникации, Web 3.0 - обеспечил возникновение социальных сетей, мессенджеров; настоящее время характеризуется формированием интернета вещей, широким внедрением искусственного интеллекта.

регионов Северной Африки и Ближнего Востока, продекларировали начало так называемой «арабской весны», т.е. волны инициированных извне массовых протестов местного населения, повлекшую в последующем гражданские, гибридные, террористические войны, иностранную военную интервенцию, широкую экспансию радикальных исламистов.

Глава 3 Направления дальнейших изменений во взаимодействии государства и институтов гражданского общества в условиях динамичного развития цифровой реальности

3.1 Тенденции изменений управленческих функций государства и институтов гражданского общества, обусловленных развитием цифровой реальности

В настоящее время изменения управленческих функций государства и гражданского общества происходят под влиянием целого ряда факторов, среди которых весомую роль играет ускоренное развитие цифровой среды. В связи с этим выделим тенденции, которые характеризуют перспективы дальнейших изменений указанных управленческих функций.

Динамика изменений цифровой среды накладывается на изменения самих институтов государства и гражданского общества. Так, в большинстве экономически развитых стран уже получили распространение подходы к управленческим функциям государства в ракурсе концепций «сервисного государства», «нового государственного менеджмента», «governance» (которая конкретизируется в концепции сетевого управления), «государство-платформа». Так, концепция «governance» берет за основу сетевой подход к пониманию государства, исходящий из равнозначности роли государственных и негосударственных структур в процессах управления [139; 209; 281]. Концепция «государство-платформа» трактует государство по аналогии с цифровыми платформами, на базе которых происходит взаимодействие государственных структур, институтов гражданского общества и бизнеса [287].

Согласно этим концепциям, базовая цель государства - оказание услуг населению, при этом деятельность чиновников идентифицируется с деятельностью менеджеров. Принятие таких концепций в качестве теоретической основы деятельности государства привело к появлению новых моментов в государственном управлении, которые исследователи характеризуют как

«переход от государственного управления к государственному менеджменту, а затем к сетевому подходу (network management)» [209].

Так, были привлечены новые субъекты, реализующие ряд функций (оказание услуг), которые до этого выполняли государственные структуры, а в самом государственном управлении стали использоваться методы, заимствованные из негосударственной сферы, в том числе и те, которые применялись в управленческой деятельности разными институтами гражданского общества. Все шире стал использоваться аутсорсинг в оказании определенных государственных услуг (как населению, так и государству), в котором отношения между государственными и негосударственными структурами выстраиваются на контрактной основе [209]. Негосударственные институты стали конкурировать с государством в сфере оказания государственных услуг.

Такой подход к государству в рамках приведенных выше концепций потребовал уточнения, что такое «функция государства» и как она соотносится с понятием «государственная услуга». Однако до сих пор четкого определения этих понятий в политологической науке, а также теориях государства и права, государственного управления, не сложилось. С одной стороны, имеет место тенденция жесткого отделения этих понятий друг от друга: функции государства могут выполняться только государственными структурами, в то время как государственные услуги должны осуществляться только негосударственными институтами [30; 188]. С другой стороны, микширование указанных понятий и затушевывание их различий [217].

Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, обусловленным особенностями отечественной практики, что в отличие от ряда зарубежных стран, в российском законодательстве отсутствует понятие «публичное юридическое лицо», которое, собственно, и должно реализовывать государственные услуги. Хотя в некоторых странах данные услуги могут осуществлять и организации, не являющиеся публичными.

Принятый подход к государству как производителю и потребителю услуг привел к ускоренному развитию местных органов самоуправления, а также саморегулируемых организаций, иных институтов гражданского общества, так как произошла децентрализация оказания этих услуг. Кроме того, исследователи отмечают и децентрализацию самого государственного аппарата, когда «образуются саморегулируемые организации, от министерств отпочковываются публичные предприятия, которые затем постепенно переходят в частную сферу» [209].

Вместе с тем понимание государства в рамках концепций «нового государственного менеджмента» или «governance» еще не получило ни однозначного толкования, ни безусловного принятия в качестве современной модели государственного управления, хотя некоторые авторы это объясняют тем, что на современном этапе обозначенные концепции находятся на «начальной стадии своего оформления» [139].

Однако и сам сервисный подход к трактовке государства вызывает неоднозначные оценки. В частности, сложно согласиться с авторами, которые приравнивают государственное управление к оказанию государственных услуг, так как по своему содержанию такое управление включает решение целого ряда задач, которые намного шире по содержанию оказания услуг. Государственное управление предполагает выработку стратегии управления, включающую формулирование целей и постановку класса задач, плана их решения, обеспечение реализации стратегии необходимыми ресурсами (например, кадровыми, финансовыми и пр.), осуществление распорядительных, координирующих, контрольно-надзорных функций. Таким образом, государственное управление - качественно сложный процесс, в который на разных его этапах в него вовлечены многие субъекты. Предоставление услуг гражданам может быть рассмотрено как одна из базисных, но не единственная функция государства.

Сервисный подход к государству накладывается на критерии оценки эффективности его деятельности, которые, в частности, были разработаны в

ООН («Good Governance») [298]; некоторых из них касаются показателей непосредственного участия гражданского общества и граждан («participation») в принятии государственных решений, а также выработки решений на основе общественного консенсуса. Существуют и критерии эффективности, разработанные Всемирным Банком, включающие оценки пяти основных направлений государственного управления: «1) качества государственных услуг, 2) качества государственной службы, 3) степени независимости правительства от политического давления, 4) качество разработки и осуществления политики и 5) доверие к приверженности правительства такой политике» [296].

Расширение участия институтов гражданского общества в реализации государственных услуг и в государственном управлении также должно оцениваться в рамках эффективности функционирования государства, что означает применение этими институтами передовых технологий, в том числе и дигитальных информационно-коммуникационных технологий, наличие в их работе высокого профессионализма и результативности функционирования.

Модель сетевого государственного управления предполагает равенство реализующих его субъектов. Данное управление становится коллективной проблемой, решаемой совместно с государственными структурами и иными субъектами, в том числе и институтами гражданского общества. Однако в связи с такой моделью возникает ряд вопросов: в частности, обязательность выполнения решений, принятых негосударственными структурами, возможность лоббирования интересов социальных групп, стоящих за тем или иным институтом гражданского общества, возможная утечка персональных данных и пр. Вместе с тем нельзя не признать, что сервисный подход предполагает множество субъектов, участвующих в реализации государственных услуг (в том числе и самому государству) и, так или иначе, вовлеченных в процессы государственного управления, что расширяет возможности данного участия со стороны институтов гражданского общества [298].

Процессы цифровизации накладываются на обозначенные выше процессы, ускоряя их и делая возможным более широкое участие в них разнообразных институтов гражданского общества. В данном случае важно подчеркнуть, что цифровизация, с одной стороны, создает новые возможности в ракурсе государственного управления для институтов гражданского общества, но и последние принимают активное участие в развитии самой цифровизации. Проанализируем стадии государственного управления в ракурсе перспектив цифровой трансформации и возможного участия институтов гражданского общества.

1. Выработка стратегии развития: формулирование целей и постановка задач; принятие решений

На этом этапе важен мониторинг, раскрывающий особенности сложившейся ситуации и предполагающий определения проблем, требующих решения. Данный мониторинг могут осуществлять государственные структуры совместно с институтами гражданского общества.

В качестве информационных технологий, применяемых на этом этапе, важны: в частности, для сбора эмпирического материала и работы в режиме реального времени - развитие цифровой инфраструктуры и цифровых платформ (например, создание специальных цифровых платформ по типу «Predictiv» в Великобритании, позволяющих собирать информацию в режиме реального времени и учитывать отношение респондентов к планируемому решению той или иной проблемы [71, с.24]); для анализа данного материала - анализ «Big Data», использование системы распределенного реестра /технологии блокчейн, а также технологий Искусственного Интеллекта (ИИ). В конечном итоге, «в недалеком будущем возможно появление такого цифрового правительства, при котором органы смогут рассматривать выработку государственной политики (регулирование) как итерационный процесс, позволяющий апробировать и изменять регулирование в режиме реального времени» [71, с.25].

Участие институтов гражданского общества на основе дальнейшего развития цифровых ИКТ будет осуществляться:

- через совершенствование таких форм, как обращения, петиции, разработка и выдвижение предложений и рекомендаций, электронные голосования на более продвинутых электронных платформах;
- с помощью платформенных решений для привлечения институтов гражданского общества в целях совместной выработки стратегических программ, проведения общественных экспертиз, осуществлении диалога с целью нахождения компромиссов и гармонизации отношений государства и институтов гражданского общества;
- благодаря последующему развитию информационных площадок институтов гражданского общества.

Вместе с тем следует выделить и ряд проблем, которые возникают при этом: информация по принимаемым решениям должна иметь опережающий характер, быть доступной для граждан; возникает вопрос о качестве экспертизы со стороны государственных структур и институтов гражданского общества и пр.

2. Реализация распорядительных, координирующих, контрольно-надзорных функций

Данный этап связан с реализацией властных полномочий государства в ракурсе выполнения им перечисленных функций. Для повышения эффективности реализации указанных функций требуется совершенствование цифровых ИКТ, например, развитие ИИ, позволяющего отслеживать выполнение данных функций, осуществлять цифровую прослеживаемость и пр. Необходимо дальнейшее развитие цифровых ИКТ, позволяющих активизировать участие институтов гражданского общества в государственном управлении, когда последние выступают в качестве акторов (или сосубъектов), реализующих совместно с государством или самостоятельно (например, в рамках договорных отношений) те или иные функции государства (в том числе при

непосредственном участии) или осуществляют независимо от государства перечисленные функции (например, контрольно-надзорную);

3. Совместное управление проектами со стороны государства и институтов гражданского общества

В настоящее время на базе тех или иных цифровых платформ реализуется совместное управление проектами со стороны государства и гражданского общества. Речь идет, в первую очередь, о проектах в социальной сфере, сфере природопользования и пр. Эффективность данного управления зависит и от использования цифровых ИКТ и их дальнейшего развития.

4. Оказание государственных услуг негосударственными организациями (в том числе и теми из них, которые отнесены к гражданскому обществу), включая оказание услуг через механизмы цифровых ИКТ.

При этом выполнение таких услуг может передаваться институтам гражданского общества по контрактам либо делегироваться им. Уже сейчас предпринимаются попытки возложить некоторые функции государства на институты гражданского общества. Например, известны примеры, когда на основе технологии блокчейн формируется децентрализованная система с использованием институтов гражданского общества по разрешению споров (в обход судебных рассмотрений в рамках государства) [83].

5. Реализация механизмов обратной связи на базе цифровых ИКТ:

- участие институтов гражданского общества в оценке принятых государственными структурами решений;
- оценка эффективности деятельности данных структур и конкретных руководителей.

Таким образом, государственное управление при применении цифровых ИКТ меняет свои содержательные характеристики:

- оно базируется на применении аналитической модели управления, суть которой в принятии всеми заинтересованными сторонами, в том числе и институтами гражданского общества, совместных решений возникающих проблем; благодаря этому принятые решения обретают не только свою легаль-

ность, но и легитимность, укрепляя доверие к государственным структурам; информационные технологии существенно упрощают внедрение и применение такой модели;

- его можно рассматривать как сотрудничество граждан, институтов гражданского общества и государственных структур для выработки совместных решений, разработки проектов, распределения ресурсов, координации, выполнения контрольно-надзорных функций;

- в нем ответственность за принятые решения распределяется между государством и институтами гражданского общества, а также иными участниками данного процесса;

- оно становится прозрачным и открытым, что снижает степень коррупционности.

Вместе с тем внедрение цифровых ИКТ требует выполнения ряда условий. Во-первых, должен быть минимизирован риск несанкционированного вторжения в базы данных и создана система гарантий, не позволяющая произойти утечке персональных данных граждан. Это тем более важно, что нередко государственные информационные системы управляются негосударственными операторами. Во-вторых, информационные системы должны не допускать сбоев в своей работе. В-третьих, требуется система дополнительных гарантий с целью недопущения постоянного и локального контроля за действиями граждан. Так, в этом аспекте вызывают опасения создание цифрового удостоверения личности, а также использование технологий регистрации действий интернет-пользователей в цифровой реальности («цифровой след»), позволяющих оценивать активность в соцсетях, удаленной биометрической идентификации, массового видеонаблюдения. В-четвертых, необходима система гарантий соблюдения прав на получение госуслуг для граждан, которые не имеют компьютерных знаний и возможностей пользоваться цифровыми ИКТ.

Среди направлений дальнейшего развития цифровизации в сфере государственного управления в Российской Федерации следует обозначить [158]:

- полное прекращение бумажного документооборота;
- реализацию всех госуслуг в режиме онлайн (через моносервисы);
- создание государственных электронных реестров;
- разработку суперсервисов (к 2024 году их планируется 25) для комплексного подхода к решению жизненных ситуаций граждан;
- минимизацию участия чиновников в принятии решений по оказанию госуслуг.

Современный этап в развитии цифровых ИКТ рассматривается как переход к этапу Web 4.0, который предполагает широкое распространение искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах общественной жизни, включая и систему государственного управления. Так, в 2019 году в России была принята «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [7]. В Стратегии вводится не только понятие «ИИ», но и «универсального (сильного) искусственного интеллекта», способного автономно решать различные задачи, выполнять «автоматический дизайн физических объектов», ему должны быть подвластны «автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы)» [7].

Внедрение ИИ, в частности, предполагает, что его применение позволит повысить эффективность решения «задач, требующих анализа больших объемов данных, а также рутинных задач, требующих максимально скорого решения» [61, с.153]. Однако до сих пор нет четких ответов на следующие вопросы: каковы границы применимости ИИ в государственном управлении; какие конкретно функции данного управления будут реализовываться при помощи ИИ; будут ли заложены в его деятельность этические принципы, социально-политические интересы; как обеспечить прозрачность принимаемого решения на основе ИИ и пр.

Кроме того, ИИ может применяться для решения определенного класса

задач в государственном управлении, а может использоваться системно, в том числе выходя и на решение стратегических задач. Однако реализация указанных направлений сопряжена с рисками, касающихся как отдельных граждан, так и государства, гражданского общества в целом. Так, при разработке алгоритмизации принятия управленческих решений в данные процессы закладываются определенные ценностные установки, но весьма часто они не раскрываются разработчиками программ ИИ («техническая сторона алгоритмизированного управления имеет собственную внутреннюю политическую составляющую» [61, с.166]). Не исключено, что среди этих принципов могут быть и те, которые потенциально способны вести к социальной дискриминации (на разной ее основе).

Кроме того, отстранение госслужащих и представителей институтов гражданского общества от процесса принятия управленческих решений при внедрении ИИ чревато постепенной утратой их профессионализма, навязыванием решений, противоречащих (явно или скрыто) общим стратегическим задачам государственного управления.

Для недопущения реализации ряда рисков, связанных с применением ИИ в процессах управления, необходимы:

- контроль со стороны граждан и институтов гражданского общества (например, контроль применяемых ИИ алгоритмов, открытость используемых данных). Примером здесь может служить цифровизация процедуры госзакупок, позволяющая гражданам и институтам гражданского общества контролировать эти процессы;
- возможность пересмотра (обжалования) принятого с помощью ИИ решения в области госуправления (для чего важно создание соответствующих механизмов и закрепление правомочий институтов гражданского общества);
- гарантированность участия человека наряду с ИИ в процессах принятия решений, связанных с процессами государственного управления («сам по себе алгоритм не способен принимать "субъективные" решения, однако качество его решений зависит от того, каким образом он спроектирован и какие

данные в него внесены» [61, с.178]).

Следующий шаг в развитии искусственного интеллекта связан с его обучением на основе нейросетей, когда ИИ способен к самообучению (хотя его алгоритмизация может быть непонятной даже самим разработчикам этих систем).

Среди основных направлений дальнейшего развития гражданского общества в условиях цифровизации применительно к процессам государственного управления можно выделить следующие:

- расширение участия институтов гражданского общества в принятии государственных решений, а том числе через развитие различных форм их участия в государственных структурах, осуществляющих процесс принятия таких решений (в том числе через использование технологии краудсорсинга на базе цифровых платформ, создание электронного гражданского судопроизводства и пр.);
- увеличение числа государственных услуг, осуществляемых через негосударственные организации, в том числе и НКО, а также иные институты гражданского общества;
- расширение сферы гражданского контроля за всеми направлениями функционирования государства;
- усиление роли институтов гражданского общества в аналитической и экспертной видах деятельности (экспертиза принимаемых нормативных правовых актов, иных решений на уровне государства и пр. на основе использования Big Data и их интеллектуального анализа /Data Mining/);
- все большее применение онлайн технологий для реализации демократических процессов (выборы, голосования и пр.);

Одновременно важно подчеркнуть, что онлайн платформы и цифровые ИКТ в целом становятся ареной борьбы за реализацию интересов разных субъектов гражданского общества и государства, а цифровая среда оказывается политическим феноменом, в которой политические паттерны реальности преобразуются в цифросетевые паттерны [84, с.25].

Подводя итоги предварительного анализа, сформулируем выводы.

1. Цифровизация государственного управления может рассматриваться в узком и широком значениях. В узком значении она обозначает внедрение цифровых технологий во все этапы процесса государственного управления. В широком значении речь идет о качественном преобразовании управления, отвечающего выработанным критериям эффективности (стандартам), обеспечивающего широкое привлечение граждан и институтов гражданского общества в такое управление и реализующего позитивные социально значимые цели.

2. Как любая технология, цифровые технологии могут оказывать положительные и отрицательные воздействия применительно к тем или иным социальным процессам. Аналогичная ситуация и с цифровыми ИКТ, используемыми в процессах государственного управления: с одной стороны, следует отметить позитивные стороны - повышение открытости процессов принятия решений, транспарентности, доступности для контроля со стороны гражданского общества процессов. Кроме того, принятие решений в рамках такого управления строится на механизмах соучастия структур государства и гражданского общества, а использование цифровых ИКТ делает это взаимодействие оперативным и эффективным. Но, с другой стороны, ряд технологий цифровых ИКТ противоречит сути государственного управления (например, превалирование горизонтальных связей над вертикальными, отражающими суть государственной власти), размывают ответственность субъектов за принятые решения, порождают риски, связанные с потерей государством властных полномочий и пр.

3. Процессы дальнейшей цифровизации государственного управления накладываются и на отсутствие единого понимания, что означают в современных условиях государство, его природа и функции. Представляется, что современные концепции государства, как то «сетевое государство» или «государство-платформа» указывают лишь на отдельные стороны изменившегося государственного управления, но не затрагивают его сути. Отметим, что ука-

занные концепции сформулированы в рамках либертарианского подхода государству, стремящегося минимизировать его роль в общественной жизни, что требует отдельного осмысления.

4. Цифровизация государственного управления основывается на алгоритмизации его процессов, но алгоритмизация возможна не везде и не всегда применительно к указанному управлению. Отсюда, предполагается, что необходимо установление пределов такой цифровизации.

5. Становится все более реализуемой ситуация, когда цифровые ИКТ в государственном управлении будут способны привести к локальному контролю за гражданским обществом (что вполне возможно в рамках создания сквозного идентификатора, объединяющего всю информацию о конкретном человеке).

6. С введением и дальнейшим развитием цифровых ИКТ меняется сам характер взаимосвязи гражданина и представителей госструктур (так, эти взаимоотношения подразумевают определенную анонимность, причем эта анонимность затрагивает не гражданина, а государство, когда гражданин не знает, кто именно, какой государственный орган будет предоставлять ему нужную услугу; например, можно выбрать на портале «Государственных услуг» необходимую услугу; все шире распространяется сетевое устройство процессов государственного управления, что переносит «центр принятия управленческих решений из чиновничьих кабинетов в киберпространство» [185]).

7. Внедрение ИИ, роботизации в процессы государственного управления ставят вопрос о статусе правовых режимов ИИ и робототехники. Единой позиции по этому вопросу не существует. Между тем, решение этого вопроса весьма важно для понимания субъекта ответственности за принимаемые решения с использованием указанных технологий.

3.2 Тренды трансформации коммуникативных процессов в связи с развитием цифровых ИКТ и их проявление во взаимодействии государства и институтов гражданского общества

Изменение коммуникативных процессов в Сети во многом является реакцией на изменения технологической основы таких коммуникаций. Среди трендов подобных изменений (по версии Gartner, одной из авторитетных компаний на рынке информационных технологий [217]): гиперавтоматизация, «многоканальное» общение человека и ИТ-решений (переход к концепции «технологий, понимающих человека» [217]); демократизация знаний («специалисты "не из ИТ" смогут работать с экспертными системами и соответствующим инструментарием без дополнительного обучения»); усовершенствование людей; прозрачность и отслеживаемость в области персональных данных; периферийные вычисления; распределенное облако; автономные устройства; блокчейн в реальных проектах; межмашинное взаимодействие.

Взаимодействие институтов гражданского общества и государства вписывается в общие тренды, характерные для изменений коммуникативных процессов под влиянием процессов цифровизации. Выделим данные тренды:

- изменение разных видов коммуникаций; дальнейшее развитие цифровизации обуславливает изменение двух видов коммуникаций: человек - компьютер; человек - компьютер - человек (социальные сети); это разные коммуникации, в которых ставятся разные цели [64];
- расширение круга субъектов, являющихся одновременно создателями и потребителями контента в Сети, в том числе и политического контента, а также контента, отражающего процессы взаимодействия институтов гражданского общества и государства;
- замена «живого общения» виртуальным; «живое общение» зачастую заменяется общением онлайн, при этом происходит расширение возможностей для общения, но одновременно появляется феномен «одиночество в Сети»;
- увеличение числа лиц, являющихся акторами в Сети, акторы в данном случае понимаются как инициаторы и участники организации жалоб, петиций, протестов и пр., которые формируются в сетевой среде; расширение

круга лиц, объединенных Сетью и готовых участвовать в благотворительных акциях, волонтерских движениях и пр.;

- изменение паттернов потребительского поведения, реализуемых в коммуникациях в Сети: быстрота, комфортность, развлечения; даже информирование реализуется через инфотейнмент [198]; коммуникации в Сети порождают модели «модного» поведения;

- особенности реализации свободы в процессах коммуникации в Сети; свобода зачастую сводится к свободе в выборе социальных групп общения в Сети, которые могут быть весьма периферийны;

- ориентация на принадлежность к сетевым сообществам, постоянная самоидентификация с определенными культурными и социальными группами;

- нарастание тенденции цифрового детокса, сознательного выхода из Сети; не все россияне однозначно воспринимают развитие цифровых ИКТ и, в частности ИИ (об это говорят и данные опроса, проведенного в октябре 2019 года¹⁴: 12% респондентов заявили о негативном отношении к технологии ИИ; только 29% респондентов понимают суть ИИ, вместе с тем 68% опрошенных готовы использовать эту технологию при получении госуслуг);

- нарастание процессов рефлексии в социальных сетях и саморефлексии применительно к ее участникам;

- направленность поведения в Сети на социальное поощрение;

- нарастание агрессивности и конфликтогенности социальных сетей;

- ориентация на лидеров мнений в Сети.

Взаимодействие государства и институтов гражданского общества, вписываясь в перечисленные тренды, имеет свою логику изменений. Во многом последняя обусловлена необходимостью устранения тех негативных трендов, которые обнаружились к настоящему времени в коммуникативных процессах гражданского общества и государства. Так, требуется изменение скорости

¹⁴ Итоги совместного опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и проектного офиса по реализации национальной программы «Цифровая экономика» Аналитического центра при правительстве России. Опрос проводился в формате телефонного интервью в октябре 2019 года, в нем приняли участие 1,6 тыс. респондентов в возрасте от 18 лет [88].

реагирования государственных структур в связи с эволюцией условий и запросов со стороны гражданского общества. Государство явно не успевает оперативно реагировать, что существенно снижает эффективность такого взаимодействия. В то время, как любое негативное событие моментально может быть предметом обсуждения в Сети со стороны интернет-пользователей.

Кроме того, коммуникативные процессы между государственными структурами и институтами гражданского общества должны быть постоянными, а не эпизодическими. Отсюда, тренд на ведение постоянного сетевого анализа со стороны государства и быстрое реагирование по принципу обратной связи. Все это ускоряет демократические процедуры, политические процессы в целом.

Сетевая модель общения во многом строится на силе «слабых» связей. Круг общения в социальной сети во многом состоит из «друзей», которые весьма часто являются друзьями формально, но которые могут оказывать значительное воздействие на процессы общения в Сети. Но слабые связи могут порождать у интернет-пользователя и чувство одиночества в Сети. Сами же цифровые устройства становятся все более комфортными для общения в Сети.

Либертарианская модель государства, которая насаждалась и насаждается в России, идет в явный диссонанс с теми настроениями в обществе, которые весьма негативно оценивают данную модель. Наша страна оказалась в ситуации, когда прежняя советская модель государства разрушена, западная модель не приживается при всех настойчивых попытках ее внедрить, а новой, адекватной нынешним условиям и приемлемой для большинства общества, не выработано. Цифровизация лишь обострила ситуацию.

Становится очевидным, что коммуникативные процессы в современном обществе должны строиться с учетом их саморегуляции и самоорганизации. Коммуникативные процессы, реализующиеся между государством и институтами гражданского общества, должны выявлять риски, проблемные поля,

которые названные субъекты должны решать совместно, с учетом ресурсов государства. Однако мнения, озвученные в социальных сетях, нельзя приравнивать к артикулированию единой позиции большинства граждан России. Социальные сети противоречивы, выражают интересы разных социальных групп. И государство должно иметь четкую методологию выделения и оценки именно мнения большинства, ориентируясь на определенные социальные площадки в Сети, в том числе и создавая их.

Коммуникативные процессы в Сети государство и институты гражданского общества должны использовать для достижения компромиссов, консенсуса, согласования интересов, то есть иметь тренд на гармонизацию взаимодействия и его эффективность через прямой диалог в режиме онлайн. Однако в коммуникативных процессах государство нередко принимает на себя роль слушателя, который действует по типу «Вас услышали», но при этом ничего не делает для решения обозначенной проблемы. Можно привести ряд примеров, когда инициативы в Сети, набравшие необходимое количество голосов, не были приняты во внимание соответствующими государственными структурами (типичный пример, когда на сайте «Российская общественная инициатива» инициатива, выдвинутая против повышения пенсионного возраста, набрала 102800 голосов, но не была принята во внимание органами государственной власти. Более того, было рекомендовано «прекратить обсуждение повышения возраста выхода на пенсию по старости на всех уровнях законодательной власти» [187]).

Обращает на себя внимание и невысокая оценка в Сети деятельности институтов гражданского общества. Так, согласно данным ВЦИОМ, если исходить из индекса одобрения, рассчитываемого как разница между положительными и отрицательными оценками, то в мае-августе 2020 года такой индекс у СМИ составил (от 1 до 6), профсоюзов (от 1 до 6), общественной палаты (10-16), политических партий (от -3 до 0); оппозиции (от -14 до -11) [49]. Поэтому одна из проблем современных коммуникативных процессов состоит в повышении степени доверия населения к институтам гражданского обще-

ства, сама конструкция которого и особенности его функционирования непонятны большинству россиян, включая и пользователей Сети. Во многом это связано и с отношением государственных структур к институтам гражданского общества, для которых последние либо «вписываются» в функционирование государства (например, профсоюзы, парламентские политические партии и пр.), либо исключаются из него (например, ряд НКО, заклеенных в качестве иностранных агентов).

В связи с этим коммуникативные процессы в Сети должны рассматриваться в нескольких плоскостях: 1) институты гражданского общества - граждане; 2) институты гражданского общества - государство; 3) государство - граждане; 4) институты гражданского общества и граждане - государство; 5) государство и институты гражданского общества - граждане; 6) государство и граждане - институты гражданского общества.

В настоящее время ситуация такова, что граждане не доверяют большинству институтов гражданского общества, а последние не всегда учитывают актуальные потребности граждан; ряд институтов гражданского общества успешно вписался в структуры государства и перестал отражать насущные интересы граждан, а граждане начинают самоорганизовываться через социальные сети для выражения собственных интересов и целей, минуя для этого институты гражданского общества. Повышение уровня доверия граждан к указанным институтам во многом зависит от их действенности, эффективности в реальной действительности, а не от имиджа в Сети. Например, невысокий рейтинг профсоюзов связан не с тем, что они неудачно используют свой образ в Сети, а с тем, что не выступают той действенной силой, которая способна улучшить жизнь простых граждан в реальной жизни. Так, профсоюзы оказались безрезультативными, когда решались вопросы о повышении пенсионного возраста, «замораживании» индексации пенсий работающих пенсионеров и пр. Поэтому эффективность коммуникаций в Сети зависит от того, насколько профсоюзы смогут вернуть доверие граждан в реальной жизни.

Более высокий результат индекса одобрения, согласно опросу ВЦИОМ, общественной палаты объясним конкретными достижениями этого института на уровне «малых» дел (как то: добились получения нужного лекарственного препарата для тяжелобольного, решили проблему ЖКХ для пенсионерки, защитили права ребенка и пр.).

Низкая оценка гражданами оппозиционных сил в стране во многом связана с их маргинализацией, включением в свои ряды персонажей, которые вызывают неприятие у населения, а также с выработкой «иммунитета» против цветных революций (что связано с уроками «цветных революций» в Грузии, на Украине, в Киргизии [118]).

Взаимодействие институтов гражданского общества и государства в цифровой реальности ставит вопрос и об этической стороне такого взаимодействия. Причем проблема этической стороны коммуникативных процессов высвечивает ряд аспектов: допустимость и границы присутствия государственных служащих в социальных сетях; этикет общения в Сети государственных структур и институтов гражданского общества, граждан; регламентация такого общения (быстрота реагирования, его механизмы и пр.); борьба с фейками в социальных сетях, искусственно сконструированными скандалами и пр. Поэтому в качестве основных тенденций, требующих своего подкрепления и развития, следует выделить обеспечение достоверности информации и безопасности общения в цифровой среде, что требует эффективного администрирования, регулирования, контроля со стороны государственных структур [194].

Дальнейшее развитие коммуникативных процессов между институтами гражданского общества и государством следует рассматривать и в ракурсе изменений самих демократических процессов в обществе. Теоретической основой коммуникативных процессов гражданского общества и государственной власти в Сети может выступить концепция «делиберативной демократии», которая предполагает «публичный диалог (дискурс) институтов государства и граждан, власти и институтов гражданского общества в процессе

выработки наиболее приемлемых и оптимальных путей развития социума в целом» [19]. В основе такого диалога - публичное взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в социальных сетях (через коммуникационные электронные инструменты - электронные форумы, опросы и пр.).

Вместе с тем следует указать и на тенденции, с которыми авторы связывают наступление постдемократии, а именно тенденции, «которые поставили под вопрос нормативность традиционно функционирующих демократических институтов» [238, с.39]. Демократические процессы, перенесенные в Сеть, привели к формированию многочисленных сетевых групп, а гражданское общество распалось на отдельные меньшинства. Все это повлекло усиление форм непосредственной демократии. Традиционные институты гражданского общества стали в известной степени «лишними», в то время как блоги и социальные сети выступили «основой нового гражданского общества» [238, с.39]. И эта тенденция, как представляется, будет нарастать.

Например, по конкретному случаю социальной несправедливости, взволновавшему интернет-пользователей, в Сети спонтанно формируются социальные группы, которые, привлекая внимание общественности и СМИ, пытаются таким образом решить проблему. Коммуникации, которые здесь возникают, быстротечны, но и само существование данных социальных сообществ в Сети также не нацелено на долговременную основу. Но это не исключает формирования в Сети и устойчивых социальных групп (например, такой группой можно назвать «Диссернет», участники которой позиционируют себя как представители вольного сетевого сообщества экспертов, исследователей и репортеров [69]), которые потенциально обладают большим мобилизационным ресурсом.

Следует также отметить, что защищая интересы рядовых граждан, сторонники сетевых групп призывают к неукоснительному соблюдению норм права, другими словами, «протестная активность граждан направлена на

укрепление Российского государства и его законодательства вопреки воле власть имущих» [238, с.40].

Государство и институты гражданского общества должны «вписаться» в стандарты Сети. Уже сейчас ряд приемов, форм, применяемых в коммуникативных процессах в соцсетях, используется государственными структурами и институтами гражданского общества. Ряд технологий Сети получил институционализацию в процессах государственного управления и коммуникативных процессах, в которых участвует государство.

Представляется важным выработка стратегии коммуникации государственных структур в Сети, в которой следовало бы отразить принципы, цели, направления, формы такой коммуникации [223]. Следует поддержать необходимость постоянного диалога государства с институтами гражданского общества и гражданами. Однако трудно согласиться с теми авторами, которые рассматривают такой диалог как переход от патернализма к либеральной модели государства. Диалог между властью и гражданами - это форма, с помощью которой государство более точно узнает о потребностях общества, его интересах, но ресурсы и их распределение по-прежнему находятся у государства. Поэтому в любом случае патернализм не связан напрямую с ведением такого диалога. Более того, в результате последнего возможно усиление линии патернализма в государственном управлении.

Задача государства защитить коммуникативные процессы в Сети от негативных влияний, таких, как различные виды преступной деятельности, распространение информации, связанной с нарушением норм морали и пр. Но, решая данную задачу, все более отчетливой становится тенденция усиления контроля за процессами коммуникаций в Сети со стороны государства. «Это и использование электронных средств, включая GPS, для слежки, отслеживание электронной переписки, вторжение в работу интернет-сайтов, в мобильную телефонную связь, массовое внедрение видеокамер (вплоть до общественных туалетов), бессрочное хранение в электронных банках данных отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК» [106]. Вместе с тем

должен быть найден консенсус государства и общества по поводу контроля над коммуникативными процессами в Сети, сбора и анализа персональных данных. Более того, даже случаи легитимного вмешательства государства в частную жизнь гражданина должны подвергаться анализу и оценки со стороны гражданского общества.

Интенсивность коммуникативных процессов в Сети приводит к увеличению так называемых «цифровых следов», к которым отнесена персональная информация интернет-пользователя (включая его поисковые запросы, «лайки», биометрические данные и пр.). Big Data позволяет аккумулировать эту информацию, а современные «умные» системы ее анализировать. Причем сами граждане формируют такую информацию о себе, и ее с каждым годом будет становиться все больше и больше. Полученные данные активно используются, но никаких гарантий, что они не будут употреблены во вред гражданину, нет. К этому следует добавить наращивание процессов тайного массового слежения, перехвата информации, взломов, программирования процессов в Сети [122].

Новый виток цифровизации и одновременно развития дигитальных ИКТ связан с пандемией «COVID-19». Созданная в предшествующий период информационно-коммуникационная база показала успешность функционирования, но одновременно и выявила ряд проблем. Введенный режим самоизоляции и выписка специальных пропусков для того, чтобы покинуть свое место жительства, усилили контроль за гражданами.

Между тем, в целом такие меры были ими положительно восприняты гражданами. По опросам ВЦИОМ, 52% россиян поддержали введенные государством меры для предотвращения распространения пандемии и выразили уверенность, что «нужно сохранить и развивать возможности получать госуслуги в онлайн-формате» [50]. 50% респондентов высказались за дальнейшее развитие волонтерства [50].

В период пандемии произошло перераспределение полномочий между федеральной властью и ее субъектами, органами муниципальной власти. Так,

контроль за соблюдением режимов самоизоляции и карантина был передан муниципальным образованиям. При этом возросла роль «квазиправовых и неправовых регуляторов, что отчетливо видно на примере добровольного соблюдения гражданами режима самоизоляции, рекомендаций Министерства здравоохранения РФ, Главного государственного санитарного врача РФ, Роспотребнадзора» [244]. Однако ограничение передвижений породило и волну протеста со стороны граждан.

Итак, предварительный анализ показал:

1. Коммуникативные процессы между государством и институтами гражданского общества в цифровой реальности будут развиваться в двух направлениях: 1) в связи с изменениями цифровых ИКТ и 2) в ракурсе изменений содержательной части взаимодействий государства и институтов гражданского общества. При этом должна меняться, прежде всего, именно содержательная часть таких коммуникаций. Вместе с тем обратная связь в коммуникативных процессах между государственными структурами, с одной стороны, институтами гражданского общества, с другой стороны, и рядовыми гражданами, с третьей стороны, еще не отлажена на должном уровне. В связи с этим важны четкие процессуальные гарантии для развития обратной связи.

2. Одна из насущных задач, стоящих в настоящее время в обозначенных коммуникативных процессах - вернуть доверие граждан к государственным структурам и институтам гражданского общества. Для этого предлагается создание большего числа площадок для дискуссий в Сети, с обязательным участием представителей государственных структур и институтов гражданского общества. Цели функционирования таких электронных площадок - нахождение баланса интересов, легитимизация принимаемых государством решений.

3. Необходим пересмотр механизма правового регулирования отношений государства и граждан в условиях цифровизации, в частности, осмысление пределов такого регулирования общественных отношений в связи с развитием цифровых ИКТ и саморегулирования в Сети.

4. Требуется разработка полноценной концепции, раскрывающей функционирование и развитие институтов сетевого сообщества, их конвергенции с институтами гражданского общества. В связи с дальнейшим развитием коммуникативных процессов в Сети необходимо осмысление таких направлений, как «цифровые права и свободы», «цифровизация контроля со стороны электронных сообществ», «подотчетность государственных структур интернет-сообществу», «правовой статус виртуальной личности».

3.3 Перспективы развития властных отношений под влиянием изменений цифровой реальности

По мере развития цифровой реальности властные отношения претерпевают изменения. Цифровизация привела к появлению новых субъектов данных отношений. Используя системный подход, выделим тенденции дальнейшей трансформации феномена власти и отношений, с ним связанных, в рамках многомерной модели, раскрывающей многосторонние процессы, обусловленные развитием цифровых ИКТ:

а) *дальнейшая цифровизация* всех сторон деятельности государства, включая и реализацию им властных полномочий, что ведет к формированию цифрового государства.

Процесс развития цифровых ИКТ будет продолжаться, соответственно, он затронет государственные структуры и властные отношения. Новым этапом развития отношений, связанных с реализацией государственной власти, станет широкое внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ), под которым подразумевается как ИИ, функционирующий на основе заданного алгоритма, так и ИИ, функционирующий достаточно автономно и способный к самообучению. Вместе с тем спрогнозировать последствия данного внедрения в настоящее время достаточно сложно. С одной стороны, это приведет к повышению уровня эффективности государственного управления и осуществления властных полномочий, расширению возможностей государства. Например, применение технологии блокчейн «будет иметь своим следствием

перевод всех реестров, документооборота на эту технологию, введение смарт-контрактов вместо чиновников» [150, с.49], формирование цифровых институтов взамен существующих институтов государства и пр. При этом предполагается принятие решений искусственным интеллектом, но с возможностью их пересмотра высокопрофессиональными государственными служащими. С другой стороны, ряд властных полномочий и их содержательное наполнение не зависят от внедрения ИИ или иных технологий. С третьей стороны, есть ряд рисков, которые видны уже сейчас от внедрения ИИ и иных цифровых ИКТ (возможная неподконтрольность человеку; сложные алгоритмы самообучения и пр.).

В связи с этим представляется целесообразным постепенное внедрение ИИ (иных цифровых ИКТ) «с постоянным мониторингом возможных рисков и нахождением путей их минимизации или полного устранения, первоначально экспериментальное внедрение элементов ИИ в практику властных отношений и государственного управления в целом» [4]. Так, с 01.07.2020 и сроком на 5 лет в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москва проводится «эксперимент по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации» [4];

б) *деконцентрация государственной власти* в связи с развитием сетевого сообщества; самоорганизация и самоуправление в Сети. Это не могло не отразиться в децентрации государственной власти, и, в частности, в передаче ряда государственно-властных полномочий негосударственным организациям, институтам гражданского общества, а также транснациональным цифровым корпорациям [185]. Рассмотренные процессы нашли отражение в теории киберлибертарианства, в которой снижена роль правового регулирования Сети, а также значение государственного суверенитета ввиду наднациональности границ Интернета, сделан акцент на процессах саморегулирования в Сети [181].

Одновременно деконцентрация государственной власти ставит вопросы о пределах подобной деконцентрации, эффективности выполнения функций государства в данных условиях, и, в частности, функций по защите государственного суверенитета, а также прав и основных свобод человека и гражданина. Трудно не согласиться с теми авторами, которые призывают в связи с этим выявить угрозы, порожденные распространением цифровых технологий для реализации государственной власти [186, с.200].

С развитием цифровых ИКТ эволюционируют и процессы самоорганизации и самоуправления в Сети, что не исключает и институализацию ряда интернет-сообществ в качестве институтов гражданского общества. Часть из них непосредственно нацелена на увеличение вовлеченности интернет-пользователей в реализацию отношений государственной власти, развитие всех форм электронной демократии;

в) *многообразие отношений власти в Сети.*

Отношения власти в Сети можно классифицировать на: отношения, обусловленные реализацией государственной власти в Сети, и властные отношения, не связанные с государством. Так, к числу разнообразных проявлений последних можно отнести сетевую власть - власть «акторов и организаций включенных в сети, которые конституируют ядро глобального сетевого общества» [97, с.89]. Развитие Сети привело к появлению в ней групп, ставших новыми субъектами властных отношений. Причем «этими группами могут оказаться не политические институты и оппозиционные группы, но существует возможность появления новых политических акторов при наличии у них ресурсов для монополизации информационно-коммуникационного пространства» [186, с.200]. Именно эти властные структуры создают цифровые сети, используя координацию различных групп в Сети, регулируют участие интернет-пользователей в них с помощью механизмов включения/выключения. Однако власть подобного рода не безгранична и лимитируется правом в рамках наднационального и национального юрисдикций.

Вместе с тем указанная власть в Сети раскрывает новые грани властных отношений. Так, «с учетом трансформаций, происходящих в информационном обществе, власть может интерпретироваться не только как некий источник влияния, подчинения и силы, но и как специфическая форма социальной коммуникации между акторами политической деятельности» [186, с.200];

г) *распространение государственной власти на отношения в Сети.*

В период формирования Сети и сетевых коммуникаций цифровая реальность для многих граждан связывалась с реализацией абсолютной свободы, огромным спектром возможностей для самореализации. Государство на какое-то время, как бы самоустранилось от Сети, но этот период вскоре прошел, и оно смогло приспособиться к цифровой среде и, более того, сохранило свои властные полномочия в ней. Однако оказалось, что и само функционирование Сети невозможно без государственного вмешательства. Вместе с тем пределы такого вмешательства являются до сих пор объектом острых дискуссий.

Властные полномочия государства в Сети выражаются в: пресечении преступной деятельности, предотвращении распространения информации, нарушающей правовые и моральные основы общества (например, распространение экстремистских материалов, пропаганда наркотических средств и психотропных веществ и пр.), защите государственного суверенитета, прав и основных свобод граждан (например, защита персональных данных, прав интеллектуальной собственности и пр.). Превышение же властных полномочий государства в Сети чревато нарушением прав, основных свобод человека и гражданина (например, прав на неприкосновенность частной жизни, свободу слова и пр.). В данном случае возникает необходимость нахождения консенсуса между государством, с одной стороны, и институтами гражданского общества, гражданами, с другой стороны. Усиление властных государственных полномочий в Сети (в данном случае не берутся во внимание чрезвычайные ситуации, военное положение) должно быть, так или иначе, легитимизировано.

Однако проявления государственной власти в Сети не должны сводиться только к функциям контроля, надзора, пресечения преступной деятельности. Она должна иметь и иные аспекты выражения, например, находить пути легитимизации принятых на государственном уровне решений, формировать позитивный имидж публичной власти, проводить воспитательную работу с гражданами, заниматься правовым просвещением и пр. И в этом ей должны оказать содействие институты гражданского общества, цель которых не только критиковать государственную власть, но и сделать ее совершеннее. Некоторые авторы в связи с этим предлагают создание «веб-бригад», «которые будут обеспечивать координацию и отправление контрольных полномочий Российского государства в нужных сегментах информационных отношений сети Интернет, своевременно реагируя на все вызовы XXI в.» [207]. Однако такая позиция вызывает опасения постольку, поскольку данные бригады могут легко превратиться в субъектов пропаганды и одновременно в орудие борьбы с инакомыслием в Сети. Достаточно иметь профессиональных государственных служащих, способных принимать обоснованные решения, оперативно реагировать на запросы институтов гражданского общества и граждан. Одновременно активная позиция ряда социальных групп в Сети способна мобилизовать интернет-сообщества с целью оказать действенное влияние на государственные структуры, вынуждая их принимать необходимые решения, что может привести «к изменению характера власти от директивной к индирективной» [211]. Хотя этот процесс нельзя переоценивать, так как государственная власть в большинстве своих проявлений вряд ли перестанет быть директивной;

д) *появление и развитие цифровых прав* как основа взаимодействий государства, гражданского общества и граждан в виртуальной реальности, а также ограничений для неправовых действий в Сети со стороны государственной власти.

Хотя в ряде стран цифровые права рассматриваются как новый вид «прав для физических лиц в цифровом мире с точки зрения личных данных и до-

ступа к цифровым услугам» [132, с.18], конституционный статус в нашей стране этих прав по-прежнему не определен.

Тем не менее, формирование и развитие цифровой реальности и участие в ней граждан привели к необходимости принятия цифровых прав, которые еще не получили однозначной трактовки в правовой и политологической литературе. В настоящее время эти права отражены в Гражданском кодексе Российской Федерации как самостоятельный вид имущественных прав [255]. Но их понимание не сводится только к указанному аспекту.

Анализ определений цифровых прав позволил выделить ряд их содержательных аспектов, в частности, данные права включают:

- «право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений» [146, с.12];
- «право на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности сети Интернет» [146, с.13];
- «право свободно общаться и выражать мнения в Сети» [85];
- «право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации» [85];
- «право на забвение в цифровом пространстве, право на защиту от нежелательной информации в Интернете» [209, с.12].

Данные цифровые права - это конституционные права человека на свободу слова, самовыражения, информации и пр., но перенесенные в цифровую реальность. Некоторые авторы предлагают широкую трактовку цифровых прав, как всего спектра «конституционных прав человека и гражданина, в той или иной мере подвергнутых цифровой модификации» [143, с.26].

Однако при любой трактовке цифровых прав необходимо решение сложной задачи нахождения компромисса между интересами граждан, институтов гражданского общества и государства в Сети. Проведенный анализ литературы по теме исследования показал, что за основу решения обозначенной зада-

чи берутся либо интересы государства, либо институтов гражданского общества и граждан, а некоторые авторы вообще делают вывод, что «противоречие между универсальностью основных прав человека и цифровым суверенитетом нарастает» [210, с.10]. С одной стороны, необходимость соблюдения цифровых прав, а с другой стороны, законные ограничения последних в целях защиты государственного суверенитета.

Представляется, что соблюдение цифровых прав граждан со стороны государства требует и выполнения соответствующих обязанностей граждан в цифровой среде. Властные полномочия государства в Сети должны быть ограничены (не должно быть незаконного ограничения цифровых прав граждан и их объединений), но и граждане (и институты гражданского общества) должны нести определенные обязанности в сетевом общении, распространении информации и пр. Ограничения цифровых прав допустимо только в установленных законодателем случаях (как то, введение чрезвычайного положения, режима контртеррористической операции, военного положения и пр.) и в целях применения данных мер в общественных интересах. Вместе с тем есть ряд моментов, неурегулированных или слабо регулируемых нормами права (отслеживание местонахождения человека, массовое внедрение видеокамер и отслеживание перемещений граждан и пр.), что требует своего разрешения;

е) изменение методов реализации властных полномочий государством в цифровую эпоху.

В современном мире с его бурным развитием цифровых технологий и быстрой реакцией сетевых сообществ на происходящие политические события и принимаемые государством решения, последнее стремится все шире использовать так называемую «мягкую силу», заботясь о своем имидже, в том числе в Сети. Более того, государство нацелено находить способы легитимизации государственной власти, обращаясь к сетевым сообществам, обозначив свое постоянное присутствие в Сети через многочисленные сайты государственных структур и различные цифровые платформы. Отсюда,

стремление повысить степень доверия к государству и его институтам через формирование их позитивного образа в Сети, и, тем самым, достичь поставленных целей, используя для этого добровольное участие и поддержку со стороны институтов гражданского общества и граждан.

Для усиления своего влияния в Сети государство использует сформированные здесь технологии (например, применение киберсимулякров, стигматизации, вейк-дискурса и пр.). К методам «мягкой силы» следует отнести и размещение на сайтах государственных структур информации, опровергающей недостоверные сведения об их деятельности, раскрывающей искажения выступлений руководителей этих структур [174]. Активное противодействие дискредитации органов государственной власти, государственной политики и пр. в Сети - стало частью «мягкой силы» государства.

К методам «мягкой силы» относится и целевая работа, проводимая государством с интернет-аудиторией, мониторинг которой может быть успешно проведен в условиях формирования Big Data и современных средств аналитической работы. Примеры такого таргетированного влияния на аудиторию известны (например, политологи утверждают, что таковой была предвыборная кампания Д.Трампа [20]);

ж) *обеспечение безопасности в Сети* как одна из функций государства и ее дальнейшее развитие; защита государственного суверенитета в цифровой реальности.

Именно государственные структуры должны обеспечивать безопасность в Сети. Причем безопасность в данном случае рассматривается в широком значении: это и недопущение несанкционированного доступа к персональным данным граждан и данным юридических лиц, размещенных на цифровых носителях, пресечение кибератак и диверсионных атак, а также всех видов преступной деятельности в Сети, обеспечение нормального и стабильного функционирования коммуникативного пространства Интернета, «защита ценностно-смысловых ориентиров в общественном сознании в Сети» [240], недопущение превращения цифровой реальности в информационное оружие,

направленное против легальности и легитимности государства и пр. Информационная безопасность личности, гражданского общества и самого государства - основные направления обеспечения информационной безопасности.

В настоящее время на уровне государства отсутствует специальная структура, чьей функцией была бы «оперативная работа по предотвращению киберинцидентов и защите населения от них» [243, с.43]. Представляется, что эту функцию могли бы выполнять институты гражданского общества, либо специально созданные для этого платформы (например, при федеральных министерствах или органах местного самоуправления);

з) *программирование и репрограммирование сети коммуникаций* в цифровой реальности как проявление власти в Сети.

Такое проявление власти связано с воздействием на сознание интернет-пользователей, процессы коммуникаций в Сети (формирование образов, формулирование оценочных суждений в Сети с помощью лидеров мнений и пр.). «С помощью цифровых технологий происходит эксплуатация человеческих слабостей, дающая новые возможности по осуществлению контроля за человеком со стороны общества и государства» [185, с.36-37]. Подключение к Сети, пользование тем или иным сайтом, цифровой платформой заставляют интернет-пользователей подчиняться определенным правилам, стандартам, а «выключение» в Сети (отказ в пользовании сайтом, исключение из коммуникаций в том или ином интернет-сообществе и пр.) предстает как проявление власти провайдера, системного администратора, владельца сайта.

Применительно к Сети следует указать и на власть в ракурсе ее рассмотрения как технического феномена (власть технических сетевых стандартов, кодов, протоколов и пр. [128]).

Сформулируем выводы.

1. Феномен власти не остается неизменным и развивается, в том числе и под влиянием цифровой реальности. С одной стороны, доминирование государственной власти продолжается, но, с другой стороны, последняя меняет-

ся, проходя через процессы деконцентрации, обретая новые формы такого доминирования.

2. Сетевое сообщество получило новые формы проявлений власти в Сети, отсюда, сетевая власть, но само развитие Интернета и коммуникаций в цифровом пространстве обозначили необходимость присутствия здесь государственной власти.

3. Государство стремится коммуницировать с сетевыми сообществами, выступая в роли актора в Сети, но механизм взаимодействия властных государственных структур и данных сообществ еще не налажен, что обусловлено низким уровнем доверия населения к госструктурам, игнорированием последними насущных проблем граждан.

4. Государственная власть прошла этап успешной адаптации к цифровизации всех сторон общественной жизни, проведя обновление своей деятельности, научившись управлять и в условиях доминирования горизонтальных связей в интернет-коммуникациях.

5. В качестве тенденций развития государственной власти следует предположить: расширение состава ее субъектов, не относящихся непосредственно к государственным структурам, размывание понимания источника власти (особенно с учетом введение технологии блокчейна), все большее распространение горизонтальных связей и переход к модели сетевого общества.

Заключение

Цифровизация и новая цифровая реальность сформировали ряд тенденций в политической жизни, а именно:

- цифровизация и цифровая реальность (в ее широкой трактовке) создали новые условия, в которых осуществляются политические процессы и явления, происходящие в соединенных реальностях первого и второго порядков (это и политические призывы в Сети к реальным политическим действиям; правовые последствия для блогеров, нарушающих нормативные правовые акты, регулирующие поведение в Сети; возможность использовать Big Data в политологическом анализе и пр.);

- цифровые ИКТ, в частности, транснациональные цифровые сети связи (TDCN) увеличили масштабы глобального взаимодействия; формируется мировое сообщество пользователей Сети;

- изменения происходят, в первую очередь, в самом человеке как политическом акторе (в связи с этим появилось понятие «дигитальный человек»);

- глобализация и цифровизация приводят к новому пониманию суверенитета национального государства;

- цифровизация и, соответственно, формирование цифровой реальности протекает в разных странах неравномерно, что создает предпосылки для возникновения неравенства по отношению к развитию и пользованию результатами процессов цифровизации;

- результаты цифровизации неравномерно распределены и между различными социальными слоями, что также ведет к новому типу социального неравенства и создает социальную и политическую напряженность в обществе и в мире. Так, роботизация трудовой деятельности может привести к снижению ценности низко- и среднеквалифицированного труда, как следствие - к перераспределению трудовых ресурсов в мировом масштабе (в частности, может повлиять на снижение стоимости низкоквалифицированного труда, что весьма значимо для развивающихся стран с дешевой рабочей силой), а также в рамках национальных государств (весьма вероятно влияние этого

процесса на численность и процессы воспроизводства среднего класса, являющегося опорой для ряда партий, общественных движений в экономически развитых странах, что чревато снижением или потерей стабильности политической системы в последних). Аналогичное влияние можно обозначить и в связи с процессами ликвидации некоторых традиционных профессий и перекраиванием рынка труда;

- сформированная цифровая реальность предполагает процессы массовой самокоммуникации, что, с одной стороны, ведет к расширению форм демократического участия граждан в политической жизни, используя Интернет и иные средства цифровых технологий, но, с другой стороны, делают прозрачной, а, следовательно, и более контролируемой частную жизнь граждан;

- отсутствие тотального контроля над цифровой реальностью со стороны госструктур объективно снижает возможности их контроля над общественной жизнью, что не исключает возрастания данного контроля над частной жизнью граждан; вместе с последнее время обозначилась тенденция усиления государственного контроля над цифровой реальностью (например, в ряде стран, в частности, в Австралии требуют ключи от шифрования и пр.);

- цифровая реальность ставит проблемы защиты информации, владения цифровыми данными, что приводит к появлению новых задач государства (например, защита персональных данных в Сети);

- значимую роль в политике и стратегиях национальных государств должно играть использование цифровых технологий в интересах общества в целом, для чего должны быть созданы соответствующая инфраструктура, кадровый потенциал, нормативная правовая база.

В современной политологической литературе имеет место спектр оценок цифровизации государства: от восторженных в духе работ Д.Минделла [135] до пессимистических (М.Шанахан [249]). Давая в целом позитивную оценку цифровизации, в том числе и государственной жизни, важно указать на риски, которые возникают в связи с данными процессами. Так, современные политологи выделяют риски манипулирования сознанием пользователей Сети,

«подмены» объективной реальности цифровой и пр. Цифровая реальность, обладая мощнейшим властеобразующим ресурсом («миром владеет тот, кто обладает информацией»), может постепенно занять место ведущего субъекта современной системы политических отношений, подчиняя себе и государство, в частности, принуждая его изменить структуру, цели, функции.

Цифровизация существенным образом отразилась на понимании гражданского общества, его структуры и субъектов. В связи с этим предлагается идея «концентрических кругов гражданства» (метафоры, используемой в свое время М.Т. Цицероном), суть которой в постоянном расширении круга субъектов гражданского общества. В частности, в настоящее время этот круг субъектов увеличивается под влиянием цифровых ИКТ. Транснациональная Сеть позволяет вести постоянную координацию между различными организациями гражданского общества (а иногда и отдельными лицами, представляющими данное общество), расположенными в нескольких странах и сосредоточенными на совместном решении конкретной глобальной проблемы.

Цифровая реальность становится центром, где осуществляется активный диалог институтов гражданского общества и государственных структур (интернет-страницы, виртуальные блоги, страницы в соцсетях и пр.). Вместе с тем нельзя идеализировать данную реальность, не видя тех рисков, которые она несет, в том числе и гражданского общества (распространение ложной информации, фейков, использование средств манипулирования сознанием, призывов к антигосударственным политическим действиям и пр.).

Цифровая демократия нацелена, в первую очередь, на развитие форм прямой демократии, предполагает вовлечение граждан и институты гражданского общества в процессы государственного управления, принятия политических решений. Одновременно следует указать, что в условиях усложнения общественной жизни и, соответственно, процессов управления, в том числе на государственном уровне, принятие решений требует наличия профессиональных знаний. Поэтому не всегда предлагаемые в е-сообществе решения отличаются необходимой компетентностью. В связи с этим некоторые поли-

тологи утверждают, что представительная демократия дает бóльшую вероятность принятия профессиональных решений по сравнению с решениями в рамках прямой демократии.

В целом можно согласиться с этим утверждением, но, указав на некоторые тенденции, способные, вероятно, опровергнуть его в будущем: во-первых, еще Г.Рейнгольд указывал на феномен «умной толпы», сформированный под влиянием новых технологий [176], то есть он отмечал возрастание уровня компетентности в целом интернет-сообщества (что трудно в настоящее время оценить однозначно, если только речь не идет о группах профессионалов в Сети); во-вторых, имеет место феномен профанного знания, которое может оказать сильное влияние на знание, собственно, профессиональное; в-третьих, возможно отсутствие должного профессионализма у тех, кому делегировано право принимать решения в рамках представительной демократии. Кроме того, представительная демократия может вести и к отрыву выбранной власти от самих избирателей; в-четвертых, в цифровой демократии есть формы, которые являются формами опосредованной демократией (например, «в концепции цифровой демократии "Liquid Democracy" при голосовании за тот или иной законопроект интернет-пользователь может делегировать свой голос профессионалу» [272]).

Важно понимать, на что направлены гражданские инициативы. Бóльшая их часть нацелена на неукоснительное соблюдение требований закона со стороны публичных властей и выполнение ими своих функциональных обязанностей. Например, среди поднимаемых гражданами проблем на сайте «Добродел»: автомобильные дороги, благоустройство, работа госструктур, ЖКХ, медицина и пр.

Формирование цифровой демократии по своей направленности - два разновекторных процесса: с одной стороны, это вектор от государства к гражданскому обществу, тем самым, государство подготавливает и реализует систему мероприятий, направленных на возникновение и развитие разных форм цифровой демократии. С другой стороны, это вектор, идущий от само-

го гражданского общества (к самому гражданскому обществу и государству) по пути формирования цифровой демократии.

Не всегда и не во всем понимание цифровой демократии со стороны государства и гражданского общества совпадают. Гражданское общество в понимании цифровой демократии исходит из процессов самоорганизации и стремится минимизировать опеку и контроль государства над этими процессами. Но такие стихийно возникающие структуры в цифровой реальности со стороны гражданского общества в большинстве случаев не обладают необходимым потенциалом, в том числе, чтобы защитить себя от разного рода противоправных действий, которые имеют место в Сети (и не только). Государство нацелено перехватить инициативу и управлять развитием цифровой демократии, что чревато установлением жесткого контроля со стороны госструктур, появлением у них возможности скрывать «неудобную» информацию и пр.

Взаимодействие государственных структур и гражданского общества в цифровой реальности должно избегать следующих крайностей: с одной стороны, деконцентрации и размывания государственной власти, грозящие невыполнением ею основных функций и потерей государственного суверенитета (что, в частности, теоретически было представлено Р.Нозиком в его концепции «минимального государства», то есть государства, обладающего функцией исключительно защиты жизни и собственности граждан от насильственных посягательств, которое оно реализует на основе добровольного сотрудничества с обществом [148]), что чревато, в конечном итоге, уничтожением данной власти, а, с другой стороны, нарушения здесь прав человека и гражданина (например, установление системы тотального контроля над частной жизнью граждан путем введения так называемого «сквозного» идентификатора). Между тем, по мере своего развития цифровые технологии обостряют эти противоречия. Взвешенная стратегия в их решении должна строиться на нахождении компромиссов, согласовании интересов. Нельзя все функции государства реализовывать на принципах краудсорсинга, но нельзя и вести тотальную слежку за гражданами. Это значит, что следует официаль-

но установить где, в каких областях краудсорсинг обязателен, а также, когда и каким структурам разрешено вести наблюдение за гражданами (для этого на законодательном уровне должны быть прописаны строгие процедуры, касающиеся сбора, использования, хранения получаемых данных, утверждена система контроля над реализацией указанных процедур). Нарушение этих границ должно иметь правовую оценку.

В условиях цифровой реальности конструктивное сотрудничество государства с негосударственными СМИ и новыми медиа в Сети как элементами гражданского общества имеет принципиальное значение для обеспечения политической и социальной стабильности, снижения уровня напряженности в системе общественных отношений, своевременной корректировки и успешного проведения политического курса представителями публичной власти. Вместе с тем и новые медиа, как и Сеть в целом, должны находиться в правовом поле. Свобода слова, выражения мнений не носят абсолютного характера, что в полной мере относится и к цифровой среде. Отсюда, различные меры ограничительного характера (в частности, блокировка сайтов, фильтрация веб-сайтов и пр.).

Развитие цифровых технологий ведет к передаче ряда государственных услуг негосударственным структурам, в том числе институтам гражданского общества. Но последнее не представляет собой единого целого, выражает разные группы интересов. В условиях, когда государство перестает быть единственным субъектом, осуществляющим процессы государственного управления, возникают опасности, ставящие под угрозу обеспечение государственного суверенитета, прав и свобод граждан и пр. Вполне вероятна ситуация, когда нетократия, обладающая возможностями влияния на принятие государственных решений, будет действовать в собственных интересах.

В условиях отсутствия оперативного реагирования государственных структур и институтов гражданского общества на злободневные проблемы интернет-пользователи начинают самоорганизовываться, образуя сетевые сообщества, которые начинают принимать активное участие в политических

процессах, стремятся влиять на государственные решения. Между тем, проблема отчуждения граждан от активного участия в государственных структурах и институтах гражданского общества остается нерешенной. Сеть уже сформировала свои правила общения в ней, поэтому нередко проблема состоит в том, что институты гражданского общества и государственные структуры не вписываются в данные правила, что вызывает отторжение сетевого сообщества.

Гражданское общество в Сети представлено не только его традиционными институтами, но и новыми сетевыми структурами, с которыми государству еще только предстоит выстраивать отношения в цифровой реальности и которые оказывают новые формы давления на государственную власть. С одной стороны, сетевые структуры достаточно автономны от власти государства, но, с другой стороны, Сеть не может функционировать без данной власти, так как именно на нее ложится обязанность обеспечения безопасности в цифровой реальности. Соблюдение и гарантии цифровых прав интернет-пользователей должны лежать в основе проявления властных полномочий со стороны государственной власти в Сети.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты и документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //Российской газета (федеральный выпуск). - 25.12.1993; Консультант Плюс. - 01.10.2020.
2. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации» (редакция от 01.03.2020) //Российская газета (федеральный выпуск). - 08.02.1992; Консультант Плюс. - 01.10.2020.
3. Федеральный закон от 01.05.2019 №90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" //Официальный Интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.05.2019. - (Дата обращения: 01.10.2020).
4. Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» //Российская газета (федеральный выпуск). - 28.04.2020; Консультант Плюс. - 01.10.2020.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (редакция от 08.06.2020) //Российская газета (федеральный выпуск). - 29.07.2006; Консультант Плюс. - 01.10.2020.
6. Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2012 №150 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы "Открытое правительство"» //Консультант Плюс. - 01.10.2020.
7. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» //Собрание законодательства Российской Федерации. - 15.05.2017. - №20. - Статья 2901; Консультант Плюс. - 01.10.2020.
9. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 №215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (редакция от 21.01.2020) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.
10. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управ-

ления» //Российской газета (федеральный выпуск). - 09.05.2012; Консультант Плюс. - 01.10.2020.

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.09.2010 №697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия») (редакция от 04.09.2020) //Собрание законодательства Российской Федерации. - 20.09.2010. - №38. - Статья 4823; Консультант Плюс. - 01.10.2020.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 №65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002-2010 годы)"» (редакция от 09.06.2010) (утратило силу) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 №136 «О Центре мониторинга и управления сетью связи общего пользования» (не вступило в силу) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 №313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» (редакция от 30.11.2019) //Собрание законодательства Российской Федерации. - 05.05.2014. - №18. - Часть II. - Статья 2159; Консультант Плюс. - 01.10.2020.

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 №1815-р (редакция от 26.12.2013) «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы)"» (редакция от 26.12.2013) (утратило силу) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 №632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» (редакция от 10.03.2009) (утратило силу) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.

17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 №93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» //Консультант Плюс. - 01.10.2020.

Литература на русском языке:

18. *Абрамова Д.С.* Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации //Гуманитарные научные исследования. - 2013. - №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

19. *Авдеев Д.А.* Делиберативная демократия на местном уровне: возможности социальных сетей //Муниципальная служба: правовые вопросы. - 2019. - №4. - С.7-10.

20. *Агеева А.В., Красноцветов Г.В.* «Мягкая сила» в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникации //Власть. - 2020. - Том 28. - №2. - С.96-100.

21. *Азизов Р.Ф.* Электронное правительство как элемент электронного государства //Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. - 2014. - №4 (35). - С.22-27.
22. *Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д.* Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность /Препринт/. - М.: ДПК Пресс, 2018. - 48 с.
23. *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы //Конституционное и муниципальное право. - 2017. - №1. - С.27-31.
24. *Аничкин Е.С.* Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №12. - С.19-22.
25. АНО «Левада-Центр». Гражданское участие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
26. АНО «Левада-Центр». Отношение к электронному голосованию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/08/31/otnoshenie-k-elektronnomu-golosovaniyu/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
27. *Антонов Я.В.* Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России //Конституционное и муниципальное право. - 2016. - №9. - С.17-20.
28. *Антонов Я.В.* Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов //Российская юстиция. - 2017. - №12. - С.38-41.
29. *Аршинов В.И.* Цифровая реальность в оптике постнеклассической парадигмы сложности //Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Международной конференции (8-9 февраля 2018 г., Москва). - М., 2018. - С.147-151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://keldysh.ru/future/2018/22.pdf> - (Дата обращения: 01.10.2020).
30. *Барциц И.Н.* Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его //Государство и право. - 2013. - №10. - С.40-51.
31. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну /Перевод с немецкого В.Седельника и Н.Федоровой. - М.: Прогресс-традиция, 2000. - 383 с.
32. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования /Перевод с английского, под редакцией В.Л.Иноземцева. - М.: «Academia», 2004 (ОАО Можайский полиграфический комбинат). - 786 с.
33. *Билева И.И.* Блогерство как субъект информационной политики //Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия. Сборник статей по материалам XXI международной научно-практической конференции. - №8 (21). - М., 2018. - С.19-23.
34. *Бирюков В.А.* Ключевые тренды развития Интернета в России //Медиаэкономика 21 века. - 2018. - №6. - С.10-18.

35. *Богучарский А.А.* Сетевое общество 21 века: влияние информационных технологий и виртуальной социализации на участие граждан в политических процессах политической жизни государства //Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2018. - №2. - С.53-58.

36. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции /Перевод с французского А.Качалова. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2017. - 240 с.

37. *Бондаренко С.В.* Модель организации сотрудничества власти и гражданского общества в реализации проектов «электронного государства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dissers.ru/books/2/2686-1.php>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

38. *Бочков А.А.* Современное государство и право в условиях цифровой реальности //Право. Экономика. Психология. - 2019. - №1 (13). - С.3-9.

39. *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен: Монография. - М.: Издательский дом «Инфра-М», 2020. - 128 с.

40. *Бродовская Е.В.* Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность //Власть. - 2019. - Том 27. - №4. - С.65-69.

41. *Бураева Л.А., Шогенов Т.М.* Роль информационных технологий в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности //Социально-политические науки. - 2019. - №5. - С.190-192.

42. *Буринов М.А.* Построение электронного государства как фактор модернизации государственного управления в регионах //Философия социальных коммуникаций. - 2013. - №1 (22). - С.123-129.

43. *Васильев А.А., Шпопер Д.* Государство и право перед вызовами новой научно-технологической реальности //Алтайский юридический вестник. - 2019. - №3 (27). - С.7-10.

44. Виртуальная рында [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openrynda.te-st.ru>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

45. *Вольская Т.Е.* Дигитальные информационно-коммуникационные технологии в управлении персоналом образовательных организаций высшего образования //Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». - 2019. - №2, февраль. - С.17-20.

46. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ifap.ru/library/book042.pdf> - (Дата обращения: 01.10.2020).

47. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Управление именами и адресами в Интернете: вопросы интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/export/sites/www/amc/ru/docs/report.pdf>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

48. Встреча Михаила Мишустина с заместителями руководителей федеральных органов исполнительной власти, ответственными за цифровую трансформацию 12.03.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/39129/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

49. ВЦИОМ: Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/. - (Дата обращения: 01.10.2020).

50. ВЦИОМ: Пандемия пройдет, а что останется? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10267>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

51. ВЦИОМ: Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2535313-echo/> - (Дата обращения: 01.10.2020).

52. ВЦИОМ. Digital Russia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://d-russia.ru/tag/vciom>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

53. Выборы 2024: блокчейн и электронное голосование [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://d-russia.ru/vybory-2024-blokchejn-i-distantcionnoe-golosovanie.html> - (Дата обращения: 01.10.2020).

54. Галанина Е.В., Салин А.С. Мифическое в виртуальных мирах видеоигр //Философия и культура. - 2017. - №9. - С.76-88 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24153. - (Дата обращения: 01.10.2020).

55. Гегель Г.В.Ф. Философия права /Перевод с немецкого; автор вступительной статьи и примечаний В.С.Нерсисянц; АН СССР, Институт философии. - М.: Издательство «Мысль», 1990. - 526 с.

56. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. Монография. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «Юридическая фирма "КОНТРАКТ"», 2019. - 212 с.

57. Голоскоков Л.В. Сетевое законодательство: концепция развития //Информационное право. - 2006. - №4 (7). - С.11-14.

58. Голубовский В.Ю., Никодимов И.Ю., Синюкова Т.Н. Институты гражданского общества в современной России //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия, социология, право». - 2015. - №20 (217). - Выпуск 34. - С.43-50.

59. Гонтарь С.Г. Электронное голосование - новая возможность участия граждан в формировании органов власти //Государственная власть и местное самоуправление. - 2019. - №4. - С.29-33.

60. Горшкова Е.И. Блог как вид Интернет-коммуникации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности: 10.02.04 - германские языки /Научный руководитель - кандидат филологических наук, профессор А.Г.Гурочкина. - СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, 2013. - 22 с.

61. Государство и право в новой цифровой реальности: Монография /Редакторы-составители: Ловцов Д.А., Конюхова (Умнова) И.А. - М.: Инсти-

тут научной информации по общественным наукам РАН, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/gosudarstvo-i-pravo-v-novoi-tcifrovoy-realnosti/> - (Дата обращения: 01.10.2020).

62. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии /Под редакцией Г.С.Батыгина. - М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. - 248 с.

63. *Даниленков А.В.* Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной Сети Интернет //Lex Russica. - 2017. - №7 (128). - С.154-165.

64. *Девятова С.В., Казарян В.П.* Многомерность проблемы коммуникации в цифровом обществе //Российский гуманитарный журнал. - 2020. - Том 9. - №3. - С.165-173.

65. *Деева Н.В.* Тенденции развития российского гражданского общества в эпоху цифровизации //Гражданин. Выборы. Власть. - 2020. - №1 (15). - С.82-91.

66. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения /Перевод с французского Д.Кралечкина. - Екатеринбург: У-Фактория, 2007. - 670 с.

67. «Демократор» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://democrator.ru/about/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

68. *Дзидзоев Р.М.* Конституционное право в информационном и цифровом пространстве России //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №10. - С.21-22.

69. Диссернет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissertnet.org/about/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

70. Добродел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dobrodel.mosreg.ru/benefactors?districtId=37>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

71. *Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талалина Э.В., Старцев Я.Ю.* Цифровое будущее государственного управления по результатам. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. - 114 с.

72. Доклад «Итоги внедрения системы "Открытое правительство" и перспективы до 2024 года». - М., 2018. - 140 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://Доклад%20об%20итогах%20внедрения%20системы%20«Открытое%20правительство»%20и%20перспективах%20до%202024%20года.pdf>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

73. *Друкер П.Ф.* Управление в обществе будущего /Перевод с английского и редакция Е.В.Трибушной. - М.: Издательство «Вильямс», 2007. - 306 с.

74. *Елатавна Е., Митрофанова О.Н.* Современные технологии самоорганизации //Центральный научный вестник. - 2019. - Том 4. - №2 (67). - С.39-40.

75. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Право современного государства. Том 1 /Под редакцией: Гессен С.И. 2-е издание, исправленное и дополненное. - СПб.: Типография «Н.К.Мартынов», 1908. - 626 с.

76. *Ефремов А.А.* Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета РФ в информационном пространстве //Государственная власть и местное самоуправление. - 2016. - №12. - С.39-43.

77. *Ефремов И.А.* Собрание сочинений в 6 томах. Том 5. Час быка. - М.: Издательство «Современный писатель», 1993. - 448 с.

78. *Жижина М.В.* Блогер в социальных представлениях молодежи //III Ломоносовские чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 14.11.2019). - Петрозаводск, 2019. - С.46-50.

79. *Жичкина С.Е.* К вопросу о понятии гражданского общества //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «право». - 2010. - №18 (194). - С.15-19.

80. *Жужлов А.* Гражданское общество и Интернет-технологии //Власть. 2010. - №8. - С.82-84.

81. Журналист. Медиалогия: рейтинг самых цитируемых СМИ за 2019 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jrnlst.ru/medialogia-19> - (Дата обращения: 01.10.2020).

82. *Замятин Е.И.* Мы. Текст и материалы к творческой истории романа /Составители: М.Любимова, Джулия Куртис. - СПб.: Издательство «Мирь», 2011. - 608 С.

83. *Засемкова О.Ф.* Разрешение споров с помощью технологии блокчейн //Актуальные проблемы российского права. - 2019. - №4 (101), апрель. - С.160-167.

84. *Зеленко Б.И., Шиманская Э.С.* О специфике политического в российском цифровом пространстве //Власть. - 2020. - Том 28. - №3. - С.24-30.

85. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума //Российская газета (столичный выпуск). - №115 (7578). - 29.05.2018.

86. *Зырянов Б.В.* Стратегии продвижения персонального аккаунта в Instagram //Вопросы теории и практики журналистики. - 2018. - Том 7. - №3. - С.539-556.

87. Интернет-партия Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://интернет-партия-россии.рф/partiya.html>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

88. Искусственный интеллект глазами россиян [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/news/4234/> - (Дата обращения: 01.10.2020).

89. Источники новостей и доверие СМИ. АНО «Левада-Центр». - 27.02.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

90. *Каминская Т.Л.* Блогер как актор развития онлайн-журналистики //Медиалингвистика. - 2014. - №53. - С.191-193.

91. *Кинякин А.А.* Экономические аспекты формирования институтов гражданского общества в постсоветской России: проблемы и перспективы //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2010. - №2. - С.61-70.

92. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество /Государственный университет - Высшая школа экономики; вводная статья В.С.Малахова; приложения Т.Х.Маршалла /перевод с английского Ю.Дергунова; под научной редакцией А.Смирнова. - М.: Издательский дом государственного университета - Высшей школы экономики, 2011. - 224 с.

93. *Капустина А.Г.* Правовой статус субъектов информационно-коммуникативной деятельности в Интернете //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. - №11-7. - С.43-46.

94. *Карпова А.Е.* Государственный суверенитет в современных условиях //Молодой ученый. - 2016. - №23. - С.334-336.

95. *Карпова Е.Н.* Манипулятивное воздействие на массовое сознание и сознание индивида в обществе информации //Научные идеи, прикладные исследования и проекты стратегий эффективного развития российской экономики: сборник статей-презентаций научно-исследовательских работ преподавателей, студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых, выполненных под руководством научно-педагогических работников Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова /Составители Дун И.Р., Карпова И.Ф. - М.: Издательство «Аудитор», 2016. - С.80-84.

96. *Карцхия А.А.* Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность //Правовая информатика. - 2017. - №1. - С.13-17.

97. *Кастельс М.* Власть коммуникации /Перевод с английского Н.М.Тылевич; предисловие к изданию 2013 года А.А.Архиповой; под научной редакцией А.И.Черных. 2-е издание, дополненное. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. - 591 с.

98. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе /Перевод с английского А.Матвеева, под редакцией В.Харитоновой. - Екатеринбург: У-Фактория при участии издательства Гуманитарного университета, 2004. - 328 с.

99. *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права: современные трактовки и новые подходы. - М.: Издательство «Юрист», 2002. - 332 с.

100. *Кин Д.* Демократия и гражданское общество /Перевод с английского Л.Б.Макеевой, И.И.Мюрберг; под редакцией И.И.Блауберг; вступительная статья, послесловие М.А.Абрамова. - М.: Издательство «Прогресс-Традиция», 2005. - 400 с.

101. *Киреева Е.Ю.* Цифровая демократия: мифы и реальность //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №7. - С.29-32.

102. *Киселев А.С.* Современные теоретические подходы к понятию электронного государства //Актуальные проблемы российского права. - 2018. - №6 (91). - С.32-39.

103. *Китов А.И.* Электронные цифровые машины. - М.: Издательство «Советское радио», 1956. - 276 с.
104. *Климашевская О.В.* Цифровая модернизация российского государства и общества: плюсы, вызовы и риски //Власть. - 2020. - Том 28. - №1. - С.92-96.
105. *Кныжова З.З., Сулов И.В.* Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте //Власть. - 2019. - Том 27. - №5. - С.59-66.
106. *Ковлер А.И.* Права человека в цифровую эпоху //Бюллетень Европейского суда по правам человека. - 2019. - №6 (204). - С.146-150.
107. *Кожемякин Е.А., Попов А.А.* Блоги как средство журналистской коммуникации //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. - 2012. - №6 (125). - Выпуск 13. - С.148-155.
108. Коммерсантъ. Как показала себя новая система на выборах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4088856>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
109. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS №185) (заключена в г. Будапеште 23.11.2001; с изменениями от 28.01.2003; вступила в силу 01.07.2004; Российская Федерация в Конвенции не участвует) //Консультант Плюс. - 01.12.2019.
110. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/27912/elektron_demokratija_2020.pdf. - (Дата обращения: 01.10.2020).
111. *Коэн Д., Шмидт Э.* Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств /Перевод с английского С.Филина. - М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2013. - 368 с.
112. *Кравченко А.Г.* Концепция сетевого управления государством в России //Северо-Кавказский юридический вестник. - 2012. - №1. - С.48-50.
113. *Кравцов Д.В., Леонов Е.А.* Разработка автоматизированной системы мониторинга информации в сети Интернет в целях борьбы с распространением идей терроризма и экстремизма. Наука и образование против террора - 2010: сборник работ участников Первого Открытого Конкурса «Наука и образование против террора - 2010». - М: МГТУ им. Баумана, 2011. - С.52-61.
114. *Кравцова Е.А.* Взаимодействие законодательных органов с институтами гражданского общества с использованием информационного и цифрового пространства России //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №9. - С.27-29.
115. *Крайнова Е.М.* Парадокс производительности в эпоху цифровой экономики //Неделя круглых столов: 4 sectors. Материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 19-22 марта 2018 г.). - М.: Изда-

тельство Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова, 2018. - С.29-32.

116. *Кротова Е.С., Митрофанова О.Н.* Блог как современный феномен СМИ //Молодежь и XXI век - 2019. Материалы IX Международной молодежной научной конференции (Курск; 21-22.02.2019). В 3 томах. Том 2. Гуманитарные науки. Юриспруденция. Лингвистика и филология. - Курск, 2019. - С.99-102.

117. *Кузнецова Т.Ф.* Цифровое общество в свете культурологии //Горизонты гуманитарного знания. - 2018. - №1. - С.27-36.

118. *Кулагина А.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. Одни называют их инструментом политического влияния США, другие - проводниками свободы и демократии //Дилетант. - 27.11.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://diletant.media/articles/45257969/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

119. *Курячая М.М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии //Конституционное и муниципальное право. - 2017. - №11. - С.31-35.

120. *Курячая М.М.* Электронная демократия как вызов современной правовой политики //Конституционное и муниципальное право. - 2013. - №1. - С.41-44.

121. *Кутейников Д.Л.* Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях //Актуальные проблемы российского права. - 2019. - №9 (106). - С.41-52.

122. *Кутовой Д.А.* Цифровая аналогия общественных отношений в постиндустриальном обществе: потенциал развития или новая угроза //Информационное право. - 2017. - №4. - С.34-38.

123. *Кучеренко А.В.* О правовом статусе блогера //Информационное право. - 2015. - №1. - С.27-31.

124. *Лапаева О.Ф.* Использование цифровых технологий в финансовых расчетах //Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». 2018. - Оренбург: Издательство Оренбургский государственный университет, 2018. - С.2396-2400.

125. *Левашов В.К.* Гражданское общество: протест или консенсус? //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2012. - №3 (109). - С.73-83.

126. *Лэйтан К., Мэйнард Э.* Дополненная реальность повсюду //В мире науки. - 2019. - №1/2. - С.6-7.

127. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории /Под редакцией Н.А.Головина; перевод с немецкого И.Д.Газиева. - СПб.: Издательство «Наука», 2007. - 643 с.

128. *Мажорина М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? //Lex russica. - 2019. - №2. - С.107-120.
129. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека /Перевод с английского В.Г.Николаева. - М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003 (ОАО Можайский полиграфический комбинат). - 464 с.
130. *Мамут Л.С.* «Сетевое государство»? //Государство и право. - 2005. - №11. - С.5-12.
131. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества /Перевод с английского А.Юдина при участии Ю.Данько, под редакцией А.Жаровского. - М., 1994. - 368 с.
132. *Масловская Т.С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №9. - С.18-22.
133. *Махаматов Т.М.* Перспективы демократии и роль гражданского общества в цифровом пространстве //Философское образование. - 2018. - №1 (37). - С.28-33.
134. *Миллс Р.* Властвующая элита /Перевод с английского Е.И.Розенталь и др. Предисловие В.Е.Мотылева. Редакция: Л.Я.Розовский. - Издательство «Иностранная литература», 1959. - 543 с.
135. *Минделл Д.* Восстание машин отменяется! Мифы о роботизации. - М.: Издательство «Альпина нон-фикшн», 2016. - 310 с.
136. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
137. Министерство финансов Российской Федерации. Электронный бюджет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/performance/ebudget/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
138. *Миронова Л.В.* Цифровая страна: государство как платформа: Россия в новой цифровой реальности. - Saarbrücken: Lambert acad. publ. (LAP), cop. 2019. - 190 с.
139. *Михайлова О.В.* Концепция «governance»: политические сети в современном государственном управлении //Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). - 2009. - №2. - С.40-58.
140. *Муха А.В., Дмитриенко Н.В.* Социальные сети и блоги. Применение их в журналистике (на примере социальной сети Facebook) //Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции (Пенза; 07.05.2017). В 2 частях. - Пенза, 2017. - Часть I. - С.40-42.
141. *Муха А.В., Кихтан В.В.* Блоги и СМИ: сходства и различия //Международный студенческий научный вестник. Электронный научный журнал. - 2014. - №2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=11814>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

142. *Нарушева П.Ю.* Основные черты блога и его роль в жизни современного человека //Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. - 2017. - №1. - С.38-43.
143. *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №10. - С.26-32.
144. *Нейсбит Дж.* Мегатренды /Перевод с английского М.Б.Левина. - М.: АСТ: Ермак, 2003. - 380 с.
145. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства /Институт государства и права Российской академии наук, Академический правовой институт. - М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 2000. - 539 с.
146. *Нестеров А.В.* О цифровых правах и объектах цифровых прав //Право и цифровая экономика. - 2020. - №1 (07). - С.11-16.
147. Новейший политологический словарь /Авторы-составители *Д.Е.Погорелый, В.Ю.Фесенко, К.В.Филиппов.* - Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 2010. - 318 с.
148. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия /Перевод с английского Б.Пинскера. - М.: ИРИСЭН, Издательство «Социум», 2019. - 423 с.
149. *Норицугу У.* Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric //Экономические стратегии. - 2017. - №4. - С.122-131.
150. *Носиков А.А.* К концепции цифровых институтов: как посредством технологии блокчейна можно модернизировать институциональные практики //Власть. - 2020. - Том 28. - №3. - С.47-52.
151. *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики. - М.: Путь, 2001.- 17 с.
152. *Носовец С.Г.* Новые медиа: к определению понятия //Коммуникативные исследования. - 2016. - №4 (10). - С.39-47.
153. Организация объединенных наций. Гражданское общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/resources-different-audiences/civil-society/index.html>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
154. *Оруэлл Д.* 1984: роман. - М.: Издательство «АСТ», 2015. - 320 с.
155. Партия прямой демократии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitaldem.ru/2020/04/04/here-we-are-now/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
156. «Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.
157. «Паспорт федерального проекта "Нормативное регулирование цифровой среды"» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 №9) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoi-sredy-utv-prezidiumom/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

158. «Паспорт федерального проекта "Цифровое государственное управление"» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 №9) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie-utv-prezidiumom-pravitelstvennoi/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
159. *Пестерев С.В., Кирякова Ю.А.* Парадокс производительности и ближайшее экономическое будущее //Аллея науки. - 2018. - Том 2. - №7 (32). - С.397-400.
160. *Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А.* Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf. - (Дата обращения: 01.10.2020).
161. *Печенкин В.В., Потехина Е.В.* Блогосфера как площадка профессионального самоопределения //Актуальные проблемы экономики и менеджмента. - 2015. - №2 (6). - С.106-113.
162. Пиратская партия России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pirate-party.ru>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
163. *Поляк Ю.Е.* Электронная демократия: вид снизу //Информационные ресурсы России. - 2011. - №6 (124). - С.2-8.
164. *Полякова В.Э.* Институты гражданского общества (материал подготовлен для системы «Консультант Плюс», 2020) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.
165. *Помогаева Д.М., Чуракова Е.Н.* Правовой статус блогера и правовое регулирование его деятельности //Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». - 2017. - Том 3. - №10. - С.625-631 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29769136>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
166. *Понкин И.В.* Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». - 2013. - №4. - С.52-58.
167. *Попова Н.Ф.* Необходимость цифровизации государственного управления в РФ //Административное право и процесс. - 2020. - №2. - С.48-53.
168. Портал открытых данных Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.gov.ru/taxonomy/term/71/datasets>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
169. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

170. *Прасолова Е.В.* Профессиональная дифференциация в сетевой журналистике //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: литературоведение; журналистика. - 2013. - №4. - С.100-105.
171. Программа «Пиратской партии России» (от 28 мая 2017 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pirate-party.ru/docs/programma-piratskoj-partii-rossii-ot-28-maya-2017-g/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
172. Путин призвал найти баланс между использованием ИИ и правами граждан //РИА Новости. - 09.11.2019 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ria.ru/20191109/1560759954.html>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
173. *Пырма Р.В.* Политические грани цифрового гражданства //Власть. - 2019. - Том 27. - №4. - С.69-78.
174. Раздел «Опровержения» на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/oproverzenia1>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
175. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: Новая социальная революция /Перевод с английского А.Гарькавого. - М.: Издательство «ФАИР-ПРЕСС», 2006. - 416 с.
176. Рекомендация №СМ/Рес(2017)5 Комитета министров Совета Европы «О правилах электронного голосования» (Вместе с «Требованиями к электронному голосованию», «Определениями и терминами») (принята 14.06.2017 на 1289-м заседании представителей министров) //Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. - 2017. - №11. - С.144-149.
177. Рекомендация №Рес(2004)15 Комитета министров Совета Европы «Об электронном управлении» (принята 15.12.2004 на 909-м заседании представителей министров) //Консультант Плюс. - 01.10.2020.
178. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» //Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
179. *Римский В.Л.* Гражданское и политическое в социальных сетях Рунета //Политическая наука. - 2013. - №1. - С.192-208.
180. Рождение коллективного разума. О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия /Ф.Хейлинг и др.; под редакцией Б.Б.Славина. - М.: URSS, 2013. - 285 с.
181. *Ровинская Т.Л.* Киберлибертарианство - новая альтернативная идеология информационного общества в условиях глобализации /В сб. Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации. - М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и междуна-

родных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук, 2016. - С.39-43.

182. *Рогачев С.В, Виловатых А.В.* Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности в условиях цифровой реальности //Проблемы национальной стратегии. - 2019. - №6 (57). - С.108-117.

183. Роль институтов. АНО «Левада-Центр». - 20.02.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-povostej-i-doverie-smi/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

184. *Романова О.* Кризис журналистики //Смена. - 2011. - №6, июнь. - С.5-6.

185. *Романовская О.В., Романовский Г.Б.* Цифровые технологии и децентрализация государственной власти //Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №8. - С.36-40.

186. *Ромашкина А.Б.* Феномен власти в условиях информационного общества //Государственное управление. Электронный вестник. - 2019. - Выпуск №75, август. - С.194-203 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/issue__75._august_2019/legal_and_political_aspects_of_public_administration/romashkina.pdf. - (Дата обращения: 01.10.2020).

187. Российская общественная инициатива. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.roi.ru>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

188. *Рубцова М.В.* Правовые проблемы разграничения государственных услуг и государственных функций в российском законодательстве при осуществлении прокурорского надзора //Российская юстиция. - 2017. - №11. - С.50-53.

189. *Руденко В.И.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты /Ответственные редакторы: Кокотов А.Н., Кушкин М.И. - Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2003. - 476 с.

190. *Рыбина Т.И.* Проблемы правового статуса блогера //Наука и современность. - 2015. - №40. - С.40-44.

191. *Рябченко Н.А., Гнедаш А.А.* Online и Offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2014. - Том 10. - №3. - С.91-100.

192. Сайт Московской Городской Избирательной Комиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

193. Сайт электронного голосования в Эстонской Республике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.valimised.ee/index_rus.html - (Дата обращения: 01.10.2020).

194. *Сарьян В.К., Левашов В.К.* Основные тенденции развития информационно-коммуникационных систем принятия государственных управленческих решений //Актуальные проблемы российского права. - 2020. - №6 (115). - С.33-42.
195. *Свифт Д.* Путешествия Лемюэля Гулливера /Перевод с английского. - СПб.: Издательство «Азбука», 2014. - 365 с.
196. *Селкер Т.* Электронное голосование //В мире наук. - 2005. - №1. - С.61-62.
197. Сети 4.0. Скорость изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urbanru.ru/wp-content/uploads/2018/09/seti4.pdf>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
198. Система гуманитарного и социально-экономического знания /Хмелевская С.А., Соломатин В.А., Хмелевский С.В. Редактор: С.А.Хмелевская. - М.: Издательство «Пер Сэ», 2002. - 752 с.
199. *Скиннер К.* Человек цифровой. Четвертая революция в истории Человечества, которая затронет каждого /Перевод с английского О.Сивченко. - М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2019. - 292 с.
200. *Славин Б.* Когда цифровая демократия не работает //Ведомости. - 12.11.2019. - №212. - С.7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/art2019/bv2106.pdf>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
201. *Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности //Век глобализации. - 2018. - №4. - С.145-151.
202. *Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети: теория и методы анализа. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. - 318 с.
203. *Смотрицкая И.И.* Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические риски и вызовы //ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. - 2018. - №4. - С.60-72.
204. *Соловьев А.И.* Политическая повестка правительства или зачем государству общество //Полис. Политические исследования. - 2019. - №4. - С.8-25.
205. *Степанова Н.А.* Блогер как информационный посредник //Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы ежегодной международной научной конференции памяти Ф.М.Рудинского. - Рязань, 2017. - С.455-457.
206. *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства /Перевод с английского: Ионов В.. - М.: Альпина Паблишер, 2020. - 430 с.
207. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография /Под ред. Г.В.Осипова, С.В.Рязанцева, В.К.Левашова, Т.К.Ростовской. - М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. - 800 с.
208. *Струков К.В.* Контрольная деятельность Российского государства за информационными отношениями в сети Интернет //Журнал российского права. - 2016. - №7. - С.104-111.

209. *Талапина Э.В.* Государственное управление в информационном обществе. Правовой аспект = Public administration in the information society. Legal aspect = L'administration publique dans la société de l'information. L'aspect juridique: монография /Российская академия наук, Институт государства и права. - М.: Издательство «Юриспруденция», 2015. - 188 с.
210. *Талапина Э.В.* Права человека и цифровой суверенитет //Государственная власть и местное самоуправление. - 2020. - №6. - С.10-15.
211. *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации //Проблемы российского права. - 2020. - №2. - С.11-18.
212. *Тарасов А.М.* Электронное правительство: понятие и система //Право и кибербезопасность. - 2013. - №2. - С.10-21.
213. *Тепсаева С.Р., Чабаяева Т.А.* Блогер и журналист //Наука и молодежь. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Грозный, 27-28.10.2016). - Грозный, 2016. - С.234-238.
214. *Терентьева Л.В.* Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве //Lex Russica. - 2019. - №7 (152). - С.119-128.
215. *Терещенко Л.К.* Услуги: государственные, публичные, социальные //Журнал российского права. - 2004. - №10. - С.15-23.
216. *Тимофеева Л.Н.* Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2020. - №2. - С. 64-69.
217. Топ-10 технологических тенденций по версии Gartner [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnews.ru/reviews/ittrendy2020/articles/10_strategicheskikh_tehnologicheskikh. - (Дата обращения: 01.10.2020).
218. *Тоффлер Э.* Третья волна /Переводчики: Барабанов С., Бурмистров К., Бурмистрова Л., Заритовская З., Комарова Е., Кротовская Н., Кулагина-Ярцева В., Микиша А., Москвина-Тарханова И., Руднева Е., Татарина К., Хмелик Н. Научный редактор П.С.Гуревич. - М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 2004. - 261 с.
219. *Трещева Е.Е., Чеджемов Г.А.* Эпоха постмодерна. Общество виртуальной реальности //Наука XXI века: актуальные направления развития. - 2017. - №1-1. - С.122-125.
220. *Тулупов В.В.* Социальные сети и журналистика //Век информации. - 2015. - №4. - С.11-14.
221. *Турчин А.В., Батин М.А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? - М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012. - 263 с.
222. *Уваров А.А., Кирпичникова А.В.* Интернет в системе правового регулирования средств массовой информации //Информационное право. - 2018. - №2. - С.20-23.

223. Устинович Е.С. От «патернализма» к «взаимодействию»: трансформация отношений власти и российского общества в условиях цифрового развития // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - №1. - С.32-36.
224. Федосеева Н.Н. Демократия в информационном обществе // Журнал российского права. - 2007. - №6 (126). - С.11-17.
225. Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства // Информационное право. - 2016. - №3. - С.17-24.
226. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / Перевод с немецкого. - М.: Издательство «Русский Двор», 1998. - 256 с.
227. ФОМ. Гражданская активность в Интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/10985>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
228. Фромм Э. Душа человека [сборник, перевод] / Общая редакция, составление и предисловие П.С.Гуревича. - М.: Издательство «Республика», 1992. - 430 с.
229. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. - М.: Идея-Пресс, 2011. - 128 с.
230. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. - 2018. - №9. - С.5-16.
231. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. - 2018. - №1. - С.85-102.
232. Хакимова Л.Р. Перспективы и тенденции развития Интернет-телевидения // Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург; 31.10.-02.11.2016). В 3 частях. Часть 2. - СПб., 2017. - С.161-164.
233. Хаксли О.Л. О дивный новый мир / Перевод с английского: О.Сорока; редактор: М.Лаврова. - М.: Издательство «Эксмо-Пресс», 2017. - 352 с.
234. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. - М.: Синдбад, 2019. - 496 с.
235. Хмелевский С.В. Государственный суверенитет: понятие, содержание, актуальные теоретические и практические проблемы реализации // Пробелы в российском законодательстве. - 2015. - №4. - С.280-286.
236. Хмелевский С.В. К вопросу о влиянии гражданского общества на политическую безопасность // Социально-политические науки. - 2012. - №1. - С.139-145.
237. Холодная Е.В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // Гуманитарные и юридические исследования. - 2018. - №4. - С.193-199.
238. Холопов В.А. Электронная демократия как ресурс модернизации современной политической системы // Конституционное и муниципальное право. - 2013. - №1. - С.39-40.

239. *Хоружий С.С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности //Вопросы философии. - 1997. - №6. - С.53-68.
240. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс /Перевод с немецкого: Т.Зборовская. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 103 с.
241. *Худолей Д.М.* Суверенитет или автономия? //Вестник Пермского университета. - 2011. - №12. - Выпуск 2. - С.48-57.
242. *Чалдаева Л.А., Килячков А.А., Якорев А.А.* К вопросу о формировании государственных функций по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве России //Власть. - 2020. - Том 28. - №3. - С.37-46.
243. *Черкасов К.В., Захаревич Д.А.* «Открытое правительство» и «Электронное правительство»: вопросы соотношения концепций государственного управления //Гражданин и право. - 2016. - №2. - С.40-46.
244. *Черногор Н.Н., Залоило М.В.* Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса //Журнал российского права. - 2020. - №7. - С.5-26.
245. *Черняк Л.Ю.* Основные теории государственного суверенитета //Сибирский юридический вестник. - 2005. - №4. - С.15-17.
246. «Цифровые государства»: с чего все началось. - 1cloud.ru. - 25.02.2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/1cloud/blog/349902/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
247. Цифровые технологии - это будущее Человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fb.ru/article/335698/tsifrovyye-tehnologii-eto-buduschee-chelovechestva>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
248. Что такое е-волонтерство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.poznaysebia.com/2015/03/07/chto-takoe-e-volonterstvo/>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
249. *Шанахан М.* Технологическая сингулярность /Перевод с английского. - М.: Издательская группа «Точка», 2017. - 256 с.
250. *Шахназаров Б.А.* Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве //Lex Russica (Русский закон). - 2018. - №12 (145). - С.132-144.
251. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. - М.: Издательство «Эксмо», 2016. - 138 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf. - (Дата обращения: 01.10.2020).
252. *Шегаев И.С., Полозов А.Г.* Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. - М.: Издательство «Перо», 2015. - 242 с.
253. *Эйдман И.* Сетевая демократия и политические социально-сетевые движения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/politic/712087.html>. - (Дата обращения: 01.10.2020).
254. Электронное голосование. Риски и уязвимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.evoting.ru>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

255. Эрделевский А.М. О цифровых правах //ЮрФак: изучение права онлайн. - 26.06.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=2342>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

256. Юдина Е.Ю. Кто победит в медиаспоре: цифра или слово //Знак: проблемное поле медиаобразования. - 2013. - Том 2. - №12. - С.16-22.

257. Явич Л.С. О философии права на XXI век //Правоведение. - 2000. - №4. - С.4-33.

258. Явка на выборах в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59b660889a79472e5723be34>. - (Дата обращения: 01.10.2020).

Литература на иностранных языках:

259. Andersen K.V., Henriksen H.Z. The First Leg of E-Government Research: Domains and Application Areas 1998-2003 //International Journal of Electronic Government Research. - 2005. - №1 (4). - P.26-44.

260. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scène internationale. - Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques & Dalloz, 1992, - 249 p.

261. Bannister F., Grönlund A. Information Technology and Government Research: A Brief History //Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences, 2017. - P.2943-2952 [Electronic resource]. Access mode: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/41512/1/paper0363.pdf>. - (Date of access: 01.10.2020).

262. Bartelson J. The Concept of Sovereignty Revisited //The European Journal of International Law. - 2006. - Volume 17. - №2. - P.463-474.

263. Bozeman B., Bretschneider S. Public management information systems: Theory and prescription //Public Administration Review. - 1986. - Volume 46. - P.475-487.

264. Burgess J., Green J. YouTube: Online Video and Participatory Culture. 2nd edition. - Cambridge, UK: Polity Press, 2018. - 191 p.

265. Change.org [Electronic resource]. Access mode: <https://www.change.org/about>. - (Date of access: 01.10.2020).

266. Civil Society. Dictionary.com [Electronic resource]. Access mode: <https://www.dictionary.com/noresult?term=civil%2Bsociety&r=66>. - (Date of access: 01.10.2020).

267. Digital citizen [Electronic resource]. Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_citizen. - (Date of access: 01.10.2020).

268. Digital citizenship is more important than ever [Electronic resource]. Access mode: <https://www.iste.org/explore/Lead-the-way/Digital-citizenship-is-more-important-than-ever?> - (Date of access: 01.10.2020).

269. Digital 2019: global internet use accelerates [Electronic resource]. Access mode: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>. - (Date of access: 01.10.2020).

270. Digital 2019: Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://datareportal.com/reports/digital-2019-russian-federation-> (Date of access: 01.10.2020).
271. *Fogg B.J.* Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do. - Boston: Morgan Kaufmann Publishers, 2003. - 283 p.
272. *Ford B.* Delegative democracy [Electronic resource]. Access mode: [https://bford.info/deleg/deleg.pdf/-](https://bford.info/deleg/deleg.pdf/) (Date of access: 01.10.2020).
273. *Hoffman J.* Sovereignty (Concepts in Social Thought). - Minnesota: University of Minnesota Press, 1998. - 129 p.
274. *Horgan D., Dimitrijevic B.* Frameworks for citizens participation in planning: from conversational to smart tools //Sustainable Cities and Society. - 12 Apr. 2019. - №48 [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101550>. - (Date of access: 01.10.2020).
275. *Hunt E.* What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it //The Guardian. - 17 December 2016.
276. Industry 4.0: The Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries.BCG Focus, April 2015 [Electronic resource]. Access mode: https://www.bcg.com/publications/2015/engineered_products_project_business_industry_4_future_productivity_growth_manufacturing_industries.aspx. - (Date of access: 01.10.2020).
277. International strategy for cyberspace: prosperity, security, and openness in a Networked World. White House International Strategy for Cyberspace, 2011. - P.10 [Electronic resource]. Access mode: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf. - (Date of access: 01.10.2020).
278. *Janowski T., Estevez E., Baguma R.* Platform Governance for Sustainable Development: Reshaping Citizen-administration Relationships in the Digital Age //Government Information Quarterly. - 2018. - Volume 35. - №4. - P.1-16.
279. *Lucke J. von, Reinermann H.* Speyerer Definition von Elektronik Government. Ergebnisse des Forschungsprojektes Regieren und Verwalten im Informationszeitalter. Online-Publikation, 2004 [Electronic resource]. Access mode: <http://foev.dhv-speyer.de/ruvii>. - (Date of access: 01.10.2020).
280. *Marsh D.* Comparing Policy Networks. - Buckingham: Open University Press, 1998. - 226 p.
281. *Marsh D., Rhodes R.F.W.* Policy Networks in British Government. - Oxford: Clarendon Press, 1992. - 295 p.
282. Mastering the Digital Imperative. Digital BCG, 2017 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.bcg.com/expertise/digital-bcg/default.aspx>. - (Date of access: 01.10.2020).
283. *Mossberger K., Tolbert C.J., McWeal R.S.* Digital Citizenship: The Internet Society and Participation. - Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. - 221 p.
284. *Newman M.* Democracy, Sovereignty and the European Union. - London: C.Hurst & Co, 1996. - 236 p.

285. Nine Themes of Digital Citizenship [Electronic resource]. Access mode: <https://www.digitalcitizenship.net/nine-elements.html>. - (Date of access: 01.10.2020).
286. Open Government Partnership [Electronic resource]. Access mode: <https://www.opengovpartnership.org/our-members/>. - (Date of access: 01.10.2020).
287. *O'Reilly T.* Government as a platform //Open government: collaboration, transparency and participation in practice /Ed. by D.Lathrop, L.Ruma. - Sebastopol, 2010. - P.11-40. [Electronic resource]. Access mode: [//books.google.ru/books?id=JQJ5LF3h4ikC&redir_esc=y](https://books.google.ru/books?id=JQJ5LF3h4ikC&redir_esc=y). - (Date of access: 01.10.2020).
288. *Orgad L.* Future of Citizenship: Global and Digital - A Rejoinder. 13 September 2018 /In: Bauböck, Rainer (Ed.): Debating Transformations of National Citizenship //Springer International Publishing, Cham, 2018. - P.353-358.
289. *Porter M.E., Heppelmann J.E.* Why Every Organization Needs an Augmented Reality Strategy //Harvard Business Rev. - 2017. - №6. - November-December. - P.46-57 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=53458>. - (Date of access: 01.10.2020).
290. *Schenker J.L.* The Infoanarchist //Time. - Monday, July 17, 2000.
291. The Internet Governance Forum (IGF) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.intgovforum.org/multilingual/tags/about>. - (Date of access: 01.10.2020).
292. Top Sites in Russia [Electronic resource]. Access mode: <https://www.alexa.com/topsites/countries/RU>. - (Date of access: 01.10.2020).
293. Top Sites on the Web [Electronic resource]. Access mode: <https://www.alexa.com/topsites>. - (Date of access: 01.10.2020).
294. United Nations /Department of Economic and Social Affairs /Public Institutions [Electronic resource]. Access mode: <https://publicadministration.un.org/en/research/un-e-government-surveys>. - (Date of access: 01.10.2020).
295. What Is Extended Reality and What Can We Do with It? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.sam-solutions.com/blog/what-is-extended-reality-and-what-can-we-do-with-it/>. - (Date of access: 01.10.2020).
296. The World Bank. Worldwide Governance Indicators [Electronic resource]. Access mode: govindicators.org. - (Date of access: 01.10.2020).
297. *Zaleski P.S.* Global Non-governmental Administrative System: Geosociology of the Third Sector /Gawin, Dariusz & Glinski, Piotr [ed.]: «Civil Society in the Making». - Warszawa: IFiS Publishers, 2006. - P.114-143.
298. *Yap Kioe Sheng.* What is Good Governance? [Electronic resource]. Access mode: <http://www.unescap.org/huset/gg/governance.htm>. - (Date of access: 01.10.2020).

299. *Zwitter A., Boisse-Despiaux M.* Blockchain for humanitarian action and development aid //Journal of International Humanitarian Action. - 2018. - Volume 3. - Issue 1. - P.1-7.